

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Саратовская государственная юридическая академия»

*На правах рукописи*

**БОНДАРЕНКО Вадим Евгеньевич**

**МЕСТО АРБИТРАЖА И МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ  
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ**

12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

**Диссертация**

на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Научный руководитель –  
доктор юридических наук, профессор  
**Исаенкова Оксана Владимировна**

Саратов – 2019

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                           |                |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------|
| <b>ВВЕДЕНИЕ .....</b>                                                                                                                     | <b>3</b>       |
| <br><b>ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ .....</b>  | <br><b>17</b>  |
| 1.1. Понятие и место примирительных процедур и арбитража как элементов альтернативной подсистемы системы разрешения правовых споров ..... | 17             |
| 1.2. Историческая сущность и правовая регламентация медиации и арбитража .....                                                            | 37             |
| 1.3. Формы организации медиации и арбитража, модели их эффективного использования .....                                                   | 51             |
| <br><b>ГЛАВА 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУДА В РАЗВИТИИ АРБИТРАЖА И МЕДИАЦИИ .....</b>                                                      | <br><b>81</b>  |
| 2.1. Особенности и пути повышения эффективности взаимодействия государственного суда и третейского суда .....                             | 81             |
| 2.2. Иницилирующая роль государственного суда в урегулировании спора в процедуре медиации .....                                           | 104            |
| <br><b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>                                                                                                               | <br><b>151</b> |
| <br><b>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ .....</b>                                                                       | <br><b>157</b> |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы диссертационного исследования.** Российская Федерация, ориентируясь на опыт европейских стран, поэтапно внедряет альтернативные государственным и иным юрисдикционным органам способы разрешения правовых споров. Первым этапом явилось формирование правовой базы, регулирующей отношения в сфере третейского разбирательства. По мере интеграции нашей страны в международные организации (ШОС, ВТО, БРИКС) и совершенствование экономики и правового регулирования понадобились дополнительные юридические технологии, позволяющие минимизировать последствия правовых конфликтов. Выбор был сделан в пользу медиации как особого вида переговорного процесса, а также арбитража, осуществляемого третейскими судами. Вместе с тем недостаточность теоретико-правового анализа, направленного на установление не только понятия, значения и порядка осуществления, но и сферы действия той или иной альтернативной процедуры, затрудняет сторонам выбор конкретного способа разрешения спора.

Указанная проблема также сопряжена с частой сменой правил функционирования арбитража. С принятием Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»<sup>1</sup> (в ред. от 3 августа 2018 г.) (далее — Закон об арбитраже) пересмотру подверглись основные положения, содержащиеся в Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2015 г.)<sup>2</sup>.

Это означает, что научные работы по изучаемой проблематике, опубликованные в период действия Закона «О третейских судах в Российской Федерации», нуждаются в переосмыслении с учетом действующего правового регулирования, тем более, что функционирование альтернативных форм

---

<sup>1</sup> См.: Российская газета. 2015. № 297; СЗ РФ. 2018. № 32. Ч. I. Ст. 5088.

<sup>2</sup> См.: Российская газета. 2002. № 137; СЗ РФ. 2016. № 1. Ч. I. Ст. 2.

разрешения правовых споров является значимым обстоятельством как для государства (поскольку их существование не только позволяет сократить бюджетные средства на содержание государственных судов, но и способствовать стабилизации и морализации правоотношений), так и для общества в целом (что само по себе уже немаловажно), так как в альтернативных процедурах в большей степени достигается баланс интересов конфликтующих сторон.

Заметим, что законодатель в названии Закона об арбитраже сохраняет прежнее название процедуры – третейское разбирательство. Применительно к целям исследования в настоящей диссертационной работе термин «третейское разбирательство» будет упоминаться для понимания исторического развития изучаемого института, а для характеристики современного состояния альтернативной процедуры будет использоваться термин «арбитраж».

Дальнейшее увеличение количества альтернативных способов разрешения правовых споров, усложнение процедурных вопросов порождают спрос на поиск критериев, которыми следует руководствоваться для выбора конкретного способа, и самих моделей, позволяющих использовать альтернативные механизмы в системе.

Статистические данные о количестве дел, поступивших в государственные суды в течение последних 5 лет, свидетельствуют об его увеличении<sup>1</sup>. Однако численность судей за указанный период значительным изменениям не подвергалась. Вместе с тем существующие варианты применения альтернативных процедур для урегулирования или разрешения правовых споров не привели к их широкому использованию, несмотря на наличие преимуществ (конфиденциальность, быстрота, упрощенная форма). Очевидно, назрела необходимость с иных позиций посмотреть на возможности альтернативных способов разрешения споров, в частности переговоры, медиацию, арбитраж,

---

<sup>1</sup> URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.03.2019).

с тем, чтобы заинтересовать участников спорных правоотношений в урегулировании и разрешении споров в альтернативных процедурах.

Перечисленные доводы послужили причиной выбора темы диссертационного исследования относительно определения места альтернативных процедур в системе разрешения правовых споров по отношению к подсистеме государственных судов и обязательных административных процедур.

**Степень научной разработанности темы.** С учетом значимости для современной правовой науки и правоприменения исследования арбитража и медиации в системе разрешения правовых споров изучению подвергались отдельные, в том числе фундаментальные вопросы, связанные с третейской юрисдикцией и медиацией, такие как: роль международных договоров в формировании третейского разбирательства в России (В.Н. Ануров, О.Н. Толмачева, С.А. Владимирова), теоретико-правовые основы третейского суда (Е.А. Виноградова, М.Ю. Лебедев), правовая природа третейского разбирательства (Г.В. Севостьянов, С.Ж. Соловых, В.Н. Галлеев), отдельные вопросы взаимодействия государственных и третейских судов (Н.С. Зверева, Р.Н. Гимазов, П.Д. Гринев, С.А. Курочкин), характеристика зарубежного опыта применения медиации (Е.И. Носырева, В.И. Бенова), сущность медиации и ее роль для современного общества (С.К. Загайнова), принципы медиации (К.А. Шумова), использование примирительных процедур в арбитражном процессе и гражданском процессе (И.Ю. Захарьяшева, С.И. Калашникова, А.Н. Кузбагаров, М.С. Нахов), участие адвокатов в урегулировании юридических споров в процедуре медиации (А.М. Понасюк), природа медиативного соглашения (М.О. Владимирова, Д.Л. Давыденко) и др.

Вместе с тем комплексного исследования места арбитража (в его современном понимании) и медиации в системе разрешения правовых споров, выполненного на основе действующего законодательства и практики его применения, не имеется.

**Целью диссертационного исследования** является формирование новых научно-теоретических и практических положений, определяющих место

арбитража и медиации в системе разрешения правовых споров для повышения, во-первых, эффективности дальнейшего взаимодействия государственного суда и третейских судов и, во-вторых, иницилирующей роли российских государственных судов в урегулировании спора в процедуре медиации.

Для достижения вышеназванной цели были поставлены следующие задачи:

раскрыть сущность системы разрешения гражданско-правовых споров через ее условное деление на подсистемы, при этом выявив элементы альтернативной подсистемы;

определить понимание примирительных процедур и арбитража как элементов альтернативной подсистемы системы разрешения правовых споров;

выявить место примирительных процедур и арбитража в альтернативной подсистеме системы разрешения правовых споров;

сопоставить имеющиеся формы организации медиации и арбитража и на этой основе сформировать и предложить модели их оптимального использования;

установить особенности взаимодействия государственного суда и третейских судов и предложить научно обоснованные пути повышения их эффективности;

выявить условия применения медиации в судебной подсистеме;

определить пути повышения эффективности использования судебной медиации через усиление иницилирующей роли российских государственных судов в урегулировании спора в процедуре медиации.

**Объектом диссертационной исследования** послужили общественные отношения, возникающие между сторонами конфликта при разрешении спора в процедуре арбитража или медиации, а также правоотношения, основанные на взаимодействии третейских судов и медиаторов с государственными судами.

**Предметом диссертационной работы** выступают научно-теоретические исследования, касающиеся проблематики третейского разбирательства и медиации; законодательство, регулирующее рассматриваемые и смежные с ним вопросы (как действующее, так и утратившее силу, в историческом аспекте); практические проблемы, возникающие в деятельности судов общей юрисдикции при рассмотрении ими гражданских дел, третейских судов и медиаторов.

**Методологическую основу диссертации** составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, прогнозирование, функциональный), частнонаучные методы (системный, логический, историко-правовой, сравнительного анализа, юридической статистики), эксперимент.

Функциональный метод применялся, в частности, для установления наличия конкретных прав и обязанностей комитета по назначениям, постоянно действующего арбитражного учреждения, с одной стороны, и прав, и обязанностей государственного суда в рамках осуществления функции содействия третейским судам, с другой стороны. Этот же метод использовался в работе для обоснования необходимости наделения медиатора некоторыми процессуальными правами, которые присущи сторонам спора, например, наделение правом медиатора на ознакомление с материалами гражданского дела. К историко-правовому методу автор обращался при исследовании развития альтернативных форм разрешения правовых споров во времени. С помощью метода юридической статистики были проанализированы судебные статистические данные гражданских дел, по которым стороны смогли заключить медиативные соглашения. Метод сравнительного анализа применялся при анализе отечественной судебной практики по принятию обеспечительных мер в сравнении с подходами, используемыми в зарубежных странах (например, в Англии, Китае). При помощи эксперимента установлены явления, возникшие в результате обращения к процедуре медиации в отношении споров, находящихся в производстве суда. Результаты эксперимента дали возможность определить условия, позволяющие мотивировать стороны к

урегулированию спора в процедуре медиации, а также критерии медиабельности спора (наличие нескольких вариантов разрешения спора, наличие воли сторон на мирное урегулирование спора и др.).

**Эмпирическую основу исследования** составили материалы судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, судебные акты областных и районных судов, материалы организации и деятельности третейских судей и медиаторов.

**Нормативной основой диссертационного исследования** послужили действующие международные правовые акты, в том числе Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., Директивы ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 21 мая 2008 г. № 2008/52 «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах», Рекомендации Комитета министров Совета Европы, Конституция РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ, Жилищный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», другие федеральные законы в части регулирования отношений, связанных с предметом настоящего исследования, и другие нормативные правовые акты.

**Теоретической основой исследования** является специальная литература, посвященная выбранной тематике — монографии, диссертации, науч-

ные статьи зарубежных и отечественных ученых как общеправового характера, так и специально посвященные проблемным вопросам, возникающим при организации и функционировании третейских судов и медиации: Т.Е. Абовой, Г.О. Аболонина, В.О. Аболонина, Д.Б. Абушенко, О.В. Аллахвердовой, В.Н. Анурова, Л.Н. Бардина, В.И. Беновой, Л.Н. Боковой, Н.С. Бочаровой, Д.Х. Валеева, О.И. Величковой, Е.А. Виноградовой, М.О. Владимировой, С.А. Владимировой, А.Ф. Волкова, В.А. Гавриленко, Р.Н. Гимазова, А.Х. Гольмстена, П.Д. Гринева, В.В. Гурьева, Д.Л. Давыденко, А.А. Демичева, В.В. Долинской, Е.А. Дыбова, Г.И. Жилина, С.К. Загайновой, А.И. Зайцева, И.М. Зайцева, И.Ю. Захарьящевой, Н.С. Зверевой, Н.Б. Зейдера, С.А. Ивановой, А.А. Исаенкова, О.В. Исаенковой, Е.В. Кабатовой, С.И. Калашниковой, Д.И. Кобахидзе, С. Koller, Г.Н. Комковой, А.Ю. Коннова, С.А. Курочкина, А.Н. Кузбагарова, Е.В. Кузбагаровой, М.Ю. Лебедева, Х. Лиу, Н.И. Минкиной, Е.В. Михайловой, Э.М. Мурадян, В.А. Мусина, М.С. Нахова, М.М. Носсаин, Е.И. Носыревой, Г.Д. Нохрина, Ю.К. Осипова, Е.Ю. Пальцевой, А.М. Понасюка, Л.Н. Ракитиной, А.А. Рождествой, М.А. Рожковой, А.А. Сапфировой, Т.В. Сахновой, Г.В. Севастьянова, Ф. Сендера, О.Ю. Скворцова, С.Ж. Соловых, Т.В. Соловьевой, О.Н. Толкачевой, Е.А. Трещевой, А.С. Фединой, И.Г. Фильченко, А.В. Чекмаревой, Н.А. Чудиновской, Р.А. Шамановой, О.Н. Шеменеовой, Г.С. Шереметовой, Ю.А. Широкопояс, К.А. Шумовой, А.В. Юдина, Л. Янга, В.В. Яркова и др.

**Научная новизна диссертационной работы** заключается в том, что в ней впервые определено место арбитража и медиации в современной системе разрешения правовых споров, которую предложено понимать как сложное правовое явление, представленное судебной, административной и альтернативной подсистемами. Наименование каждой подсистемы обусловлено сущностью заключенных в ней процедур, при этом судебная подсистема состоит из процедур, применяемых государственными судами; административная система указывает на публичный орган, которому надлежит применить установленную законом процедуру, предшествующую обращению в суд; а аль-

тернативная подсистема сформирована из примирительных процедур и арбитража и представляет собой альтернативу государственной и административной подсистемам. Обращение населения к процедурам, входящим в состав двух первых упомянутых подсистем, обусловлено их особым положением в системе разрешения правовых споров, определяемых Конституцией РФ или соответствующими федеральными законами. Частота обращения к альтернативным процедурам напрямую зависит от наличия эффективных моделей их использования. Между тем нахождение процедуры в конкретной подсистеме не препятствует ее использованию в иной подсистеме, но при этом учитываются особенности взаимодействия субъектов, которым надлежит применять ту или иную процедуру. Реализация цели и задач настоящего исследования позволила сформулировать **положения, обладающие свойствами научной новизны, которые выносятся на защиту:**

1. Система разрешения правовых споров представляет собой судебную, административную и альтернативную подсистемы, в которых сосредоточены процедуры, позволяющие при их применении защитить или восстановить нарушенные права, внести ясность в спорные или неопределенные правоотношения. Элементами судебной подсистемы служат процедуры, посредством которых осуществляется разбирательство в государственных судах. Элементами административной подсистемы служат процедуры, применение которых в силу закона является обязательным и предшествует обращению в суд, когда одним из участников выступает государственный орган (не входящий в судебную систему) или должностное лицо. Элементами альтернативной подсистемы являются переговоры, медиация и арбитраж. Их применение обусловлено волеизъявлением сторон, при этом востребованность процедур, входящих в состав такой подсистемы, напрямую зависит от их эффективного сочетания. Таким образом, арбитраж и медиация находят свое место в альтернативной подсистеме, представляющей собой совокупность процедур, применение которых основано на добровольном волеизъявлении сторон.

2. Сочетание альтернативных процедур эффективно, когда применение одной или нескольких процедур направлено на урегулирование спора, а другая процедура позволяет его правильно и в принимаемых участниками спора временных рамках разрешить, если стороны не смогли подписать соглашение.

3. Сформированы и научно обоснованы две эффективные модели, сочетающие процедуры, входящие в альтернативную подсистему. Первая модель состоит из директивной медиации и арбитража (ad hoc).

3.1. Директивная форма медиации обусловлена соглашением сторон о наделении медиатора дополнительными функциями, в том числе руководящими началами в организации переговорного процесса. Условия соглашения допускают переход из медиации в процедуру арбитража (ad hoc) с участием того же посредника, если стороны не смогли заключить медиативное соглашение.

3.2. В основу второй модели положены переговоры и арбитраж, администрируемый арбитражным учреждением. Переговоры проводятся без профессионального посредника. Если стороны не достигнут соглашения, им понадобится разрешить спор. Обращение к третейскому суду для разрешения спора, сформированному арбитражным учреждением, признано целесообразным, поскольку он обладает большей компетенцией, чем третейский суд (ad hoc).

4. При научной разработке перспектив развития арбитража следует в первую очередь исходить из того, что объем компетенции третейского суда напрямую зависит от формы организации арбитража: компетенция третейского суда, сформированного арбитражным учреждением, обусловлена дополнительными предметом ведения и полномочиями по рассмотрению любых арбитрабельных споров, включая корпоративные споры, по направлению запросов в государственный суд о содействии в получении доказательств; в то время как третейский суд (ad hoc) не может рассматривать отдельные категории споров, включая корпоративные споры и не вправе на-

правлять запрос в государственный суд о содействии в получении доказательств.

5. Научно обосновано, что взаимодействие с государственным судом третейского суда, администрируемого арбитражным учреждением, является эффективным, если содействие государственного суда не ограничивает правоспособность арбитражного учреждения на скорое рассмотрение спора. Для исполнения запроса третейского суда о получении доказательств предлагается применять аналогию норм Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ, регулирующих сходные правоотношения, что позволит сократить срок исполнения запроса с одного месяца до пяти дней без вызова участников третейского разбирательства в судебное заседание.

6. Аргументирована необходимость исключения из направлений деятельности государственного суда функции содействия по вопросам, отнесенным к компетенции комитета по назначениям арбитражного учреждения, наличие которой в настоящее время позволяет произвольно ограничивать компетенцию третейского суда. Государственному суду отводится контрольная функция по осуществлению проверки постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции.

7. Процедура медиации, помимо ее использования в сочетании с другими процедурами, входящими в состав альтернативной подсистемы в системе разрешения правовых споров, может применяться в судебной подсистеме указанной системы, но при наличии концентрированности судебного разбирательства, проходящего в присутствии в судебном заседании всех участников процесса, которые занимают активную позицию в исследовании доказательств, предварительно оценивая в условиях состязательного процесса степень вероятности вынесения судом решения в их пользу, при иницирующей роли суда в стимулировании начала данной процедуры.

**Теоретическая значимость диссертационной работы** выражается в том, что положения, сформулированные в ходе диссертационного исследова-

ния, дополняют существующие знания об арбитраже и медиации, четко определяя их место в системе разрешения гражданско-правовых споров. Переход от разовых случаев применения альтернативных процедур к комплексному использованию медиации и арбитража (*ad hoc*) либо переговоров и арбитража дает возможность не только урегулировать спор, но и скоро и правильно разрешить его, если стороны не достигли соглашения. Определенная последовательность использования процедур в альтернативной подсистеме системы разрешения правовых споров подчеркивает сущность и значение каждой из них, что позволяет получить целостное представление об их пользе. Кроме того, для процессуальной теории имеют значение авторское определение характера взаимодействия третейского суда и государственных судов и роль государственного суда в мотивации сторон судебного разбирательства к урегулированию спора в процедуре медиации, в том числе с учетом исторического опыта. Изложенные в диссертации выводы и обобщения могут быть использованы для дальнейших научных исследований.

**Практическая значимость исследования** определяется тем, что содержащиеся в диссертации выводы и рекомендации при их практическом применении помогут сторонам правового конфликта выбрать эффективную модель комплексного использования процедур в альтернативной подсистеме системы разрешения правовых споров, что позволит минимизировать расходы, а в дальнейшем обусловит повышение спроса на применение конкретной альтернативной процедуры. Положения диссертационной работы могут быть востребованы судьями государственных судов для мотивации сторон к урегулированию спора в процедуре медиации по гражданским делам.

Перечень предложений, содержащихся в диссертации и направленных на совершенствование взаимодействия государственного суда с медиаторами и третейскими судами, может быть использован в законотворческой деятельности.

Отдельные результаты работы могут быть положены в основу специального учебного курса по применению альтернативных споров в целях уре-

гулирования или разрешения правовых споров в юридических учебных заведениях.

**Апробация результатов исследования.** Отдельные положения диссертации отражены в тринадцати публикациях, в том числе восемь - в журнале, входящем в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, рекомендованном для опубликования результатов докторских и кандидатских диссертаций.

Концептуальные аспекты исследования были предметом дискуссий научно-практических конференций: Международной научно-практической конференции «Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства» (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.); I Международной научно-практической конференции «Право на судебную защиту: сравнительно-правовой анализ Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ» (г. Саратов, 30 марта 2016 г.); III Международной научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (г. Саратов, 7 декабря 2017 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Медиация: вчера, сегодня, завтра» (г. Саратов, 24–25 марта 2015 г.); I Всероссийской научно-практической конференции «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (г. Саратов, 4 декабря 2015 г.); I Всероссийской научно-практической конференции «Защита прав участников хозяйственного оборота» (г. Саратов, 9 ноября 2016 г.); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Перспективы становления и развития медиации в регионах» (г. Саратов, 9 декабря 2016 г.); II Всероссийской научно-практической конференции «Медиация в семейном конфликте» (г. Саратов, 19 октября 2018 г.) и других.

Основные теоретические положения диссертационного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Выводы и практические рекомендации, содержащиеся в работе, использовались автором при преподавании с 2015 г. основной дисциплины «Гражданский процесс» в ФГБОУ ВО «Саратовская юридическая академия», а также факультативных курсов: «Основы третейского разбирательства, техника ведения процесса», «Теоретические и практические основы защиты гражданских прав с использованием процедуры медиации», «Медиация в исполнительном производстве». Слушателями курсов являлись студенты ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» и ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Описанные в диссертации условия, способствующие мотивации сторон к урегулированию спора в процедуре медиации, апробированы автором при рассмотрении конкретных гражданских дел. Отдельные положения диссертационной работы с 2016 г. используются автором в практической деятельности в качестве члена Консультативного совета Центра примирительных процедур (медиации) при Торгово-промышленной палате Саратовской области

**Степень достоверности результатов исследования** определяется тем, что сформулированные автором научные положения, выводы и рекомендации обоснованы применением системного анализа предмета диссертационного исследования, современных и отвечающих поставленным задачам методов познания. В процессе исследования был проанализирован достаточный объем нормативных источников, научной литературы, примеров и обобщений судебной практики, практики третейских судов, деятельность медиаторов и ее результаты.

Текст диссертации имеет высокую степень оригинальности — более 80 процентов (результат был получен при помощи программно-аппаратного комплекса для проверки текстовых документов на наличие заимствований — Антиплагиат, с учетом наличия ранее опубликованных диссертантом статей в данной системе).

**Структура диссертации** обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы.

## **ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ**

### **1.1. Понятие и место примирительных процедур и арбитража как элементов альтернативной подсистемы системы разрешения правовых споров**

Государственные суды представляют собой основное звено любой системы разрешения правовых споров в разных странах мира. В России разбирательство гражданских дел в государственных судах осуществляется по правилам гражданского и арбитражного судопроизводства и является наиболее привычным для граждан и юридических лиц. По этой причине подавляющее большинство дел продолжают рассматривать и разрешать судьи государственных судов.

На наш взгляд, возникала потребность иначе взглянуть на систему разрешения правовых споров через ее деление на подсистемы: судебную, административную и альтернативную.

В юридической литературе не содержится универсального понятия «система разрешения правовых споров», имеются лишь частные случаи его формулирования для достижения поставленных целей исследования.

В системе разрешения правовых споров существуют различные способы защиты. Наряду с государственным судопроизводством функционируют альтернативные процедуры, среди которых называют переговоры (с участием и без участия нейтральных третьих лиц), раннюю одностороннюю оценку (экспертизу), различные формы организации медиации и арбитража, минисуды, комбинированные процедуры и т.п.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> См.: *Гайдаенко Шер Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран) / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М., 2016. С. 48.

Английские специалисты выделяют восемь альтернативных форм, позволяющих урегулировать или разрешить гражданские споры: 1) переговоры; 2) медиацию; 3) примирение; 4) предварительную или раннюю оценку; 5) арбитраж; 6) квазисуд; 7) заключение эксперта; 8) мини-суд<sup>1</sup>.

Система разрешения правовых споров в широком смысле включает в себя множество различных по содержанию процедур. Как правило, она состоит из определенных элементов, но в настоящей работе в рамках достижения поставленной цели исследования — формулирования положений, определяющих место арбитража и медиации в системе разрешения правовых споров — под элементом указанной системы понимается не конкретная процедура, а подсистема, образованную совокупностью соответствующих процедур.

Принято различать международные и национальные системы разрешения правовых споров. Их существование обусловлено спецификой отношений субъектов права.

Например, И. Гомула отмечает, что система разрешения споров Всемирной торговой организации (далее — ВТО) основывается на двухуровневой системе контроля, определяемой Договоренностью ВТО о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров посредством администрирования полномочным органом. Для подготовки доклада по существу спора создаются третейские группы. Полномочиями рассматривать апелляции, связанные с вопросами права и юридическим толкованием, сформулированными в докладе третейской группы, наделен Апелляционный орган, являющийся постоянной квазисудебной инстанцией, состоящей из семи членов, назначаемых на четырехлетний срок<sup>2</sup>.

Национальная система разрешения правовых споров представлена множественностью процедур, посредством которых могут быть урегулиро-

---

<sup>1</sup> См.: *Артемова Ю.А., Борисова Е.А., Ермакова Е.П. и др. Способы разрешения споров в разносистемных правопорядках: учебное пособие.* М., 2017. С. 424.

<sup>2</sup> См.: *Гомула И. Правовые последствия решений Апелляционного органа в системе разрешения споров ВТО // Международное правосудие.* 2016. № 3. С. 78–87.

ваны конфликты либо разрешены споры. В отличие от международной системы разрешения правовых споров она учитывает потребности и интересы организаций и граждан, зарегистрированных и проживающих на территории Российской Федерации. Элементами, составляющими российскую систему разрешения правовых споров, являются подсистемы.

Российская система разрешения правовых споров основывается на различных концепциях, определяющих направления реформирования судебной системы, внедрения административных и альтернативных процедур. В частности, концепция развития судебной системы России на 2013–2020 годы предусматривает использование автоматизированных систем, наличие которых, по мнению ее разработчиков, позволит сократить нарушения процессуальных сроков рассмотрения дел, обеспечит открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов, повысит качество и эффективность работы аппаратов судов, снизит нагрузки на судей и работников аппаратов судов<sup>1</sup>.

Р.С. Маркунин отмечает, что государственные суды занимают особое место в указанной системе. Основное предназначение судебных органов — разрешение правовых споров посредством осуществления правосудия. Сама деятельность по реализации правосудия является прерогативой судебной власти<sup>2</sup>.

Особое положение государственных судов в системе разрешения правовых споров обеспечивается Конституцией РФ, согласно ст. 118 которой правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

---

<sup>1</sup> См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы „Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5474.

<sup>2</sup> См.: *Маркунин Р.С.* Система юридической ответственности судебной власти // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 50–52.

Единым высшим судебным органом государства является Верховный Суд РФ. Политика высшего судебного органа направлена на формирование единообразия судебной практики и толкование норм права, законодательных инициатив, позволяющих сблизить основные правила судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, устранение правовой неопределенности в вопросах подведомственности дел. Такой подход, как отмечают судьи, с которыми следует согласиться, обеспечивает укрепление конституционных гарантий на доступ к правосудию граждан и хозяйствующих субъектов<sup>1</sup>.

Современный этап социально-экономического развития страны ставит перед российской судебной системой новые задачи по совершенствованию видов судопроизводства, оптимизации и законодательному закреплению компетентной нагрузки судей, формированию независимых и самостоятельных апелляционных и кассационных инстанций, структурное выделение которых не связано с границами административно-территориального деления. Решение этих задач осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>2</sup>, который, однако, еще в проектном варианте вызвал значительную критику со стороны правоведов<sup>3</sup>, но не все замечания ученых и ведущих практиков были учтены при его принятии. В частности, за указанием вводимой названным Законом гл. 14.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» на то, что стороны могут урегулировать спор, заключив мирное соглашение или применив другие примирительные проце-

---

<sup>1</sup> См.: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2017. № 1.

<sup>2</sup> См.: Российская газета. 2018. № 272.

<sup>3</sup> См.: *Абова Т.А., Ярков В.В., Брайг Б.* и др. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? // Закон. 2017. № 10. С. 20–35; *Исаенкова О.В.* Законопроект № 383208-7 о единстве подходов при отправлении правосудия и его упрощении: актуально или преждевременно? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 20–24 и др.

дуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречит федеральному закону, не следует разъяснение сущности и порядка применения названных в норме примирительных процедур. Кроме того, из названной главы-новеллы сложно уяснить место, предполагаемое законодателем, для медиации и других примирительных процедур в системе защиты граждански прав, так как сначала в ней идет речь о примирении сторон, потом законодатель переходит к регулированию мирового соглашения и его заключения, и уже после этого лишь вскользь указано на примирительные процедуры, одним из видов которых следует считать медиацию, а далее законодатель вновь регулирует вопросы мирового соглашения, уже не возвращаясь к примирительным процедурам, которые так и остались не раскрытыми.

Для решения задач настоящего исследования предлагается существующие (включая вступающие в силу в ближайшее время) правила судопроизводства, посредством которых государственные суды разрешают гражданско-правовые споры, объединить в подсистему, являющуюся составной частью системы разрешения гражданско-правовых споров. Такую подсистему назовем судебной.

Таким образом, в системе разрешения правовых споров судебная подсистема выступает в качестве механизма государственной защиты нарушенных или оспариваемых прав. С помощью процедур, входящих в судебную подсистему, можно разрешить споры, возникающие во всех сферах деятельности. Место иных процедур, с помощью которых возможно урегулировать или разрешить спор, на наш взгляд, следует рассматривать как дополнительные правовые механизмы, направленные на формирование в стране развитого гражданского общества с устойчивой системой защиты прав человека.

Одним из инструментов повышения эффективности судопроизводства является институт управления делами, получивший закрепление в законода-

тельстве ряда зарубежных стран<sup>1</sup>. Кроме того, в целях сдерживания увеличения поступления гражданских дел в суды власти некоторых стран внедряют досудебные механизмы разрешения споров. В частности, в Германии, Франции, Англии, США широкое распространение получили примирительные процедуры, особенно медиация. В юридической литературе отмечается американизация гражданского процесса, в том числе северных странах — Дании, Норвегии, Швеции. Их процессуальные законы содержат нормы, позволяющие использовать внутрисудебную медиацию для урегулирования спора<sup>2</sup>. Особенностью норвежского процессуального законодательства является его примирительная направленность.

Многие страны наряду с государственными судами создают условия для функционирования специальных административных процедур, позволяющих разгрузить государственные суды. Например, в Австрии третейские суды по делам социального страхования относятся к специализированным судам и являются альтернативой государственным судам<sup>3</sup>.

С.В. Лазарев отмечает, что многообразие инструментов, позволяющих повысить эффективность судопроизводства, дает возможность провести их сравнительный анализ. Некоторые процедуры, в том числе применяемые государственными судами, он определяет через «судейское руководство», а другие процедуры обозначает через «управление делами». Указанные понятия имеют различное смысловое наполнение. Содержание и инструменты управления делами шире, нежели у судейского руководства, которое охватывается первым. Основным компонентом, характеризующим «управление делами», является активность субъекта, применяющего процедуру.

---

<sup>1</sup> См.: Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом. М., 2018.

<sup>2</sup> Backer I.L. The Norwegian Reform of Civil Procedure Reforms of Civil Procedure in Germany and Norway / V. Lipp, H. Fkkyredriksen (eds.), 2011. P. 73.

<sup>3</sup> См.: Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / отв. ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 12–13.

Российская Федерация в настоящее время последовательно внедряет административные процедуры, позволяющие разрешить споры до обращения в суд.

А.Н. Борисов отмечает, что власти заинтересованы создать налогоплательщикам благоприятные условия для урегулирования споров без обращения в суд, а также в целях снижения нагрузки на судебную систему и обеспечения последовательности досудебной и судебной стадий разрешения таких споров<sup>1</sup>.

Согласно ст. 11 Гражданского кодекса РФ<sup>2</sup> (далее — ГК РФ) защита гражданских прав в России может осуществляться в административном порядке.

Например, в соответствии со ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ)<sup>3</sup> гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором; экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в случае, если такой порядок установлен федеральным законом<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Борисов А.Н.* Споры с налоговыми органами при осуществлении налогового контроля и взыскании налогов и сборов: Практические рекомендации. М., 2015. С. 26.

<sup>2</sup> См.: Российская газета. 1994. 8 дек.

<sup>3</sup> См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

<sup>4</sup> См.: Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2017. 4 июля.

Согласно ч. 2 ст. 138 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжалования в вышестоящий налоговый орган в порядке, предусмотренном указанным Кодексом<sup>1</sup>.

Согласно ст. 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» Федеральная антимонопольная служба России выдает хозяйствующим субъектам обязательные для исполнения предписания, в том числе о заключении договоров, об изменении их условий или о расторжении в случае, если при рассмотрении антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства лицами, права которых нарушены или могут быть нарушены, было заявлено соответствующее ходатайство, либо в случае осуществления антимонопольным органом государственного контроля за экономической концентрацией<sup>2</sup>.

П.Ю. Василюшина отмечает, что Федеральная антимонопольная служба фактически осуществляет рассмотрение спора о защите исключительного права на товарный знак<sup>3</sup>.

Законодатель определил обязательный досудебный порядок разрешения споров в сфере финансовых услуг. Согласно Федеральному закону от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» финансовые организации обязаны организовать взаимодействие с финансовым уполномоченным<sup>4</sup>. Указанный Закон определяет порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, в том

---

<sup>1</sup> См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета». 1998. 6 авг.

<sup>2</sup> См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. 27 июля.

<sup>3</sup> См.: Василюшина П.Ю. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации как акт недобросовестной конкуренции: анализ правоприменения // Конкурентное право. 2017. № 2. С. 41–44.

<sup>4</sup> См.: Российская газета. 2018. 6 июня.

числе кредитными учреждениями и страховыми организациями. Потребитель финансовых услуг вправе заявлять в судебном порядке требования к финансовой организации следующих случаях: непринятия финансовым уполномоченным решения по обращению в течение установленного срока рассмотрения обращения и принятия по нему решения; прекращения рассмотрения обращения финансовым уполномоченным; несогласия с вступившим в силу решением финансового уполномоченного.

Приведенные примеры свидетельствуют о наличии специальных процедур разрешения споров, реализуемых административными органами до обращения в суд. Совокупность административных процедур предлагается объединить в подсистему и именовать ее административной.

Таким образом, административная подсистема представляет собой составную часть системы разрешения правовых споров и включает в себя процедуры, применение которых в силу закона является обязательным и предшествует обращению в государственный суд, когда одним из участников выступает государственный орган (не входящий в судебную систему) или должностное лицо.

В юридической литературе упоминаются также частные процедуры, выбор которых определяется волеизъявлением самих конфликтующих сторон. В юридическом сообществе такие процедуры называются альтернативными формами защиты права или альтернативными формами разрешения споров (АРС)<sup>1</sup>. Е.И. Носырева отмечает, что к частным процедурам (АРС) относятся те, которые применяются исключительно на основе добровольного волеизъявления сторон, а именно: переговоры, посредничество, арбитраж, мини-суд и др.<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> См.: *Мажорина М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 107–120.

<sup>2</sup> См.: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005. С. 68.

К.М. Беликова в качестве альтернативных процедур упоминает примирительные процедуры (различные виды переговоров), медиацию и арбитраж<sup>1</sup>.

Переговоры — это процесс прямого обмена информацией между участниками спора, осуществляемый в определенном порядке (процедурной форме) и направленный на заключение соглашения на взаимоприемлемых условиях<sup>2</sup>.

Процедура переговоров является добровольной и, как правило, носит неформальный характер с отдельными признаками официального мероприятия. В ходе переговоров стороны выявляют вопросы, которые вызывают их озабоченность, а также изучают варианты взаимоприемлемого их решения. И если в американской правовой действительности в процессе подобных переговоров спорящие стороны чаще всего представлены адвокатами<sup>3</sup>, то в России в лучшем случае это будет представитель юридической службы, если таковая имеется в организации, либо само лицо — участник спорного правоотношения.

Переговоры чаще используются в сфере предпринимательской деятельности, поскольку являются быстрым и эффективным способом разрешения споров. Н.В. Ивановская отмечает, что термин «переговоры» известен очень давно, но только в последние десятилетия зарубежные страны стали рассматривать его как способ альтернативного разрешения споров<sup>4</sup>. Данная позиция является дискуссионной. На наш взгляд, переговоры как самостоя-

---

<sup>1</sup> См.: Беликова К.М. Порядок досудебного (в том числе квазисудебного) урегулирования споров в странах БРИКС: общие подходы и вехи развития // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 49–61.

<sup>2</sup> См.: Алексеева Н.В., Аргунов А.В., Арифулин А.А. и др. Арбитражный процесс: учебник / под ред. С.В. Никитина. М., 2017. С. 328.

<sup>3</sup> Types of Dispute Resolution Processes // American Bar Association. URL: [http://www.americanbar.org/groups/dispute\\_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm](http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm) (дата обращения: 03.01.2019).

<sup>4</sup> См.: Ивановская Н.В. Оказание услуг по альтернативному разрешению споров общественными организациями в зарубежных странах // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 131.

тельный способ разрешения споров нельзя в полной мере оценить с помощью научных методов познания, поскольку стороны не заинтересованы в том, чтобы разглашать содержание конфликта и переговоров. Кроме того, граждане в России, как правило, не в полной мере осознают преимущества указанной формы разрешения споров по отношению к традиционной форме, то есть по отношению к государственным судам. Следует согласиться с Е.И. Носыревой в том, что в России основной примирительной процедурой считается медиация, а переговоры как самостоятельная процедура недооцениваются, они смешиваются с претензионным порядком урегулирования споров<sup>1</sup>. К этому следует добавить, что переговоры с участием обладающего специальными навыками посредника, если он нейтрален, смешиваются уже с медиацией.

Вместе с тем в российском праве, как и во французской правовой системе, отсутствуют отдельные законодательные положения, посвященные порядку проведения переговоров в целях урегулирования конфликта. Тем не менее, говоря об альтернативных формах разрешения споров в России, отечественные авторы нередко приводят общее описание переговоров как одной из процедур АРС<sup>2</sup>.

Т.В. Алексеева справедливо отмечает, что у большинства российских граждан отсутствуют опыт и практика формирования доверительных отношений в социально-правовой сфере. Российский менталитет сложился в эпоху административно-командной системы, когда деятельность любых институтов, сформированных вне государственной власти, оценивалась с большим

---

<sup>1</sup> См.: *Носырева Е.И.* Перспективы развития в Российской Федерации отдельных примирительных процедур // *Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., Санкт-Петербург)*. Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб., 2019. С. 197.

<sup>2</sup> См.: *Ибрагимов А.* Медиация как способ разрешения коммерческих споров // *Судебная защита прав инвесторов: сборник научных статей*. СПб., 2010. С. 143; *Колясникова Ю.С.* Примирительные процедуры в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 22; *Погосян Е.В.* Формы разрешения спортивных споров: научное исследование. М., 2011. С. 50.

недоверием и воспринималась как общественная инициатива, которая быстро возникала и также быстро исчезала<sup>1</sup>.

С большой долей вероятности можно утверждать что власти, осознавая истинное отношение населения России к переговорам, предпочли перейти к внедрению особого вида способа разрешения конфликтов — медиации. Однако, как отмечают правоведы, со вступлением в силу специального правового акта о медиации «законодатель внес в процессуальные кодексы минимальное количество норм, регулирующих применение данного института в рамках гражданского судопроизводства, оставив тем самым место либо для судейского усмотрения, либо для применения судьей аналогии закона или аналогии права»<sup>2</sup>.

Распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р утверждена Концепция развития служб медиации до 2020 года, направленная на внедрение инновационных для Российской Федерации медиативно-восстановительных способов и механизмов предупреждения и разрешения конфликтов. Она содержит собственную терминологию. Помимо общеизвестного мировому сообществу и России понятия «медиация» как способ разрешения споров мирным путем на основе выработки сторонами спора взаимоприемлемого решения при содействии нейтрального и независимого лица — медиатора<sup>3</sup> вводится понятие «медиативный подход» — подход, основанный на принципах медиации, предполагающий владение навыками позитив-

---

<sup>1</sup> См.: *Алексеева Т.В.* Некоторые аспекты интеграции институтов альтернативного разрешения споров в правовую среду современной России // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2016. № 12. С. 43–47.

<sup>2</sup> *Нахов М.С.* Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 5.

<sup>3</sup> В процессуальной теории определение медиации, как правило, более развернуто. Например, у В.И. Беновой, медиация — это добровольный и конфиденциальный способ альтернативного разрешения и урегулирования международных коммерческих споров, целью которого является содействие двум (или более) сторонам спора в достижении обоюдного и взаимовыгодного соглашения при участии третьего нейтрального лица — медиатора, не имеющего права выносить обязательное для сторон решение и давать рекомендации относительно условий разрешения (урегулирования) спора. См.: *Бенова В.И.* Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.

ного осознанного общения, создающими основу для предотвращения и (или) эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях без проведения медиации как полноценной процедуры<sup>1</sup>.

Полагаем, что переговоры с участием посредника наиболее востребованы российскими гражданами по отношению к остальным переговорам, поскольку для их организации привлекается независимое нейтральное лицо, обладающее специальными навыками урегулирования споров в процедуре, предусмотренной Законом о медиации. В научной литературе отмечается, что их эффективность чаще всего зависит от избранных стратегий и тактик<sup>2</sup>. Представляется, что в результате использования переговоров, в том числе основанных на медиативном подходе либо медиации, стороны имеют возможность урегулировать спор путем подписания взаимовыгодного соглашения.

Закон о медиации содержит обязательные к исполнению требования, в частности требования к медиатору, осуществляющему деятельность на профессиональной основе, который должен иметь возраст не менее 25 лет, высшее образование и получить дополнительное профессиональное образование по условиям применения медиации, предусматривающим соблюдение конфиденциальности, выбор и назначение медиатора, оплату его услуг, сроки проведения процедуры; требования к форме и содержанию медиативного соглашения.

Если стороны не смогли договориться, то спор может быть разрешен в процедуре арбитража. Возможность разрешения споров посредством обращения в международный коммерческий арбитраж в российской правовой системе рассматривается Конституционным Судом РФ в качестве общепри-

---

<sup>1</sup> См.: Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 143 «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4557.

<sup>2</sup> См.: Алексеева Н.В., Аргунов А.В., Арифутин А.А. и др. Указ. раб. С. 328.

знанного способа разрешения гражданско-правовых споров, проистекающего из свободы договора<sup>1</sup>.

В учебнике уральской процессуальной цивилистической школы указано, что третейский суд как частноправовой элемент системы социального управления выполняет функцию по обеспечению оптимального функционирования системы общественных отношений за счет разрешения гражданско-правовых споров и устранения правовой неопределенности, ими вызываемой<sup>2</sup>. Заметим, что в данном учебнике С.А. Курочкин определяет место арбитража в системе социального управления, по сути арбитраж здесь характеризуется как составной элемент альтернативной подсистемы. Ранее в своей монографии указанный автор применительно к международному коммерческому арбитражу предупреждал о том, что «недостаточное, а равно и чрезмерное внимание государства, в котором было разрешено дело или ставится вопрос о признании (исполнении) арбитражного решения, к результатам правоприменительной деятельности международного коммерческого арбитража способно свести на нет все преимущества третейской формы защиты прав и интересов»<sup>3</sup>. Принимая во внимание правильность таких выводов, и то, что устранение преимуществ третейской формы неизбежно повлечет за собой

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона „О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества „Сбербанк России”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

<sup>2</sup> См.: *Абсалямов А.В., Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л. и др. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 752 (автор главы — С.А. Курочкин).*

<sup>3</sup> *Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М., 2008. С. 4.*

снижение и так недостаточного количества рассматриваемых арбитражами дел, укажем, что задачей исследователей указанной формы в этом плане является нахождение такого баланса правового регулирования взаимодействия государственных судов и третейских судов, чтобы роль государства не оказалась ни чрезмерной, ни недостаточной. Полагаем, что любая альтернативная процедура может дополнять собою любую систему или подсистему в зависимости от нужд исследования.

Следует отметить, что цели и задачи арбитража являются схожими с фундаментальными целевыми установками арбитражного и гражданского процесса, разработанными Г.А. Жилиным и И.М. Зайцевым<sup>1</sup>, поскольку заинтересованные стороны могут быстро и эффективно получить разрешение частных экономических споров, основой которых являются гражданско-правовые отношения, независимым и беспристрастным юрисдикционным органом на основе равенства сторон и состязательности. Защита нарушенных или оспариваемых прав осуществляется на основе закона и справедливости. Кроме того, рассматриваемая процедура не препятствует примирению сторон, хотя и не соотносится с отношениями, регулируемыми ранее упомянутой новеллой — гл. 14.1 ГПК РФ «Примирительные процедуры. Мирное соглашение».

Третейский суд наравне с судами государственными «говорит право» (*juris dictio*), то есть уполномочен государством на ограниченное применение к частным отношениям сторон законов и иных положений. Выносимые третейскими судами решения — это правоприменительные акты, признаваемые в таком качестве государством, обязательные для сторон разбирательств.

---

<sup>1</sup> См.: Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 24–87; Зайцев И.М. Целевые установки гражданского судопроизводства // Проблемы реформы гражданского процессуального права и практики его применения. Свердловск, 1990. С. 13–18.

ва и обеспеченные при определенных условиях силой государственного принуждения<sup>1</sup>.

А.М. Фатхутдинова отмечает, что третейские суды являются институтом саморегулирования гражданского общества, осуществляющим правоприменительную деятельность (разрешение гражданско-правовых споров) на основе взаимного волеизъявления сторон (третейского соглашения). Это один из видов альтернативного способа урегулирования споров<sup>2</sup>.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже) арбитраж — это процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)<sup>3</sup>. Данный Закон содержит требования к форме и содержанию арбитражного соглашения; определяет порядок избрания (назначения) арбитра, его отвода, прекращения полномочий, замену; форму и содержание арбитражного решения, порядок его приведения в исполнение; требования к арбитру (кандидат на должность третейского судьи должен иметь возраст не менее 25 лет и диплом, подтверждающий наличие юридического образования, а также отсутствие судимости).

Закон об арбитраже допускает применение процедуры медиации к спору, который находится на разрешении в арбитраже (ст. 10). Вместе с тем, на наш взгляд, закрепленное законом соотношение арбитража и медиации требует тщательной проработки.

Разница между рассматриваемыми процедурами заключается в том, что в первом случае стороны, которые не смогли достигнуть согласия относительно условий разрешения спора, передают его на разрешение третейскому судье, которому надлежит принять решение. В этом случае наблюдается ак-

---

<sup>1</sup> См.: Абсалямов А.В., Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л. и др. Указ. раб. С. 752.

<sup>2</sup> См.: Фатхутдинова А.М. Особенности третейского разбирательства // Современный юрист. 2017. № 4. С. 82–88.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. 2015. 31 дек.

тивная роль посредника, направленная на создание определенности в отношениях между конфликтующими сторонами. В другом случае стороны привлекают в переговорный процесс профессионального посредника, например, медиатора, который способствует сторонам выработать подходящее соглашение. Обращаем внимание на то обстоятельство, что стороны по-прежнему занимают активную позицию по выработке условий соглашения. Заметим, что две указанные формы — медиация и арбитраж — регулируются соответствующими федеральными законами.

Таким образом, можно подразделить альтернативные формы разрешения спора на неформальные (не содержат обязательных требований к процедуре — переговоры) и формальные (процедуры, урегулированные законом и локальными правилами — медиация, арбитраж).

Переговоры как альтернативная форма разрешения правовых споров могут проводиться без участия нейтрального посредника или с его участием (например, это может быть и медиатор). Процедура арбитража предполагает обязательное участие арбитра. Общим для перечисленных форм разрешения правовых споров является договорная основа.

Различие каждой формы заключено в итоговом документе: для переговоров — соглашение сторон или их представителей; для медиации — медиативное соглашение, подписанное сторонами и медиатором; для третейского суда — арбитражное решение, которое подписывается только арбитром и является обязательным для исполнения сторонами спора.

Между тем попытки определить количество примененных процедур медиации по делам, находящимся в производстве третейского суда, не привели к положительному результату. Отсутствие искомой информации может свидетельствовать о несуществовании либо о недостаточной известности фактов применения процедуры медиации на какой-либо стадии арбитража.

Такое положение, на наш взгляд, объясняется тем, что третейский судья (арбитр) и медиатор являются профессиональными участниками рынка оказания услуг в сфере разрешения правовых споров. Они осуществляют

свою деятельность на возмездной основе. Например, денежный сбор за осуществление услуг медиатора на досудебной стадии составляет: в г. Москве — 30 000 руб., после обращения в суд — 50 000 руб., часовая оплата работы медиатора — 10000 руб.<sup>1</sup>; г. Санкт-Петербурге — от 10 000 руб. и более и зависит, как правило, от цены иска (в частности, при цене иска от 1000 000 до 2500 000 руб. размер третейского сбора составит 12500 руб.<sup>2</sup>), в г. Саратове — от 5050 руб. для физических лиц и до 11000 руб. для юридических лиц. Также может быть предусмотрена дополнительная оплата, которая рассчитывается в процентном соотношении от основного сбора и зависит от положительного результата процедуры и суммы материальных претензий в споре<sup>3</sup>.

Стоимость услуги третейского суда при цене иска до 2500 000 руб. в г. Москве — 50 000 руб. и регистрационный сбор — 20 000 руб., при коллегиальном рассмотрении спора арбитражный сбор составляет 65 000 руб., регистрационный сбор — 20 000 руб.<sup>4</sup> Например, суммарная стоимость разрешения спора в процедурах, применяемых медиатором и третейским судом при цене иска 2 500 000 руб., в г. Москве составит от 100 000 руб. (30000+70000) до 135 000 руб. (50000+85000). Сведения о стоимости услуг третейского разбирательства в других российских регионах после реформы третейского суда в свободном доступе на момент написания диссертации отсутствовали.

Между тем размер государственной пошлины с ценой иска до 2 500 000 руб. при подаче иска в государственный суд составит 35 000 руб. для арбитражных судов и 20700 руб. для районного звена судов общей юрисдикции.

---

<sup>1</sup> URL: <http://vip-mediator.ru/uslugi-mediatora-stoimist.html> (дата обращения: 03.01.2019).

<sup>2</sup> URL: <http://arbimed.ru/polozheniye-o-sbore-za-provedeniye-mediatsii> (дата обращения: 03.01.2019).

<sup>3</sup> URL: [http://mediators.ru/rus/regional\\_mediation/saratov/](http://mediators.ru/rus/regional_mediation/saratov/) (дата обращения: 03.01.2019).

<sup>4</sup> URL: <https://arbitration-rspp.ru/fees-and-costs/costs-calculator/> (дата обращения: 03.01.2019).

Таким образом, очевидно, что системное применение альтернативных форм для разрешения спора оказывается более дорогостоящим по отношению к государственным судам и, следовательно, в материальном плане менее выгодным.

Е.Ю. Пальцев справедливо отмечает, что высокая стоимость альтернативных форм разрешения правовых споров является фактором, сдерживающим их развитие<sup>1</sup>.

Анализируя отдельные альтернативные способы разрешения конфликтов, а именно медиацию в Германии, ведущие немецкие адвокаты и нотариусы отмечают, что «в конечном счете любой вариант решения вопроса о сборах не будет лишен недостатков»<sup>2</sup>, но при этом предлагают «прямое закрепление в законодательстве порядка расчета сборов при медиации с учетом комплексного характера переговоров»<sup>3</sup>, однако далее указывают на то, что «не остается никакой другой альтернативы, кроме как производить расчет цены спора, исходя из положений ч. 1 пар. 30 Закона Германии о сборах, с учетом обстоятельств конкретного дела (... во внимание принимаются размер заявленных требований, ответственность нотариуса, объем выполняемой им работы, а также справедливость взыскиваемого сбора)»<sup>4</sup>. Как видим, из четырех указанных немецкими юристами критериев лишь первый можно назвать определенным (да и то при условии, что предмет спора подлежит денежной оценке, что, например, невозможно по спорам о воспитании детей, да и во всех случаях, когда предмет спора имеет неимущественный характер), второй критерий плохо соотносится с презумпцией добросовестности медиатора и тем, что ответственность может наступить за правонарушения, кото-

---

<sup>1</sup> См.: Пальцева Е.Ю. Факторы, сдерживающие развитие медиации в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченкова М., 2012. С. 82–85 (сер. «Библиотека медиатора». Кн. 4).

<sup>2</sup> Ригер Г., Мим К. Нотариус в качестве медиатора // Медиация в нотариальной практике / Петер Фар и др.; отв. ред. К.Г. фон Шлиффен и Б. Вегман; пер. с нем. С.С. Трушников. М., 2005. С. 55.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 56.

рые, скорее всего, совершены не будут, а справедливость является одной из самых спорных категорий не только в юридической науке и правоприменении<sup>1</sup>, но и в философском восприятии.

В этой связи, на наш взгляд, целесообразно сформировать модели, состоящие из процедур альтернативной подсистемы системы разрешения правовых споров таким образом, чтобы, помимо прочих условий их развития, приблизить стоимость процедур альтернативной подсистемы к судебным расходам (государственная пошлина и издержки), которые понесет сторона при обращении с иском в государственный суд, то есть при выборе судебной подсистемы.

Каждая модель должна включать не менее двух альтернативных процедур, одна из которых позволяла бы *урегулировать* спор (например, с помощью переговоров или в процедуре медиации), а другая — *разрешить* спор по существу (например, в процедуре арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением). Предполагается, что их последовательное использование от процедуры урегулирования спора до процедуры разрешения спора позволит сократить стоимость альтернативных форм по отношению к судебным расходам, несение которых, как правило, неизбежно при обращении в государственные суды.

Переговоры, медиация, арбитраж могут являть собой альтернативу так называемым «традиционным» процедурам, применяемых государственными судами или административными органами, но при условии, что их расположение в альтернативной подсистеме системы разрешения споров позволит

---

<sup>1</sup> Самым «простым» представляется определение справедливости как «господствующего в обществе прогрессивного правосознания, представления об идеальном правовом строе», данное С.А. Муромцевым 125 лет назад. См.: *Муромцев С.А.* Право и справедливость (отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний: в 2 т. СПб., 1893. Т. 2. С. 9. Тем не менее попытка применения «справедливости» относительно определения денежных сборов в большинстве случаев приводила к противоположным результатам (контрагенту видится именно «несправедливым» установление более высоких выплат противоположной стороне, а ей, в свою очередь, покажется «несправедливым» снижение выплат.

оптимизировать материальные расходы при их применении и обеспечить надлежащую защиту нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

Таким образом, арбитраж и медиация находят свое место в альтернативной подсистеме, являющейся совокупностью процедур, применение которых основано на добровольном волеизъявлении сторон. Эти процедуры образуют альтернативную подсистему по отношению к судебной и административной подсистемам, при этом востребованность процедур, входящих в состав такой подсистемы, напрямую зависит от их эффективного сочетания. Соответственно альтернативная подсистема должна включать не менее двух альтернативных процедур, одна из которых позволяла бы урегулировать спор (например, с помощью переговоров или в процедуре медиации), а другая — разрешить спор по существу (например, в процедуре арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением).

Каждая из названных подсистем выступает составным элементом системы разрешения гражданско-правовых споров, в которой сосредоточены все процедуры, позволяющие при их применении защитить или восстановить нарушенные права, внести ясность в спорные или неопределенные правоотношения.

Соответственно сочетание альтернативных процедур является эффективным, когда применение одной из них или нескольких направлено на урегулирование спора, а другая процедура позволяет его правильно и в принимаемых участниками спора временных рамках разрешить, если стороны не смогли подписать соглашение.

## **1.2. Историческая сущность и правовая регламентация медиации и арбитража**

Обозначив место современных арбитража и медиации в альтернативной подсистеме системы разрешения гражданско-правовых споров, следует проанализировать формы их организации и определить модели их эффектив-

ного использования. Учитывая, что споры могли быть урегулированы путем проведения переговоров между участниками конфликта с помощью иного лица (в современном понимании — медиатора) или разрешены независимым органом или лицом, избранным сторонами конфликта (в современном понимании — третейским судом) на протяжении довольно длительного периода истории человечества, то исторический метод должен оказать содействие в понимании возможности (а при установлении таковой — и условий) интеграции правил, уже существовавших ранее в отношении деятельности третейских судей и медиаторов, в действующее законодательство. Оценивая тот или иной правовой институт во время его существования изначально в римском праве (понимая рецепцию в современность многих его норм), а затем именно в России (а не только, как это иногда принято, в зарубежных странах, хотя от сравнительного правоведения мы также не отказываемся, полагая его необходимым), нам предстоит проанализировать соответствие современных правовых предписаний отечественным традициям относительно исследуемых институтов.

История медиации уходит своими корнями в глубокую древность. Наибольшее развитие эта процедура получила в регионах с хорошо развитой торговлей. Институт посредничества широко использовался в Китае и Японии. В этих странах и сегодня нормы морали ставят примирение сторон посредством диалога намного выше, чем решение проблемы государственным судом<sup>1</sup>.

Дальнейшее становление института посредничества происходило в Древней Греции, где медиаторы были известны как *proxenetas*, а затем и в Древнем Риме появилось законодательное закрепление положения медиаторов<sup>2</sup>. В римском праве они именовались по-разному: *internuncius*, *medium*, *in-*

---

<sup>1</sup> См.: *Самойлова Д.* Земельные споры в России и за рубежом // *ЭЖ-Юрист*. 2016. № 30. С. 16.

<sup>2</sup> См.: *Кодекс Юстиниана (Фрагменты)*. М., 2008. С. 12.

tercessor, philanthropus, interpolator, conciliator, interlocutor, interpres и, наконец, mediator<sup>1</sup>.

В условиях традиционного российского общества, несмотря на различные политико-правовые трансформации, реформы и революции, на уровне крестьянской общины столетиями сохранялось посредничество, осуществляемое институтами общинной власти. В отчетах коммерческих судов Российской империи середины XIX в. употреблялся термин «медиатор» и указывалось на полезность разрешения торговых споров с участием медиатора, что свидетельствует в пользу широкого применения примирительных процедур — медиации — в практике разрешения коммерческих споров на территории России середины XIX в.<sup>2</sup> Однако после революционных преобразований 1917 г. практика использования медиаторов была прекращена по идеологическим и политическим мотивам.

В первые постреволюционные годы господствующим стало положение, основанное на высказывании В.И. Ленина «Мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»<sup>3</sup>.

Возрождение исследуемого института началось во второй половине XX в. Рецепция, как известно, наблюдалась изначально в США, Австралии, Великобритании, то есть в странах англосаксонского права, после чего медиация получила распространение в Европе. Возродившаяся на бытовом уровне, медиация постепенно начала переходить в сферу профессиональной

---

<sup>1</sup> См.: Ралько В.В., Репин Н.В., Дударев А.В., Фомин В.А. Нотариат: учебник. М., 2016. С. 214.

<sup>2</sup> См.: Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24. С. 29–34.

<sup>3</sup> Цит. по: Еременко А.А. Невский нотариат: люди, судьбы, исторические параллели. СПб., 2017. С. 425.

деятельности<sup>1</sup>. Однако, как отмечает Е.И. Носырева, институт медиации в социальном значении в России еще не сформировался<sup>2</sup>.

Между тем, по мнению С.К. Загайновой, следует учитывать зарубежную практику относительно внедрения и распространения медиации: «Чтобы медиация заняла достойное место среди национальных способов разрешения и урегулирования правовых споров, требуется продолжительное время ... в среднем в европейских странах на это потребовалось около 30 лет»<sup>3</sup>.

На наш взгляд, медиация рано или поздно может вновь получить повсеместное распространение в России при условии создания правильного алгоритма ее внедрения и адаптации, и указанный С. Загайновой срок занятия медиацией «достойного места» в системе разрешения и урегулирования споров может сократиться, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что медиация для России — не новый, а хронодискретный правовой институт, так как в ее существовании и развитии в России имелся определенный представителями теории хронодискретности «оптимальный временной разрыв»<sup>4</sup>.

Следует отметить, что к третейским процедурам, в отличие от «неприемлемой», «буржуазной» медиации, в российском процессуальном праве в советский период было более лояльное отношение. Отмечая их простоту как значимое преимущество, ученые провозглашали, что арбитражные (третейские) решения вполне «обеспечивают своевременное и справедливое рас-

<sup>1</sup> См.: Антипов А.Н., Антипов В.А. История возникновения и развития медиации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 23–25.

<sup>2</sup> См.: Носырева Е.И. Становление института медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 13.

<sup>3</sup> Загайнова С.К. Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // Примириительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., Санкт-Петербург). Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очерedyко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб., 2019. С. 70.

<sup>4</sup> Демичев А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сборник научных трудов / под ред. А.А. Демичева. Вып. 2. Н. Новгород, 2010. С. 9–11.

смотрение и разрешение споров»<sup>1</sup>. Вместе с тем, как полагают современные исследователи третейского производства, оно было фактически «возрождено» лишь в конце XX в. с переходом России к рыночным отношениям<sup>2</sup>.

В.А. Мусин отмечал, что стороны могут прибегнуть к процедуре медиации и после передачи спора на рассмотрение третейского суда до принятия им соответствующего решения (ч. 2 ст. 4 Закона о процедуре медиации). В этом случае медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, может быть утверждено третейским судом в качестве мирового соглашения<sup>3</sup>.

Модель применения альтернативных процедур, при которых одна дополняет другую по образцу, предложенному В.А. Мусиным, является, по нашему мнению, экономически не вполне целесообразной. Правильнее будет такая модель, при которой стороны имеют возможность сначала урегулировать спор, а только потом разрешить этот спор. Предложенная модель предполагает первичное использование примирительных процедур (например, медиацию), а затем арбитраж.

Если брать за основу более глубокий исторический аспект относительно третейских процедур, то представление о них известно, как минимум, со времен Римской империи (27 г. до н. э. — 476 г. н.э.). Существует точка зрения, согласно которой третейский суд предшествовал судам государственным и под третейскими процедурами понималось обоюдное соглашение тяжущихся предоставить частному лицу и с его согласия разрешение их спора, которое подлежало обязательному исполнению<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс: курс лекций. Саратов, 1998. С. 325.

<sup>2</sup> См.: Гимазов Р.Н. Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 3.

<sup>3</sup> См.: Мусин В.А. Соглашения о третейском разбирательстве и медиации: сравнительный анализ // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 139–144.

<sup>4</sup> См.: Гавриленко В.А. Вопросы истории третейского разбирательства споров (Древний мир и средние века) // История государства и права. 2010. № 5. С. 6–7.

У славянских народов третейский суд возник в пору первого зачатка гражданственности (IX–XII в.). Позже третейский суд использовался в качестве одного из способов мирного прекращения споров между жителями княжеств<sup>1</sup>. К середине XVII в. нормы о третейском суде вошли в состав общего законодательства<sup>2</sup>. Третейский суд разрешал разные споры, например, споры между сочинителями, переводчиками и издателями о принадлежности какой-либо книги, за исключением отдельных споров<sup>3</sup>. Однако определения общего закона были слишком кратки и неполны. Это порождало много недоумений у тяжущихся относительно силы и действия третейского приговора, сами судебные места того времени затруднялись в применении законов и по необходимости должны были испрашивать указание высших инстанций. В связи с этим 15 апреля 1831 г. Государь-Император утвердил Положение о Третейском Суде, после чего третейскому суду запрещалось рассматривать иски о правах государственных, в частности, о правах состояния, либо имеющие связь с правами состояния (вопросы о законности или незаконности рождения, о действительности или недействительности брака, требования к казне и к учреждениям, охраняемым в суде на праве казенном). Третейский Суд имел возможность рассматривать дела по закону или «по совести». При этом закон не стеснял третейских судей определенными способами доказывания и силой доказательств. Третейский Суд мог принимать в качестве доказательств факты, которые ему казались достоверными. Это было существенным различием между «судом по совести» и «судом по закону»<sup>4</sup>.

А.Х. Гольмстен отмечал, что с началом третейского разбирательства «возникало процессуальное отношение не общего типа, а отношение, не подчиняющееся общим процессуальным нормам; сами стороны или судьи могли

---

<sup>1</sup> См.: Вицын А. Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 6.

<sup>2</sup> См.: Гришин Д.А. Неустойка: теория, практика, законодательство. М., 2005. С. 36.

<sup>3</sup> См.: Яковлев В.Ф. Избранные труды: в 3 т. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М., 2013. С. 19.

<sup>4</sup> См.: Вицын А. Указ. раб. С. 6–7.

установить эти нормы, закон лишь давал ряд рецептивных норм, касающихся третейского договора, а не процессуального отношения, вытекающего из этого договора»<sup>1</sup>.

Существенные изменения третейского суда относятся к периоду становления и существования Союза Советских Социалистических Республик (1917–1991 гг.), когда несмотря на то, что процедура третейского разбирательства отличалась от процедуры разрешения споров, которая применялась государственным судом и государственными арбитражами, и была, на первый взгляд, более простой и удобной, она по большому счету оказалась невостребованной должным образом советским обществом.

Например, Д.В. Воронин отмечает, что в годы военного коммунизма предприятия не заключали договоры и не нуждались в органах по разрешению хозяйственных споров ввиду их отсутствия<sup>2</sup>, таким образом без предмета рассмотрения оказывались бы не только третейские суды, но и обычные, если бы на них была возложена такая функция. Для советской власти была характерна плановая экономика. Считалось, что для быстрого разрешения споров процессуальные формальности могли только мешать<sup>3</sup>. Потому, как известно, с начала 30-х гг. прошлого века и до начала реформы арбитражного процесса 1991–1992 гг. рассмотрение хозяйственных (экономических) спорных вопросов осуществляли арбитражные комиссии, государственные и ведомственные арбитражи. При этом ни один из указанных органов не входил в судебную систему.

Таким образом, возможный предмет и субъектный состав третейского разбирательства в советском праве был значительно сужен. В процессуальной

---

<sup>1</sup> Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1899. С. 154.

<sup>2</sup> См.: Воронин Д.В. Становление и развитие органов государственного арбитража Западной Сибири в 1920–1940-е гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-i-razvitie-organov-gosudarstvennogo-arbitrazha-zapadnoy-sibiri-v-1920-1940-e-gg> (дата обращения: 15.01.2019).

<sup>3</sup> См.: О необходимости процессуальных правил // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР. 1934. № 15. С. 1.

науке советского периода преобладала точка зрения, сформулированная Н.Б. Зейдером, который полагал, что третейскому суду при осуществлении защиты субъективных прав и законных интересов граждан и организаций надлежало руководствоваться гражданским процессуальным правом, учитывая общность предмета защиты<sup>1</sup>. Между тем нормы о третейском процессе содержались в Положении о третейском суде, место которого среди правовых актов было определено советским законодателем как Приложение № 3 (последнее из приложений) к ГПК РСФСР<sup>2</sup>, утратившему силу в 2002 г.

На наш взгляд, данный подход к пониманию места третейского суда при разрешении правовых споров сдерживал развитие третейского суда еще и потому, что в условиях плановой экономики третейский суд в том виде, в котором он существовал до Октябрьской революции 1917 г., не был востребован.

В 1991 г. входящие в состав СССР республики подписали соглашение о независимости. В результате деятельность прежнего государства была прекращена. Наметился переход от плановой экономики к рыночным отношениям. И снова ученые обратили свои взоры к проблемам, возникающим при формировании третейских судов.

В 90-е гг. прошлого столетия наметились тенденции к научному обоснованию института третейского разбирательства с учетом складывающегося нормативно-правового регулирования отношений между гражданами, гражданами и организациями и между организациями.

Е.А. Виноградова характеризовала третейский суд как сложное комплексное явление, в основе которого находится материальное, в том числе договорное право, получающее процессуальный эффект в соответствии с на-

---

<sup>1</sup> См.: Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 81.

<sup>2</sup> См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

циональным процессуальным законодательством<sup>1</sup>. Н.С. Бочарова отнесла его к альтернативному способу разрешения споров, отмечая, что гражданский процесс и альтернативные ему способы находятся в полюсных позициях с точки зрения деления на публичные и частные отрасли права. При этом она приводит следующие аргументы: гражданское процессуальное право является, безусловно, публичной отраслью права, так как его нормы регламентируют публичные отношения разрешительным методом; альтернативные способы разрешения споров предполагают частноправовой характер возникновения правоотношений без участия публичного элемента, и по большей части урегулированных диспозитивно<sup>2</sup>. С такой позицией согласны далеко не все правоведы. Например, Д.Л. Давыденко допускает смешение частных и публичные процедур при использовании альтернативной процедуры<sup>3</sup>.

Отнесение учеными правовой природы третейского разбирательства к спорной категории, относящейся как к предмету гражданского процесса, так и к предмету гражданского права, или характеризующейся в качестве смешанного правового феномена, зачастую объясняется стремлением правоведов отнести изучаемый институт к той отрасли права, к которой они проявляют научный интерес.

В пользу близости третейского разбирательства к процессуальному праву высказались: Алан Узелач, отметивший схожую цель — разрешение конфликтов<sup>4</sup>; Кристина Колер, считающая, что обе формы разрешения спора

---

<sup>1</sup> См.: *Виноградова Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

<sup>2</sup> См.: *Бочарова Н.С.* Разрешение споров в России: на грани формальных процедур // *Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва)* / под ред. Д.Я. Малешина. М., 2012. С. 101.

<sup>3</sup> См.: *Давыденко Д.Л.* Вопросы юридической терминологии в сфере альтернативного разрешения споров // *Третейский суд.* 2009. № 1. С. 41–44.

<sup>4</sup> См.: *Узелач А.* Основной доклад // *Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Международной Ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва)* / под ред. Д.Я. Малешина. С. 256–259.

способствуют осуществлению прав личности<sup>1</sup>; Д.Г. Нохрин, который утверждает, что их общая цель сводится к защите нарушенного (оспоренного) права и через это обеспечивает правовую справедливость<sup>2</sup>.

Между тем в научной литературе встречаются суждения об отнесении совокупности норм, регулирующих альтернативные формы разрешения правовых споров, к самостоятельной отрасли права. В частности, М.К. Треушников отмечает, что наличие общей цели (разрешение спора о праве и защита нарушенных и оспоренных прав) не может служить основанием объединения всех норм, регулирующих различные формы защиты субъективных прав и законных интересов граждан и организаций, в единую отрасль права, поскольку различны предмет и метод правового регулирования<sup>3</sup>.

Г.В. Севастьянов отмечает, что альтернативные формы разрешения правовых споров имеют собственные критерии: договорный характер возникновения правоотношений (юридическое равенство сторон, согласованный выбор); частный характер регламентации процедуры (процедурная диспозитивность, отсутствие детального регулирования), в значительной степени отличающиеся от судопроизводства в государственных судах и правоприменительной деятельности других органов государства<sup>4</sup>.

Правовым основанием для постановки вопроса о возможной отраслевой самостоятельности альтернативных форм разрешения правовых споров стал принятый 24 июля 2002 г. Федеральный закон № 102-ФЗ «О третейских

---

<sup>1</sup> См.: *Колер К.* Австрийский национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Международной Ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. С. 151–164.

<sup>2</sup> См.: *Нохрин Д.Г.* Российский национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Международной Ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. С. 259–260.

<sup>3</sup> См.: *Гражданский процесс: учебник* / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 94.

<sup>4</sup> См.: *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) // Третейский суд. 2006. № 6. С. 7–13.

судах в Российской Федерации»<sup>1</sup> (далее Закон о третейских судах), которым устанавливались основные положения, принципы, характеризующие третейское разбирательство, закрепивший не только исторический опыт урегулирования споров в процедуре третейского разбирательства, но и имеющий благую цель — повышение его эффективности и расширение распространения. Это следовало делать с учетом особенностей функционирования регулируемых им процедур во времени, потребностей общества применительно к общественно-политическому строю.

Представляется очевидным, что существующие в XIX в. формы применения альтернативных процедур не подходят к нынешнему состоянию гражданского общества в их прежнем виде, в связи с чем наличествует потребность в разработке современных моделей применения альтернативных процедур для урегулирования конфликтов и разрешения правовых споров, но, конечно же, с учетом их исторического развития и современных форм их организации, основой которых служит принцип диспозитивности.

Историко-правовой анализ регламентации альтернативных способов разрешения правовых споров свидетельствует о заметном влиянии на них именно принципа диспозитивности. Например, благодаря указанному принципу стороны наделяются правом определять состав третейского суда, порядок третейского разбирательства, процедуру избрания медиатора, зачастую определять и последовательность сессий, входящих в процедуру медиации.

Интерес вызывает сравнительный анализ влияния принципа диспозитивности на отношения, возникающие при разрешении дела в процедуре третейского разбирательства, с одной стороны, и по правилам гражданского судопроизводства и арбитражного судопроизводства, с другой стороны.

В учебной литературе содержится понятие диспозитивности применительно к гражданскому процессу — это право или возможность лиц, участ-

---

<sup>1</sup> См.: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2015 г.) // Российская газета. 2002. № 137; СЗ РФ. 2018. № 49. Ч. I. Ст. 7523.

вующих в деле, в известных пределах под контролем суда распоряжаться своими процессуальными и материальными правами, а также средствами их защиты<sup>1</sup>.

Э.М. Мурадян отмечает, что диспозитивность — принцип, гарантирующий стороне процесса право самостоятельно, по собственному усмотрению организовывать и осуществлять защиту своих прав и интересов, используя не запрещенные законом процессуальные средства и способы защиты<sup>2</sup>. Представляется, что принцип диспозитивности в гражданском и арбитражном процессе в целом проявляется в принадлежащем сторонам праве выбора способа защиты и средств защиты. В остальном принцип диспозитивности сдерживается другими смежными принципами, соблюдение или контроль за соблюдением которых возложено на судью. Например, необходимость соблюдения принципа законности в части императивных предписаний для суда и других участников гражданского судопроизводства частично ограничивает действие принципа диспозитивности. В пользу такого суждения высказалась Т.В. Соловьева, которая полагает, что применение постановлений высших судебных органов в гражданском судопроизводстве осуществляется преимущественно на основании принципа императивности с определенными включениями действия принципа диспозитивности, что обусловлено характером данных актов и целями деятельности высших судебных органов<sup>3</sup>.

В частности, примером, ограничивающим действие принципа диспозитивности в гражданском и арбитражном процессе, служат императивные нормы ст. 6.1. ГПК РФ и ст. 6.1 АПК РФ, обязывающие суды рассмотреть дело в разумный срок. Вместе с тем диспозиция ст. 6.1 ГПК РФ содержит оценочную категорию «разумный срок», одним из элементов которой является поведение участников процесса и их оценка судом на основе внутреннего

---

<sup>1</sup> См.: Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 2016.

<sup>2</sup> См.: Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 192–193.

<sup>3</sup> См.: Соловьева Т.В. Принципы реализации постановлений высших судебных органов в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2013. № 8. С. 82–85.

убеждения. В судебной практике встречаются ситуации, при которых стороны процесса ходатайствуют об отложении судебного разбирательства на срок до трех месяцев, необходимый для завершения переговорного процесса и оценки дальнейшей перспективы и целесообразности участия в деле. Между тем ст. 154 ГПК РФ предписывает федеральным судьям рассмотреть и разрешить гражданские дела до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, тем самым ограничивая диспозитивные начала в отношении времени решения вопроса об использовании альтернативных способов для участников уже начатого в суде гражданского процесса.

Представляется, что взаимосвязанные положения ст. 6.1 и 154 ГПК РФ ограничивают влияние принципа диспозитивности в гражданском судопроизводстве процессуальным сроком, соблюдение которого вменено в обязанность суда.

Приведенный пример позволяет определить закономерность: принципу диспозитивности при взаимодействии с другими принципами, которые закреплены в ГПК РФ и АПК РФ, может быть присуща вспомогательная роль.

Для медиации и третейского разбирательства, напротив, рассматриваемый принцип является основным, поскольку при схожих обстоятельствах принцип диспозитивности позволяет сторонам самостоятельно определить необходимый им срок для завершения переговорного процесса.

Реализуя свои права посредством использования принципа диспозитивности, стороны свободны при заключении третейского соглашения, служащего основой третейского разбирательства, согласовании его правил, в определении условий медиативного соглашения. Такой вывод соответствует правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда РФ, в котором говорится, что принцип диспозитивности, отражающий волю сторон договора на заключение третейского соглашения как основы третейского раз-

бирательства и на согласование его правил, имеет более широкое содержание, чем принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве<sup>1</sup>.

Между тем, обозначив в качестве основного принцип диспозитивности, следует сказать о существовании и других принципов (добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон и т.п.), тем более, что в последнее время наметилась тенденция, направленная на увеличение принципов, характеризующих альтернативные способы разрешения правовых споров.

В этой связи А.А. Демичев отмечает, что «необдуманное и неоправданное расширение состава принципов может привести к «обесцениванию» и размыванию этой весьма значимой в социальном и правовом плане категории»<sup>2</sup>. Поэтому вводить новые, не имеющие исторического базиса, принципы исключительно для альтернативных процедур представляется неоправданным и безуспешным, особенно в отношении деятельности третейских судов в России, регулируемой нормами хронодискретного правового института. Таким образом, принимая возможность применения относительно альтернативных способов разрешения и урегулирования правовых споров аналогии права, предлагается руководствоваться принципами, регулирующими производство в альтернативных процедурах, в том числе принципом диспозитивности, опираясь на которые конфликтующие стороны могут избрать для себя подходящую для данного дела в конкретном временном отрезке модель, состоящую из альтернативных процедур, позволяющих урегулировать конфликт или разрешить правовой спор.

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона „О некоммерческих организациях” в связи с жалобой открытого акционерного общества „Сбербанк России”».

<sup>2</sup> Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 6.

### 1.3. Формы организации медиации и арбитража, модели их эффективного использования

Определив историческую сущность и место медиации и арбитража как элементов альтернативной подсистемы системы разрешения правовых споров, перейдем непосредственно к формам их организации, как действующим, так и в перспективном аспекте. Начнем с медиации.

В правовой теории используют следующие подходы к пониманию медиации: рамочный, собирательный, особый.

**Рамочный подход** к пониманию медиации определяется через некоторые виды процедур, проводимых с участием третьего независимого лица, не обладающего властными полномочиями на разрешение спора по некоторым категориям гражданских, семейных и коммерческих споров, исключая процедуры примирения в политических и ряде других конфликтов<sup>1</sup>.

**Собирательный подход** к пониманию медиации рассматривается как максимально широкое «собирательное понятие» (нем. Containerbegriff), включающее в себя все возможные варианты примирительных процедур с участием посредника, от любых форм не прямых переговоров в политических конфликтах и войнах до школьного, семейного, бытового примирения<sup>2</sup>.

**Особый подход** к пониманию медиации ограничен конкретным видом процедуры, которая схожа с другими видами посредничества (модерацией или консилиацией), но имеет ряд особенностей, главным образом связанных с пониманием роли медиатора, техниками, используемыми в процедуре, и

---

<sup>1</sup> Lebovits G., Ramirez L. Alternative Dispute Resolution in Real Estate Matters: The New York Experience. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. Vol. 11. С. 437.

<sup>2</sup> См.: Кузбагарова Е.В. Институт примирения сторон в уголовном процессе как альтернативный способ разрешения криминальных конфликтов // *Третейский суд*. 2006. № 5. С. 157–160; Петрова Н.Е. Кризис традиционного правосудия и возникновение альтернативных форм разрешения правовых конфликтов // *Третейский суд*. 2007. № 6. С. 109–115; Федоренко Н.В. Медиация: экономические и правовые аспекты // *Третейский суд*. 2007. № 5. С. 161; Kreissl S. Mediation — von der Alternative zum Recht zur Integration in das Staatliche Konfliktlösungssystem. *SchiedsVZ*, 2012. С. 230–244.

особенностей реализации базовых принципов, положенных в основу медиации.

Из описанных подходов к пониманию медиации выбор сделан в пользу особого подхода, поскольку в данном случае имеется возможность сформировать модель применения медиации с учетом специфики и менталитета многонационального населения России.

Процедура медиации, как практически дословно следует из Закона о медиации, представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

При этом ясно видно два основных элемента, по которым можно отличить процедуру медиации от иных альтернативных форм — участие специального субъекта (медиатора) и последовательность действий сторон, направленных на принятие ими соглашения, которое должно восприниматься обеими сторонами как взаимовыгодное.

В научной литературе можно встретить определения процедуры медиации с включением дополнительных характеристик по отношению к каждому из приведенных элементов, например А.Ю. Коннов отмечает независимость медиатора, участвующего в урегулировании конфликта<sup>1</sup>; О.В. Аллахвердова рассматривает медиатора в качестве организатора процедуры, которому надлежит управлять переговорами<sup>2</sup>; Д.Л. Давыденко считает обязательным наличие профессиональных навыков и умений, позволяющих отличить медиатора от других видов посредничества<sup>3</sup>; И.В.Решетникова дополняет, что медиатор — это авторитетный участник переговоров, влияние которого

---

<sup>1</sup> См.: Коннов А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. 2004. № 12.

<sup>2</sup> См.: Аллахвердова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. 2006. № 2. С. 133–143.

<sup>3</sup> См.: Давыденко Д.Л. Вопросы юридической терминологии в сфере альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2009. № 1. С. 40–53.

обеспечивается знаниями по вопросам, в которых он хорошо осведомлен<sup>1</sup>; М.В. Гвоздарева в качестве результата применения процедуры медиации указывает на обязательность соглашения, направленного на мирное разрешение конфликта, устранение его причин и последствий<sup>2</sup>.

Дополнения к определению, изложенному в Законе о медиации, указывает на то, что исследуемый институт динамично развивается и в зависимости от конкретных условий к медиатору и (или) к организации процедуры медиации могут предъявляться дополнительные требования. В частности, О.В. Аллахвердова наделяет медиатора организаторскими и управленческими функциями, в связи с чем возник интерес к формам организации процедуры медиации.

В директиве № 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза о некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах термином «медиация» (лат. — *mediare* — посредничать) обозначаются переговоры между спорящими сторонами при участии и под руководством нейтрального третьего лица — медиатора (посредника), не имеющего права выносить обязательное для сторон решение<sup>3</sup>. Согласно последнему определению медиатор является не только участником переговоров, но и руководителем процедуры.

Н.И. Гайдаенко Шер, напротив, рассматривает медиацию как договорный, добровольный, конфиденциальный способ разрешения конфликта, в котором нейтральное независимое третье лицо упрощает, структурирует и ко-

---

<sup>1</sup> См.: Решетникова И.В. Право встречного движения. Посредничество и российский арбитражный процесс // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2007. № 2(4). С. 56.

<sup>2</sup> См.: Гвоздарева М.В. Посредничество как метод альтернативного разрешения корпоративных конфликтов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 16.

<sup>3</sup> См.: Директива № 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах» [рус., англ.] (принята в г. Страсбурге 21 мая 2008 г.). Официальный сайт законодательства Европейского Союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.01.2017).

ординирует переговоры сторон с целью помочь им прийти к дружественному решению этого конфликта<sup>1</sup>.

Существуют две формы организации процедуры медиации: с одной стороны, медиатор — организатор и руководитель переговорного процесса; с другой стороны, медиатор — координатор переговоров, чья роль направлена на упрощение и структурирование переговоров.

В юридической литературе можно встретить деление медиации на формы в зависимости от роли посредника. Если в процедуре медиации посредник является организатором и руководителем переговоров, то такую медиацию принято именовать директивной, а отказ от роли руководителя переговоров и занятие положения координатора переговоров образует фасилитативную форму медиации<sup>2</sup>.

Роль медиатора-координатора, направленная на упрощение, структуризацию и координацию переговоров, в большей степени отвечает признакам фасилитативного стиля медиации. Такому стилю свойственна процедура, в которой медиатор воздерживается от дачи рекомендаций в отношении возможных условий урегулирования спора.

Д.Л. Давыденко отмечает, что «медиация» — понятие более узкое по отношению к посредничеству и означает процедуру, при которой третье лицо не дает рекомендаций в отношении возможных условий урегулирования спора, а оказывает им профессиональное содействие в организации и ведении процесса переговоров<sup>3</sup>.

В.О. Аболонин рассматривает медиацию в качестве специальной примирительной переговорной процедуры, в которой задачу по проведению и поддержанию конструктивного диалога между конфликтующими сторонами выполняет независимый и нейтральный посредник — медиатор. Его роль в

---

<sup>1</sup> См.: *Гайдаенко Шер Н.И.* Указ. раб. С. 248.

<sup>2</sup> См.: *Орлов В.Г.* Медиация в семейных конфликтах в Финляндии // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 47–53.

<sup>3</sup> См.: *Давыденко Д.Л.* Вопросы юридической терминологии в сфере альтернативного разрешения споров // Третейский суд. 2009. № 1. С. 40–53.

такой процедуре состоит лишь в том, чтобы поддержать этот диалог, сделать его конструктивным и эффективным, не позволить сторонам перейти в открытую конфронтацию<sup>1</sup>.

Между тем по мере наделения медиатора дополнительными руководящими функциями наблюдается переход из одной формы медиации в другую, то есть от фасилитативной к директивной медиации. При этом качественное изменение процедуры медиации имеет свою правовую аргументацию.

Е.В. Михайлова отмечает, что медиация это есть посредничество, а посредничество в правовом смысле должно быть соответствующим образом оформлено. Это возможно сделать только в рамках гражданско-правового договора, природа которого будет соответствовать в том числе правовой природе договора поручения<sup>2</sup>.

А.В. Егоров полагает, что «сущность категории посредничества состоит в самостоятельной деятельности лица, выступающего в чужих интересах, в виде подготовки и заключения договора для заинтересованного лица или в виде оказания содействия при заключении такого договора»<sup>3</sup>.

Таким образом, если соглашение о проведении процедуры медиации рассматривать с позиции договора поручения, то стороны, определившие кандидатуру медиатора, вправе наделить его отдельными руководящими функциями в переговорном процессе.

На наш взгляд, усиление роли медиатора, который наряду со сторонами переговоров предлагает возможные условия урегулирования спора, может способствовать более качественному завершению переговорного процесса между сторонами.

---

<sup>1</sup> См.: *Аболонин В.О.* Судебная медиация: теория, практика, перспективы // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. С. 156.

<sup>2</sup> См.: *Михайлова Е.В.* Медиация в России: проблемы определения правовой природы и законодательного регулирования // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 70–71.

<sup>3</sup> *Егоров А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

Если исходить из того, что соглашение о проведении процедуры медиации по своей правовой природе может соответствовать договору поручения, то стороны вправе наделить медиатора дополнительными функциями (в том числе руководящими), реализация которых будет направлена на определение взаимовыгодных условий. В таком случае форма организации медиации поменяется с фасилитативной на директивную.

Директивный стиль медиации определяется консенсуальным соглашением. Стороны наделяют медиатора правом руководить переговорным процессом, направленным на достижение единого результата, которым в идеальном варианте медиации должно стать урегулирование конфликта путем подписания медиативного соглашения. Данный стиль медиации предполагает использование в качестве основы для медиативного соглашения взаимовыгодных условий, сформулированных медиатором из множества вариантов, предложенных сторонами.

На наш взгляд, директивная форма организации медиации более подходит для российского общества, поскольку его использование возможно в условиях формирующегося правосознания в отношении альтернативных процедур.

Как уже отмечалось, институт медиации и в правовом, и особенно в социальном значении в России еще не сформировался окончательно, реализация организационных составляющих процедуры медиации возможна только при наличии экспериментальных условий, которые, по мнению философов права, следует сохранять до момента, когда общество сможет перейти от спонтанного и экспериментального поведения к предсказуемому поведению<sup>1</sup>.

Интерес вызывает эксперимент, поставленный Центром медиации при Уральской государственной юридической академии (далее — Центр). Медиаторы Центра под руководством С.К. Загайновой участвуют в урегулировании спора в процедуре медиации. С их помощью удалось урегулировать

---

<sup>1</sup> См.: Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права. М., 2015.

конфликты до их передачи на рассмотрение и разрешение в суды. В ходе реализации проекта были разработаны специальные техники примирительных процедур, подготовлены в соответствии с учебной программой медиаторы. По результатам эксперимента были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, в том числе позволяющие утверждать медиативные соглашения судом для возможности принудительного исполнения их условий<sup>1</sup>.

Между тем подобные центры работают только в крупных городах, где имеются соответствующие материальная и интеллектуальная составляющие. С.К. Загайнова отмечает, что наиболее подходящей площадкой для проведения подобных экспериментов является высшее учебное заведение юридического профиля или профильные факультеты, которые пользуются доверием в обществе<sup>2</sup>.

Заметим, что с момента вступления в силу Закона о медиации прошло более 9 лет. Однако применяется медиация для урегулирования спора фрагментарно. На наш взгляд, низкая востребованность процедуры медиации обусловлена отсутствием четкого механизма перехода из процедуры медиации в иную альтернативную процедуру, рассмотрение в которой позволяет разрешить спор, если стороны не смогли урегулировать конфликт.

В настоящей диссертации используются такие термины, как конфликт и правовой спор, урегулирование спора и разрешение спора. Применение различных слов-обозначений и словосочетаний обусловлено периодом, в течение которого конфликт может трансформироваться в правовой спор. По мере перехода конфликта в состояние правового спора возможно изменение одной процедуры (медиации) на другую (арбитраж), соответственно изме-

---

<sup>1</sup> См.: Загайнова С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. Кн. 4. С. 14–24.

<sup>2</sup> См.: Там же.

нится статус субъекта, применяющего соответствующую процедуру — с медиатора на арбитра.

Несмотря на схожесть внутреннего содержания и этимологического толкования понятий конфликта и спора, в специальной литературе начальную стадию разногласий принято именовать конфликтом. Конфликт определяется как сложное явление, сочетающее в себе социальные, экономические, правовые и психологические составляющие в их противоборстве и взаимодействии<sup>1</sup>.

Н.И. Минкина, учитывая динамику развития разногласий, рекомендует применять медиацию для урегулирования конфликтов, не доводя их до категории правового спора<sup>2</sup>.

Таким образом, употребление словосочетания «урегулирование конфликта в процедуре медиации» свидетельствует о том, что разногласия сторон еще не перешли в стадию правового спора.

Заметим, что сама по себе процедура медиации не предполагает вынесения решения, следовательно, если стороны не достигают медиативного соглашения, они вынуждены обратиться с иском в суд, предварительно оплатив государственную пошлину, а, если потребуется, оплатить и иные судебные расходы. Такой порядок восстановления права неизбежно влечет увеличение расходов. Следовательно, вряд ли можно ожидать увеличения спроса на комплекс услуг, включающих в себя расходы на медиацию и издержки, понесенные сторонами при обращении в государственный суд.

На наш взгляд, эффективную модель защиты нарушенного права можно представить в виде сочетания двух альтернативных процедур — медиации и арбитража (*ad hoc*). В рамках соглашения о проведении процедуры медиации стороны вправе не только наделить медиатора дополнительными дирек-

---

<sup>1</sup> См.: Конфликты в условиях формирования современного российского общества: курс лекций / Д.А. Абгаджав, Н.В. Абдуллаев, А.В. Алейников и др. / под ред. А.В. Алейникова, А.И. Стребкова. СПб., 2015. С. 19.

<sup>2</sup> См.: Минкина Н.И. Медиация в урегулировании трудовых споров: проблемы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. Вып. 4 (31). С. 95.

тивными функциями, но и предусмотреть условие перехода из процедуры медиации в процедуру арбитража, поручив разрешение спора лицу, принимавшему участие в качестве посредника-медиатора. Другими словами, соглашение сторон может допускать участие одного и того же лица в двух последовательных процедурах, которому надлежит в одной процедуре принять участие в качестве медиатора, а в другой процедуре — в качестве третейского суда, образованного по правилам *ad hoc*.

В юридической литературе третейский суд принято именовать *ad hoc* (институт автономных третейских судей), если организация арбитража не требует дополнительного администрирования помимо участия самого третейского судьи<sup>1</sup>.

*Ad hoc* — латинская фраза, означающая «специально для этого», «по особому случаю». В международном праве термин «*ad hoc*» также используется для обозначения формы международно-правового признания при необходимости установления разовых контактов между сторонами, которые категорически не желают признавать друг друга<sup>2</sup>.

Представляет научный интерес точка зрения О.В. Аллахвердовой, которая отмечает, что понятие «медиация» в большей степени относится к психологии, а сама «работа медиатора в корне отличается от деятельности юриста, и каким бы классным ни был юрист, ему требуется обучение медиации. В противном случае он будет третейским судьей»<sup>3</sup>.

На наш взгляд, такая аргументация допускает участие медиатора в двух последовательных процедурах — в процедуре медиации и затем, если стороны не смогли заключить медиативное соглашение, в арбитраже, но уже с

---

<sup>1</sup> См.: Лукин Р.В. Критический анализ итогов реформы третейских судов в свете использования не получившими разрешения Правительства Российской Федерации третейскими судами механизма *ad hoc* // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. С. 57–61.

<sup>2</sup> См.: Седелков А.В. Роль гипотез *ad hoc* в современной науке // Наука и современность. 2013. № 2. С. 85–87.

<sup>3</sup> См.: Аллахвердова О.В. Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 45.

полномочиями третейского суда (*ad hoc*). Третейским судьей может стать лицо, достигшее возраста 25 лет, имеющее юридическое, а к рассматриваемой модели целесообразно иметь еще дополнительное психологическое образование, наличие которых поможет посреднику сначала урегулировать спор, а в случае, если стороны отказались подписать медиативное соглашение, то своевременно и правильно разрешить тот же спор в процедуре арбитража.

Схожее регулирование закреплено в ст. 12 Типового закона ЮНСИТРАЛ. Посредник, изначально не наделенный полномочиями разрешать дела за стороны, может по их договоренности превратиться в арбитра и соответственно предписать сторонам решение их спора<sup>1</sup>.

Предполагается, что рассматриваемая модель последовательного использования медиации и арбитража (*ad hoc*) будет востребована обществом, поскольку она обеспечивает сторонам, помимо скорого и правильного рассмотрения дела, также значительную экономию денежных средств.

Таким образом, последовательное применение медиации и арбитража (*ad hoc*) позволяет сторонам урегулировать конфликт с помощью медиатора, наделенного организационными и руководящими функциями, а в случае недостижения медиативного соглашения тот же посредник, но уже в качестве третейского судьи разрешает спор в процедуре арбитража (*ad hoc*).

Приведенная модель является одной из возможных моделей, формирование которых осуществляется с использованием процедур, входящих в состав альтернативной подсистемы российской системы разрешения правовых споров.

Формирование другой модели также предполагает использование примирительной процедуры. При этом, на наш взгляд, целесообразно предложить в качестве первичной процедуры переговоры, а арбитраж, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, оговаривается в качестве завершающей процедуры.

---

<sup>1</sup> См.: ЮНСИТРАЛ: типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре. URL: <http://www.uncitral.org/> (дата обращения: 26.08.2018).

Понятие учреждения, администрирующего арбитраж, содержится в ст. 2 Закона об арбитраже: это подразделение некоммерческой организации, выполняющее на постоянной основе функции по администрированию арбитража (далее — арбитражное учреждение). Порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации также регулируется Законом об арбитраже.

Заметим, что до принятия указанного Закона альтернативная процедура именовалась третейским разбирательством, а теперь законодатель отождествил прежнее понятия «третейское разбирательство» и «арбитраж» уже в самом наименовании специального закона. Такое отождествление двух понятий обусловлено необходимостью приведения терминологии рассматриваемого института в соответствие с общепризнанными понятиями, поэтому далее в тексте работы наряду с понятием «третейское разбирательство» будет преимущественно использоваться понятие «арбитраж».

В Законе об арбитраже содержатся основные понятия, в частности арбитраж (третейское разбирательство) — процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения); арбитр (третейский судья) — физическое лицо, избранное сторонами или избранное (назначенное) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом. Специально оговаривается, что деятельность арбитров в рамках арбитража (третейского разбирательства) не является предпринимательской.

Действующее правовое регулирование позволяет разрешать споры в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением. Между тем для организации рассматриваемого арбитража требуются дополнительные финансовые и кадровые ресурсы, в том числе на содержание аппарата арбитражного учреждения. Привлечение дополнительных сил и средств, необходимых для администрирования арбитража арбитражным учреждением, влечет удорожание такой формы защиты нарушенного права, по сравне-

нию с арбитражем, организованным третейским судом. В этой связи возникает вопрос о целесообразности прибегать к услугам арбитражного учреждения, если имеется возможность разрешить спор в процедуре арбитража, организованной третейским судом в соответствии с условиями третейского соглашения. Для ответа на этот вопрос потребуется проанализировать особенности функционирования арбитражного учреждения.

Арбитражное учреждение вправе заниматься администрированием арбитража после получения распоряжения Правительства Российской Федерации. Правовой статус арбитражного учреждения определяется через организационную структуру и содержательный аспект, под которым понимаются:

предмет деятельности учреждения, в том числе виды споров, которые администрирует постоянно действующее арбитражное учреждение; оказание содействия в формировании состава третейского суда, рассмотрение отводов, организация обмена корреспонденцией и состязательными документами, ведение делопроизводства и хранение материалов дела, прием денежных средств на покрытие расходов, связанных с администрированием арбитража, выплатой гонораров арбитрам и иных расходов (подп. 2, 5 п. 4 ст. 45 Закона об арбитраже);

имущественные вопросы, в том числе определение фиксированного размера любых видов арбитражных сборов (гонорарных сборов, правила их определения); состав и порядок распределения арбитражных расходов (подп. 9, 10 п. 4 ст. 45 Закона об арбитраже);

информирование участников третейского соглашения путем размещения на сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет рекомендованного списка арбитров, информации о структуре и об учредителях некоммерческой организации, при которой создано арбитражное учреждение (п. 1, 9, 11 ст. 47 Закона об арбитраже).

К функциям арбитражного учреждения относятся организационное обеспечение деятельности третейского суда (мероприятия кадрового, финан-

сового, материально-технического, информационного и иного характера); формирование комитета по назначениям третейских судей.

Таким образом, внутри некоммерческой организации фактически существует подразделение в виде арбитражного учреждения со своими полномочиями и функциями. В.В. Долинская охарактеризовала приведенную структуру некоммерческой организации как квазиправосубъектное образование<sup>1</sup>.

Не вдаваясь в оценку целесообразности введения дополнительного подразделения в виде арбитражного учреждения в структуру некоммерческой организации, постараемся выделить элементы, характерные для арбитражного учреждения, наличие которых увеличивает объем компетенции третейского суда, сформированного арбитражным учреждением по отношению к третейскому суду (*ad hoc*).

Заметим, что законодатель в ст. 2 Закона об арбитраже предоставляет третейскому суду, образованному арбитражным учреждением, разрешать в соответствии со специальными правилами корпоративные споры, а третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*), таким правом не наделен. Приведенное наблюдение позволяет установить определенную взаимосвязь, а именно увеличение объема компетенции третейского суда находится в прямой зависимости от того, насколько усложняется процедура организации арбитража.

Закон об арбитраже обязывает учредителей арбитражного учреждения сформировать рекомендованный список арбитров, соответствующий следующим требованиям: минимальное количество арбитров — 30 человек, из них не менее 1/3 арбитров должны иметь ученую степень; не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей и (или) в качестве судей федерального

---

<sup>1</sup> См.: Долинская В.В. Проблемы правового статуса третейского суда и постоянно действующих арбитражных учреждений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 7–18.

суда, конституционного (уставного) суда субъекта РФ, мировых судей в течение не менее 10 лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров (ст. 47 Закона об арбитраже).

Арбитр, входящий в рекомендованный список арбитражного учреждения и приступивший к рассмотрению и разрешению спора в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением, вправе направить запрос в государственный суд о получении доказательств, находящихся у третьей стороны.

Очевидно, что организационная составляющая в деятельности арбитражного учреждения в значительной мере отличается от подхода к организации арбитража третейским судом, избранным для рассмотрения конкретного спора (*ad hoc*). Отделить одну форму организации арбитража от другой не вызывает сложности, достаточно обратить внимание на ее организационную структуру и правила арбитража, которые в силу ст. 45 Закона об арбитраже подлежат размещению на сайте арбитражного учреждения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Таким образом, открыв страницу сайта в сети Интернет, пользователь по внешним признакам безошибочно определит форму организации арбитража. Между тем обзор страницы сайта вряд ли даст исчерпывающее представление о компетенции третейского суда, разрешающего спор в процедуре арбитража, организованного арбитражным учреждением. Знания о компетенции третейского суда, объем которой зависит от формы организации арбитража, помогут потребителю сделать выбор в пользу той или иной формы организации арбитража.

М.Ю. Лебедев определяет компетенцию через совокупность полномочий конкретного юрисдикционного органа, определенных нормативно-правовым актом для реализации установленных действующим законодательством специфических задач и функций этого органа<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Лебедев М.Ю.* Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 16.

Заметим, что третейский суд реализует свои полномочия на основании нормативно-правовых актов и локальных правил, определяющих процедуру арбитража. Такие правила утверждаются некоммерческой организацией, на базе которой создано арбитражное учреждение. Правила арбитража не относятся к нормативно-правовым актам, поскольку их действия распространяются только на лиц, которые присоединились к ним на основе добровольного выбора.

Г.В. Севастьянов отмечает, что третейские суды обладают альтернативной предметной компетенцией, называя ее параллельной, но не конкурирующей с предметной компетенцией государственных судов<sup>1</sup>. Другие ученые в качестве обязательного элемента, помимо полномочий рассматривают подведомственность. Так, Б.М. Лазарев считает, что компетенция состоит из двух обязательных элементов: властных полномочий и подведомственности, то есть определения предметов, объектов, на которые распространяется власть субъекта, которыми он ведает<sup>2</sup>. Однако, принимая во внимание отказ законодателя от института подведомственности принятием уже упомянутого Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», оставим данный термин за рамками рассматриваемого вопроса о компетенции третейского суда, перейдя к следующим предлагаемым правоведами элементам компетенции.

К разряду первого необходимого элемента компетенции О.Е. Кутафин относил предмет ведения<sup>3</sup>. Между тем следует констатировать, что в юридической литературе не сложился единый подход к определению понятий «предметы ведения», «компетенция», «полномочия».

---

<sup>1</sup> См.: *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) // Третейский суд. 2015. №. 7. С. 449.

<sup>2</sup> См.: *Лазарев Б.М.* Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 240.

<sup>3</sup> См.: *Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф.* Компетенция местных советов: учебное пособие. М., 1986. С. 23.

По мнению Д.Н. Бахраха, используемые в разных отраслях права, в разных отраслевых юридических науках, в актах Конституционного Суда РФ термины «подсудность», «подследственность», «судебная юрисдикция», «предметы ведения» — это названия разных видов единого родового понятия «подведомственность»<sup>1</sup>, но в скором времени нам придется руководствоваться отказом от данного термина в гражданском процессуальном праве.

В.П. Миронов предлагает «предметы ведения» рассматривать как круг вопросов (дел), областей (предметов) деятельности<sup>2</sup>.

Приведенные позиции дают возможность констатировать, что понятие «компетенция» в его широком понимании имеет межотраслевое правовое значение, позволяя разграничивать предметы ведения юрисдикционных органов.

Принимая во внимание изложенное в период активного использования законодателем термина «подведомственность» и учитывая предложение вместо перечисленных видов подведомственности использовать понятие «альтернативная подведомственность» применительно к различным юрисдикционным органам<sup>3</sup>, проецируем его компетенцию и в итоге получаем вполне пригодный для использования термин «альтернативная компетенция».

Учитывая изложенное, считаем целесообразным определить компетенцию через два обязательных элемента — полномочия и предмет ведения.

Н.Е. Бараданченкова предлагает следующие критерии для определения предмета ведения: по субъектному составу материальных правоотношений и по характеру рассматриваемого спора<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Бахрах Д.Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 46–60.

<sup>2</sup> См.: Миронов В.П. Конституционно-правовые проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в условиях Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 9, 16.

<sup>3</sup> См.: Гражданский, арбитражный и административный процесс в схемах с комментариями: учебник / под ред. С.И. Князькина, И.А. Юрлова. М., 2015. С. 434.

<sup>4</sup> См.: Бараданченкова Н.Е. Новеллы института подведомственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 24–25.

Заметим, что предметы ведения органа власти и общественной организации различны, поэтому целесообразно предмет ведения для третейских судов определять через арбитрабельность.

М.А. Рожкова понятие «арбитрабельность спора» определяет через «установление сферы действия третейского соглашения» при условии исследования третейским судом допустимости передачи спора на разрешение третейского суда путем сопоставления иска с условиями арбитражного соглашения в той его части, в которой содержится вид спора, подлежащего рассмотрению посредством третейского разбирательства<sup>1</sup>.

В.Н. Ануров, напротив, полагает ошибочным определять «арбитрабельность» через «установление сферы действия третейского соглашения», поскольку третейскому суду надлежит оценивать допустимость разрешения спора посредством третейского разбирательства на основании норм права, а не третейского соглашения. «Если в первом случае решение вопроса о наличии у спора вышеназванного свойства зависит от содержания правовых норм, то во втором случае ключевую роль играет принцип автономии воли сторон. Подобная постановка вопроса, — по мнению указанного автора, — об арбитрабельности (в широком смысле) относится к действиям третейских судей в процессе третейского разбирательства»<sup>2</sup>.

На наш взгляд, позиция В.Н. Анурова является дискуссионной, поскольку третейскому судье при определении арбитрабельности спора следует определить предмет третейского соглашения, а также оценить возможность его разрешения в процедуре арбитража с учетом существующих законных ограничений.

---

<sup>1</sup> См.: Рожкова М.А. Разрешение и урегулирование коммерческих споров // Хозяйство и право (приложение). 2005. № 1. С. 140–145.

<sup>2</sup> См.: Ануров В.Н. Допустимость третейского соглашения // Третейский суд. 2005. № 3. С. 46.

О.Ю. Скворцов под термином «арбитрабельность» понимает качественную специфику механизма распределения дел третейским судам<sup>1</sup>.

М.К. Треушников предлагает определять арбитрабельность через предметную компетенцию третейского суда по рассмотрению и разрешению споров<sup>2</sup>.

Далее в работе нами будет использоваться понятие «арбитрабельность», поскольку через него определяется предмет ведения третейского суда. Кроме того, термин «арбитрабельность» указывает на частный характер (исторически обозначаемый как «Causa privāta») спора, который может быть разрешен в процедуре арбитража.

Обращение к термину «арбитрабельность» влечет необходимость исследования следующих вопросов, отражающих субъективные и объективные свойства исследуемого термина:

субъективная арбитрабельность определяется субъектом спорных правоотношений, участие которого не препятствует разрешению гражданско-правового спора в процедуре арбитража;

под объективной арбитрабельностью понимается допустимость рассмотрения той или иной категории спора третейским судом. Общее правило об арбитрабельности спора заключается в том, что третейские суды компетентны рассматривать гражданско-правовые споры<sup>3</sup>.

Заметим, что не каждый спор является арбитрабельным. В научных трудах, изданных в разные периоды, можно увидеть различные позиции ученых относительно способов ограничения арбитрабельности споров.

А.Ф. Волков, являясь противником регламентации частных споров, поскольку опасался стеснения этих отношений теми или иными формальностями

---

<sup>1</sup> См.: Скворцов О.Ю. Подведомственность споров третейским судам // Третейский суд. 2005. № 1. С. 21

<sup>2</sup> См.: Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 94.

<sup>3</sup> См.: Скворцов О.Ю. Спор о закупках и вопросы арбитрабельности: правовая неопределенность не преодолена? // Третейский суд. 2018. № 3/4 (115–116). С. 25–28.

ми во вред регламентируемому институту, еще в 1913 г. предложил отдельным законом определить категорию споров, основанных на публично-правовых нормах, которые не могут быть предметом третейского разбирательства<sup>1</sup>.

С.А. Кажлаев, развивая данную точку зрения, предлагает дополнить Закон об арбитраже положением о недопустимости передачи споров на рассмотрение третейского суда, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства, не отвечающих традиционным признакам споров о праве<sup>2</sup>.

Анализ некоторых современных судебных решений свидетельствует о прозорливости А.Ф. Волкова. Например, споры, направленные на оспаривание сделок, связанных с недвижимым имуществом, в отношении которых требуется обязательная государственная регистрация, несмотря на наличие публичного элемента в лице государственного органа, которому надлежит совершить регистрацию, являются арбитрабельными.

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 5 июля 2001 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества „СЭВЭНТ” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 165, пункта 3 статьи 433 и пункта 3 статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации» отметил, что государственная регистрация призвана удостоверить со стороны государства юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов, но такая регистрация не затрагивает самого содержания гражданского права и не ограничивает свободу договоров, юридическое равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность сторон<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Волков А.Ф. Торговые третейские суды. СПб., 1913. С. 282–283.

<sup>2</sup> См.: Кажлаев С.А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 119–124.

<sup>3</sup> См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 1.

Споры об обращении взыскания на недвижимое имущество по неисполненным кредитным обязательствам, несмотря на то, что организация торгов осуществляется публичным формированием — службой судебных приставов во взаимосвязи с территориальным органом Росимущества, также являются по своему характеру частными, следовательно, могут разрешаться в процедуре арбитража.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» разъяснил, что спор об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество не является спором о правах на это имущество, поскольку его предмет — осуществление действий, результатом которых должна быть передача денежных средств. Кроме того, в указанном Постановлении разъясняется, что публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность его передачи на рассмотрение третейского суда, обуславливается не видом имущества (движимого или недвижимого), а спецификой правоотношений, из которых возникает спор относительно данного имущества, а также составом участвующих в споре лиц.

Приведенная судебная практика подтверждает наличие споров, вызывающих трудности при квалификации характера правоотношений. Ошибка в оценке предмета спора приводит к отмене решений третейских судов или отказу в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, оставляя судебные акты без изменения в части отмены решения третейского суда об обращении взыскания на объект недвижимости и определения начальной цены для целей его

реализации, указал, что предметом требования являлось право на недвижимое имущество, следовательно, третейский судья не имел компетенции для его рассмотрения<sup>1</sup>.

Конституционный Суд РФ с такой позицией Высшего Арбитражного Суда РФ не согласился и разъяснил, что вопрос о реализации недвижимого имущества не препятствует рассмотрению дела третейским судьей.

Правоприменительная практика Конституционного Суда РФ является созвучной позиции А.Л. Маковского о нецелесообразности формировать в тексте единого закона исчерпывающее определение конкретных категорий споров, которые не могут быть отнесены к компетенции третейских судов ввиду «подвижности границ допустимости третейской формы разрешения споров во времени». К компетенции третейских судов могут быть отнесены такие споры, которые соответствуют самой природе третейского разбирательства<sup>2</sup>.

Следует отметить, что законодатель не проявил должного внимания к приведенным позициям А.Ф. Волкова и А.Л. Маковского.

29 декабря 2015 г. принят Федеральный закон № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”»<sup>3</sup> (далее — Закон № 409).

Указанный Закон содержит различные категории споров: частные споры, которые возникают из семейных, трудовых, наследственных отношений;

---

<sup>1</sup> См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 3.

<sup>2</sup> См.: *Маковский А.Л.* Заключение Исследовательского центра частного права при Президенте РФ на запрос Высшего Арбитражного Суда РФ в Конституционный Суд РФ // Третейский суд. 2011. № 2. С. 61–66.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. 2015. № 297.

о несостоятельности (банкротстве); по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений; дел об установлении фактов; экономические споры, регулируемые законодательством о контрактной системе в сфере закупок; о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью; выселении граждан из жилых помещений; возмещении вреда, причиненного окружающей среде; иные дела.

Заметим, что приведенные категории споров, которые не подлежат разрешению в процедуре арбитража по субъектному составу материальных правоотношений и характеру рассматриваемого спора<sup>1</sup>; а также по процессуальной цели, не являются однородными.

По процессуальной цели существует деление на иски о присуждении (исполнительные иски), иски, которые предписывают ответчику воздержаться от совершения сделки (иски о воспрещении), иски о признании (иски о судебном подтверждении) и преобразовательные иски<sup>2</sup>, при этом последний вид обозначенной классификации признается далеко не всеми правоведами.

По характеру рассматриваемого спора различают иски хозяйствующих субъектов, вытекающие из экономических правоотношений, личные иски и иски в защиту публичных и государственных интересов<sup>3</sup>.

Субъектами искового производства, как известно, в первую очередь выступают стороны процесса, то есть истец и ответчик, имеющие материальный интерес в исходе дела. Наряду с ними можно встретить иных (в отдельных категориях дел обязательных в силу закона) участников (например, прокурора, орган опеки и попечительства, конкурсного управляющего), которые не связаны материально-правовыми отношениями со спорящими лицами. Причина включения их в состав лиц, участвующих в деле, лежит в особенно-

---

<sup>1</sup> См.: Бараданченкова Н.Е. Указ. раб. С. 24–25.

<sup>2</sup> См.: Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др. / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014; Иск в гражданском судопроизводстве / Демичев А.А., Исаенкова О.В., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н.; под ред. О.В. Исаенковой. М., 2009. С. 87–95.

<sup>3</sup> См.: Ярков В.В. Новые формы исковой защиты в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) // Государство и право. 1999. № 9. С. 32–40.

стях толкования материальных отношений или производных от них административных отношений, являющихся объектами конкретного спора<sup>1</sup>.

Применив основания классификации, предложенные Н.Е. Бараданчевой, можно убедиться в том, что для определенных категорий споров, перечисленных в Законе № 409, несмотря на то, что они отвечают признакам, характерным для исков о присуждении, процедура арбитража не подлежит применению. Например, иск о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, относится к искам о присуждении, но не является частным спором, поскольку предполагает наступление деликтной ответственности.

Известно, что в гражданском праве деликтная ответственность не предполагает какую-либо ранее (до деликта) существующую обязанность конкретного субъекта, так как основана на факте совершенного неправомерного деяния. В силу этого обстоятельства деликтная ответственность может быть возложена на любое лицо, а договорная ответственность применяется только к стороне договора<sup>2</sup>. Например, лицо получило вред здоровью в результате наезда автомобиля. Автомобиль принадлежит юридическому лицу, а водитель автомобиля является его работником. Требования о возмещении вреда здоровью следует предъявлять юридическому лицу, несмотря на то, что автомобиль находился под управлением физического лица. Кроме того, случается, что в результате ДТП может пострадать как пешеход, так и водитель, а возмещение вреда осуществляется в том числе при отсутствии вины.

С.А. Иванова справедливо отмечала, что иски о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья, отличаются от других категорий ис-

---

<sup>1</sup> См.: Горбик К.Е. Актуальные проблемы участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9. С. 49–53.

<sup>2</sup> См.: Белова А.В. Вопросы правового регулирования установления гражданско-правовой ответственности // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. Ростов н/Д, 2009. С. 18–20.

ков по составу участников спора, особенностям судебного доказывания и составу судебных доказательств, сущности решения и особенностям его исполнения<sup>1</sup>. Так, иск о возмещении вреда здоровью не может быть разрешен в процедуре арбитража в силу Закона № 409 потому, что его рассмотрение осуществляется с обязательным участием в судебном разбирательстве прокурора, а ответственность может быть возложена как на виновных в причинении вреда, так и на не виновных в этом лиц.

Кроме приведенных признаков, обращаем внимание на позицию О.Ю. Скворцова, который считает, что арбитрабельность споров может быть ограничена не только законодателем, но и судом в случае, если это необходимо для защиты публичного порядка<sup>2</sup>.

Оценив характер спора, процессуальную цель и субъектный состав участников, третейский судья сможет безошибочно определить допустимость разрешения спора в процедуре арбитража или запрет.

Следовательно, иски, которые могут быть предметом третейского разбирательства, должны отвечать следующим признакам: являться исками о присуждении, носить гражданско-правовой характер, их рассмотрение исключает участие специального субъекта — прокурора, органа опеки и попечительства (иных обязательных к участию в деле конкретной категории в силу закона государственных органов, органов местного самоуправления для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований), конкурсного управляющего и др.

Третейский судья, имея представление о субъективных и объективных признаках арбитрабельности спора, способен правильно определить предмет

---

<sup>1</sup> См.: *Иванова С.А.* Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГПК РФ и АПК РФ // Актуальные проблемы гражданского процесса. СПб., 2002. С. 19.

<sup>2</sup> См.: *Скворцов О.Ю.* Спор о закупках и вопросы арбитрабельности: правовая неопределенность не преодолена? // Третейский суд. 2019. № 3/4. С. 25–28.

ведения, то есть категорию спора, которая может быть предметом третейского разбирательства. В свою очередь, качественное разрешение арбитрабельного спора обусловлено объемом полномочий третейского суда.

И снова наблюдается взаимная связь формы организации арбитража, но уже с полномочиями третейского суда. Третейский суд, разрешающий спор в процедуре арбитража, организованного арбитражным учреждением, в силу ст. 30 Закона об арбитраже вправе обратиться в компетентный суд с запросом о содействии в получении доказательств, а третейский суд (*ad hoc*) таким правом не обладает.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что компетенция третейского суда, являя собой слагаемое из предмета ведения и полномочий, шире компетенции третейского суда (*ad hoc*), следовательно, обладая увеличенным объемом компетенции, третейский судья может рассмотреть любой арбитрабельный спор, включая споры, связанные с принадлежностью акций, споры, вытекающие из договоров купли-продажи акций; споры, вытекающие из деятельности держателей реестра владельцев ценных бумаг.

Принимая во внимание особенности формы организации арбитража и компетенцию третейских судов, более точно определяются подходы к пониманию категории «арбитрабельность спора». Выявленное соотношение формы организации арбитража и компетенции третейского суда, позволяющей третейским судам, сформированным арбитражным учреждением, рассматривать в том числе корпоративные споры, обусловила целесообразность деления компетенции на виды, исходя из объема компетенции и характера рассматриваемых споров<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См., подробно: *Бондаренко В.Е.* Критерии правового спора, подлежащего разрешению в процедуре третейского разбирательства. Понятие арбитрабельности спора // *Правовая культура*. 2018. №3 (34). С. 143–146.

По объему компетенции третейские суды предлагается делить на третейские суды с усеченной компетенцией и третейские суды с дополнительным предметом ведения и полномочиями<sup>1</sup>.

Современное правовое регулирование позволяет организовать арбитраж с помощью арбитражного учреждения или без такового. В этом случае в качестве организатора выступает третейский судья, избранный сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*). Компетенция третейского суда (*ad hoc*) определяется, помимо нормативно-правовых актов, регулирующих указанную сферу, соглашением сторон. Такую компетенцию предлагается именовать усеченной компетенцией, поскольку объем его полномочий и предмет ведения меньше, по сравнению с компетенцией третейского суда, которому надлежит разрешить спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

Компетенция третейского суда по разрешению спора в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением, позволяет ему рассматривать корпоративные споры, а также подписывать и направлять запросы о содействии в получении доказательств (ст. 63.1 ГПК РФ), поэтому компетенцию такого третейского суда предлагается именовать компетенцией с дополнительным предметом ведения и полномочиями.

Третейский суд, сформированный арбитражным учреждением, руководствуется правилами арбитражного учреждения, принятыми в соответствии с Законом об арбитраже. Указанные правила подлежат размещению на сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет после их депонирования в Министерстве юстиции. Эти правила должны содержать виды споров; квалификационные и иные требования к арбитрам; организационную структуру арбитражного учреждения; порядок формирования, полномочия и функции каждого из его органов; полномочия и функции его уполномочен-

---

<sup>1</sup> См., подробно: *Бондаренко В.Е.* Компетенция государственных судов при реализации функций содействия арбитражу // *Правовая культура.* 2017. №2 (29). С. 72-76.

ных лиц, принимающих участие в процессе администрирования арбитража (например, председателя арбитражного учреждения); конкретные функции арбитражного учреждения, включая содействие в формировании состава третейского суда; рассмотрение отводов; организацию обмена корреспонденцией и состязательными документами; ведение делопроизводства и хранение материалов дела; прием денежных средств на покрытие расходов, связанных с администрированием арбитража, выплатой гонораров арбитрам, и иных расходов; порядок ведения арбитража и др.

Третейский суд с дополнительным предметом ведения и дополнительными полномочиями может рассматривать любой арбитрабельный спор.

Знание компетенции третейского суда позволит правильно оценить арбитрабельность спора. Например, корпоративный спор отвечает признакам арбитрабельности, но такой спор не подлежит разрешению третейским судом (*ad hoc*), поскольку эта категория споров отнесена к компетенции третейского суда, сформированного арбитражным учреждением. В приведенной ситуации просматривается зависимость между объемом компетенции третейского суда и понятием арбитрабельности спора. Если третейский суд обладает компетенцией с дополнительным предметом ведения и полномочиями, то ему разрешается рассматривать любой арбитрабельный спор.

Становится очевидным преимущество третейского суда, сформированного по правилам арбитражного учреждения по отношению к третейскому суду (*ad hoc*). В пользу такого утверждения свидетельствуют как приведенные факты, так и отдельные нормы Закона об арбитраже. Например, согласно ст. 44 лицам, не получившим право на реализацию функций арбитражного учреждения, запрещается рекламировать, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, и (или) публично предлагать выполнение функций по осуществлению арбитража третейским судом (*ad hoc*). В случае нарушения вышеуказанных запретов решение третейского суда, в том числе третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкрет-

ного спора, считается принятым с нарушением процедуры арбитража, предусмотренной настоящим Федеральным законом, а следовательно, незаконным.

Объективно, что в современных условиях спрос на услуги, включая услуги посредников, обусловлен наличием рекламы в социальных сетях, но в соответствии с Законом об арбитраже правом рекламировать свои услуги наделен только третейский суд, сформированный арбитражным учреждением, что подтверждает его значимый приоритет относительно третейского суда *ad hoc*.

По характеру рассматриваемых споров предлагается различать специальную и отраслевую компетенции третейского суда. Под специальной компетенцией третейского суда понимается компетенция, позволяющая третейскому суду рассматривать и разрешать споры в соответствии со специальными правилами арбитража. Под отраслевой компетенцией третейского суда понимается компетенция, дающая возможность третейскому суду рассматривать и разрешать споры между участниками, имеющими отношение к определенной отрасли экономики (например, в сфере строительства, нефтегазового сектора, легкой промышленности, тяжелого машиностроения).

На наш взгляд, тенденция увеличения спроса на процедуру арбитража будет значимой, если арбитражное учреждение разработает правила, в основу которых будет положен отраслевой признак, так как, во-первых, такие третейские судьи будут иметь узкую специализацию, концентрироваться на определенной области правового регулирования, обладать не поверхностными (в разных отраслях права), а глубокими знаниями и опытом по определенным нормативным актам и регулируемым ими правоотношениям, развивать свои навыки качественно, а не количественно, что, безусловно, повысит доверие к таким судьям; во-вторых, положительной известности в определенной отрасли всегда легче достигнуть.

Обобщая сказанное относительно арбитража, необходимо учитывать следующие обстоятельства. При научной разработке перспектив развития арбитража следует в первую очередь исходить из того, что объем компетенции

третейского суда напрямую зависит от формы организации арбитража: компетенция третейского суда, сформированного арбитражным учреждением, обусловлена дополнительными предметом ведения и полномочиями по рассмотрению любых арбитрабельных споров, включая корпоративные споры, по направлению запросов в государственный суд о содействии в получении доказательств, в то время как третейский суд (*ad hoc*) не может рассматривать отдельные категории споров, включая корпоративные, и не вправе направлять запрос в государственный суд о содействии в получении доказательств.

Принимая во внимание изложенное ранее, обращение к процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением, следует признать эффективным, если такая процедура будет начата после завершения переговоров. Полагаем, что предлагаемая модель, сочетающая в себе переговоры и процедуру арбитража, администрируемого арбитражным учреждением, позволит обеспечить последовательное применение двух процедур, по затратам сопоставимым с затратами на одну процедуру арбитража.

Таким образом, могут быть сформированы две эффективные модели, сочетающие процедуры, входящие в альтернативную подсистему.

Первая модель состоит из директивной медиации и арбитража (*ad hoc*). Директивная форма медиации обусловлена соглашением сторон о наделении медиатора дополнительными функциями, в том числе руководящими началами в организации переговорного процесса, при этом условия соглашения должны допускать переход из медиации в процедуру арбитража *ad hoc* с участием того же посредника, если стороны не смогли заключить медиативное соглашение.

В основу второй модели положены переговоры и арбитраж, администрируемый арбитражным учреждением. Переговоры проводятся без профессионального посредника. Если стороны не достигнут соглашения, им понадобится разрешить спор. Обращение к третейскому суду для разрешения спора, сформированному арбитражным учреждением, признано целесооб-

разным, поскольку он обладает большей компетенцией, чем третейский суд *ad hoc*.

Формируя таким образом модели использования альтернативных процедур, по нашему мнению, удастся достичь того же порядка ценообразования на услуги посредников, который был положен в основу формирования модели, сочетающей медиацию и третейский суд (*ad hoc*).

Эффективность сформулированных моделей заключается в том, что их применение дает сторонам возможность сначала урегулировать спор, а в случае недостижения соглашения, разрешить его по существу. Использование альтернативных процедур в предложенных моделях является менее затратным, по сравнению со стоимостью процедуры, применяемой вне системы с другими процедурами, а ее результат не отвечает потребностям конфликтующих сторон, что обуславливает необходимость обращения в другие юрисдикционные органы, например, в государственный суд.

## **ГЛАВА 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУДА В РАЗВИТИИ АРБИТРАЖА И МЕДИАЦИИ**

### **2.1. Особенности и пути повышения эффективности взаимодействия государственного суда и третейского суда**

Как уже отмечалось, идея формирования альтернативных способов разрешения правовых споров возникла под воздействием необходимости урегулирования споров в коммерческой сфере. Государства с хорошо развитой экономикой, обусловленной наличием наукоемких предприятий и торговлей результатами производства, заинтересованы в урегулировании споров с сохранением торговых связей с покупателями. Традиционный способ, позволяющий разрешить спор в государственном суде, не всегда является удобным средством для разрешения споров в предпринимательской деятельности.

Ф. Сендер отмечает, что если государство не способно гарантировать эффективное разрешение споров в судах, коммерческая сфера начинает применять иные способы разрешения споров, которые постепенно интегрируются с судебной системой<sup>1</sup>.

Таким образом, сначала появляется идея, затем ее внедрение и анализ успешности такого внедрения. Положительный опыт, как правило, поддерживается государством, потому что внесудебные формы разрешения правовых споров способствуют сокращению количества дел, находящихся в производстве государственных судов, и позволяет экономить расходы на судебную систему.

---

<sup>1</sup> *Sander F. Dispute Resolution Within and Outside the Courts: an Overview of the U.S. Experience // Attorneys General and New Methods of Dispute Resolution. National Association of Attorneys General and ABA. 1990. P. 54–56.*

Например, в США альтернативные способы разрешения правовых споров применяются в рамках концепции «суда со множеством дверей», предусматривающей оказание помощи суду в создании условий для урегулирования конфликта, включая возможности медиации, независимой оценки причиненного вреда, арбитража»<sup>1</sup>.

Преимущество третейского суда обеспечивается его «гибкостью», то есть способностью предложить такие условия, при которых сторонам конфликта гарантируется конфиденциальность, беспристрастность и компетентность в конкретной области познания. Например, при организации процедуры арбитража по известному спору, связанному с определением прав на сценарий кинофильма «Полицейский из Беверли Хилз – 2» стороны представили свои позиции по делу в письменном виде нескольким арбитрам, личности которых были не известны сторонам; более того, сами арбитры не знали друг друга. Указанная процедура была одобрена судом апелляционной инстанции штата Калифорния<sup>2</sup>. Такой порядок разрешения спора свидетельствует о том, что процедура третейского разбирательства является сама по себе самостоятельной, третейскому суду не понадобилось обращаться с заявлением о содействии в государственный суд. Между тем третейский суд, находящийся на территории Российской Федерации, как правило, нуждается в содействии со стороны государственного суда.

В юридической литературе неоднократно обозначалась целесообразность законодательного оформления функций содействия государственных судов по отношению к третейским судам. Еще в начале 90-х гг. прошлого века Е.А. Виноградова обозначила необходимость содействия государственных

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Аболонин Г.О.* Гражданское процессуальное право США. М., 2010. С. 111.

<sup>2</sup> См.: Решение по делу *Ferguson v. Writers Guild of America*. West, Inc., 277 Cal. Rptr.450 (Cal.APP.1991). URL: <https://www.loc.gov/> (дата обращения 19.04.2018).

судов третейским судам в получении доказательств для разрешения спора в процедуре третейского разбирательства доказательств<sup>1</sup>.

В 2015 г. был принят специальный закон, впервые закрепляющий возможность оказания содействия третейским судам со стороны государственных судов.

Е.И. Носырева предположила, что недавнее внесение изменений в ГПК РФ и АПК РФ позволит улучшить взаимодействие института частного арбитража и государственного суда по целому ряду вопросов. Автор справедливо обращает внимание на некорректную законодательную формулировку самой функции содействия в отношении третейских судов, полагая правильным именовать ее как поддержку со стороны государства частноправовому институту арбитража в целом<sup>2</sup>.

Считаем такие суждения правильными, поскольку третейский суд, например, направляя запрос в государственный суд о получении доказательств, выполняет волю стороны третейского разбирательства, заинтересованной в сборе доказательств, которые самостоятельно получить эта сторона не смогла.

Вместе с тем имеется заинтересованность и третейского суда в сборе доказательств, необходимых для ответа на юридически значимые обстоятельства, поскольку принимаемое решение должно быть обосновано, а выводы третейского суда должны соответствовать фактическим обстоятельствам спора.

Помимо оказания содействия об истребовании доказательств (ст. 30 Закона об арбитраже; ст. 63.1 ГПК РФ; ст. 74.1 АПК РФ), государственные суды оказывают содействие арбитражу по следующим вопросам:

---

<sup>1</sup> См.: *Виноградова Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; *Ее же.* Третейские суды: законодательное регулирование и перспективы развития // *Российская юстиция.* 1998. № 7. С. 63.

<sup>2</sup> См.: *Носырева Е.И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // *Вестник гражданского процесса.* 2017. № 4. С. 79–100.

избрание арбитров, если сами стороны не придут к согласию (ч. 3, 4 ст. 11 Закона об арбитраже; ст. 427.1–427.5 ГПК РФ; ст. 240.1–240.5 АПК РФ);

отвод арбитра, если третейский суд не удовлетворил заявление об отводе (ч. 3 ст. 13 Закона об арбитраже; ст. 427.1–427.5 ГПК РФ; ст. 240.1–240.5 АПК РФ);

прекращение полномочий арбитра (ч. 1 ст. 14 Закона об арбитраже; ст. 427.1–427.5 ГПК РФ; ст. 240.1–240.5 АПК РФ).

Е.И. Носырева предлагает процессуальную деятельность государственного суда по рассмотрению заявлений (запросов) третейского суда именовать производством по делам об оказании содействия третейскому суду<sup>1</sup>.

В целом автор настоящей диссертации соглашается с точкой зрения Е.И. Носыревой, поскольку функции содействия закреплены в нормах, расположенных в разных разделах. Например, запрос о содействии в истребовании доказательств содержится в ст. 63.1 ГПК РФ, ст. 427.1–427.4 ГПК РФ. Кроме того, в современной литературе обозначено немало предложений по поводу отнесения к функциям содействия рассмотрение запроса третейского суда или сторон третейского разбирательства об обеспечении иска.

Перечисленные функции содействия по своей правовой природе различны. На наш взгляд, функции содействия по вопросам, связанным с отводом третейского судьи, назначением третейского судьи и прекращением его полномочий, являются избыточными и ограничивают компетенцию третейского суда, рассматривающего спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

В юридической литературе содержатся различные научные подходы к осмыслению рассматриваемой функции содействия. Например, Е.И. Носырева отмечает, что роль суда заключается в необходимости решения вопросов,

---

<sup>1</sup> См.: Носырева Е.И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 79–100.

в отношении которых лица, участвующие в третейском разбирательстве, не в состоянии их урегулировать самостоятельно и нуждаются в организационном содействии для продолжения третейского разбирательства. Для этого достаточно одного независимого субъекта без дополнительных инстанций<sup>1</sup>. Е.И. Носырева одобряет подход законодателя к наделению государственного суда полномочиями по разрешению вопросов, связанных с назначением, отводом и прекращением полномочий третейского суда. Позволим не согласиться с такой точкой зрения. Если исходить из посылки ученого, что для устранения разногласий относительно вопросов, связанных с назначением, отводом, прекращением полномочий третейского судьи, достаточно хотя бы одного независимого субъекта, в таком случае комитет по назначениям, образованный при арбитражном учреждении, является вполне подходящим формированием для осуществления контрольной функции.

Комитет по назначениям — это коллегиальный орган, в состав которого должно входить не менее 5 человек, создаваемый постоянно действующим арбитражным учреждением, осуществляющим функции по назначению, отводу и прекращению полномочий арбитров (ч. 8 ст. 2). 2/3 членов Комитета должны быть сформированы путем голосования лицами, входящими в рекомендованный список арбитров арбитражного учреждения, в отношении оставшейся 1/3 состава Комитета правилами арбитражного учреждения может быть предусмотрен иной порядок избрания<sup>2</sup>.

Стороны третейского соглашения, определяя арбитражное учреждение, которому надлежит администрировать арбитраж, в обязательном порядке знакомятся с его правилами, включая процедуру формирования состава комитета по назначениям.

---

<sup>1</sup> См.: Носырева Е.И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 79–100.

<sup>2</sup> См.: Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М., 2016. С. 352.

Комитет по назначениям разрешает аналогичные вопросы, которые рассматривает государственный суд при реализации функции содействия.

На наш взгляд является очевидным, что указанная функция дублирует функции, которые выполняет Комитет по назначениям. Существующее правовое положение, устанавливающее реализацию государственным судом контрольной функции, может быть использовано в качестве правового основания, направленного на затягивание рассмотрения дела, поскольку содержание норм ГПК РФ и АПК РФ допускает их неоднозначное толкование.

Например, С.А. Курочкин отмечает, что государственному суду перед вынесением определения по заявлению о выполнении функции содействия в отношении третейского суда следует оценить действительность арбитражного соглашения<sup>1</sup>. Е.И. Носырева, напротив, полагает, что суды при оказании содействия не вправе оценивать действительность арбитражного соглашения, поскольку процессуальные кодексы содержат исчерпывающие основания для отказа в удовлетворении заявления, не связанные с действительностью арбитражного соглашения (ст. 240.4 АПК РФ и ст. 427.4 ГПК РФ). Кроме того, оспаривание действительности арбитражного соглашения осуществляется в рамках искового производства, что в принципе исключает рассмотрение этого вопроса по неисковым делам<sup>2</sup>.

Таким образом, наблюдается различное толкование оснований отказа в удовлетворении заявления о содействии по вопросам назначения, отвода или прекращения полномочий третейского судьи, что в свою очередь подрывает принцип определенности и предсказуемости, на которые рассчитывают стороны третейского разбирательства, прежде чем они обратятся в государственный суд.

---

<sup>1</sup> См.: *Курочкин С.А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М., 2017. С. 231.

<sup>2</sup> См.: *Носырева Е.И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 79–100.

В современной юридической литературе обозначена еще одна проблема, связанная с исследуемой функцией содействия.

Н.С. Зверева предлагает рассматривать функцию содействия значительно шире, в том числе в качестве минимального контроля, в рамках которого судья государственного суда проверяет условия, связанные с арбитражным соглашением. Если судья установит, что соглашение о третейском разбирательстве является недействительным, утратило силу или не может быть исполнено, он отказывает в удовлетворении заявления о содействии<sup>1</sup>.

На наш взгляд, такая модель минимального контроля, разработанная Н.С. Зверевой, может преуменьшить значение института третейского разбирательства как разновидности альтернативного правового механизма разрешения правовых споров. Кроме того, предложенная Н.С. Зверевой инициатива подменяет собой такую контрольную функцию, которая реализуется государственным судом на стадии проверки постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции.

Не останавливаясь подробнее на контрольных функциях государственного суда, реализуемых при оспаривании решений третейского суда или рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения, которым в процессуальной науке уже было уделено достаточное внимание, рассмотрим новую контрольную функцию, реализация которой обусловлена заявлением стороны третейского разбирательства об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии компетенции (ч.3 ст. 16 Закона об арбитраже; ст. 422.1 ГПК РФ; ст. 235 АПК РФ).

Буквальное толкование норм ГПК РФ и АПК РФ, регулирующих порядок рассмотрения заявления об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции, позволяет сде-

---

<sup>1</sup> См.: Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

лать вывод, согласно которому определение государственного суда об отказе заявителю в удовлетворении требования будет иметь правовое значение при реализации двух последующих контрольных функций: при рассмотрении судом заявления об оспаривании итогового решения или о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по соответствующему спору. Между тем рассматриваемые нормы ГПК РФ и АПК РФ не содержат перечня обстоятельств, которые требуется проверить при реализации контрольной функции при рассмотрении заявления об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции.

Указанное упущение законодателя влечет, по нашему мнению, бесполезность указанной контрольной функции. В связи с этим целесообразно дополнить правовой механизм, позволяющий рассмотреть заявление об отмене постановления третейского суда предварительного характера, о наличии у него компетенции таким образом, чтобы определение суда имело правовые последствия при реализации последующих контрольных функций.

Субъектом производства по рассмотрению заявления об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции выступает сторона третейского разбирательства, которая выражает несогласие с постановлением третейского судьи о наличии у него компетенции; объектом является оспариваемое постановление. Между тем положения закона не содержат указание на период, в течение которого заинтересованная сторона вправе обратиться в государственный суд с таким заявлением. Положения ст. 16 Закона об арбитраже позволяют третейскому суду принять постановление о компетенции, в том числе по любым возражениям относительно наличия или действительности арбитражного соглашения. Государственному суду при реализации контрольной функции согласно норм главы 46 раздела VI ГПК РФ надлежит проверить основания возражений сторон третейского разбирательства относительно наличия или действительности арбитражного соглашения; проверке подлежат дата заключения арбитра-

ражного соглашения, его условия, соответствие процедуры назначения третейского суда требованиям закона или соглашению.

На наш взгляд, значимыми обстоятельствами для рассмотрения заявления об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции являются события, которые возникли, начиная с даты, указанной в арбитражном соглашении и до момента, предшествующего первому заявлению стороны третейского разбирательства по существу спора. В указанный период попадают следующие события: заключение арбитражного соглашения, назначение или выбор третейского суда. Следовательно, если суд вынес определение об отказе заявителю в удовлетворении заявления об отмене постановления третейского суда относительно наличия у него компетенции, то обстоятельства, связанные с выбором или назначением третейского суда, не могут быть предметом проверки при реализации государственным судом двух других контрольных функций.

Таким образом, требование об отмене постановления третейского суда относительно наличия у него компетенции может быть заявлено стороной третейского разбирательства до первого возражения относительно существа спора. В противном случае сторона лишается права обжаловать решение третейского суда по основанию несоответствия его состава арбитражному соглашению и (или) закону.

Заметим, что полномочия государственного суда по рассмотрению заявления об отмене постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции схожи с полномочиями суда, реализуемыми в рамках модели минимального контроля при осуществлении функции содействия по вопросам назначения, отвода и прекращения полномочий третейского суда, предложенной в диссертационном исследовании Н.С. Зверевой<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Зверева Н.С. Указ. раб.

Изложенное свидетельствует о том, что функция содействия государственного суда по разрешению вопросов назначения, отвода и прекращения полномочий третейского суда схожа с функцией, которую реализует комитет по назначениям арбитражного учреждения. Действующая редакция ГПК РФ и АПК РФ позволяет широко толковать нормы, регулирующие функцию содействия, допуская в том числе возможность государственному суду давать оценку действительности арбитражного соглашения, эти же действия надлежит выполнить суду при проверке постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции. В связи с этим полагаем, что нормы ГПК РФ и АПК РФ, регулирующие рассматриваемую функцию содействия, не подлежат применению в отношении сторон арбитража, администрируемого арбитражным учреждением. Представляется целесообразным отнести указанные вопросы к исключительной компетенции комитета по назначениям арбитражного учреждения, но с признанием за государственным судом контрольной функции, реализуемой на стадии рассмотрения заявления об отмене постановления третейского суда о наличии у него компетенции. Подчеркнем, что результат проверки государственным судом компетенции третейского суда следует учитывать и далее при реализации других контрольных функций, выполняемых государственным судом — оспаривание решения третейского суда и выдача исполнительного листа на его принудительное исполнение.

О.А. Егорова и Ю.Ф. Беспалов справедливо отмечают, что сторона третейского разбирательства, подавшая заявление об оспаривании компетенции арбитра, не лишена права ссылаться на обстоятельства, служащие основанием указанного заявления, при рассмотрении судом заявления об отмене или о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по соответствующему спору<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Беспалов Ю.Ф., Егорова О.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2017. С. 235.

Иначе выглядит взаимосвязь третейского суда (*ad hoc*) и государственного суда по вопросам назначения, отвода, прекращения полномочий. Если стороны третейского соглашения определили в качестве механизма разрешения правового спора третейский суд (*ad hoc*), но без указания конкретного третейского судьи, то заинтересованная сторона или обе стороны могут обратиться в государственный суд с заявлением о содействии в назначении третейского судьи. При таком положении представляется целесообразным использовать ранее упомянутую модель Н.С. Зверевой, допускающей применение минимального контроля при реализации государственным судом функции содействия.

Судья, установив, что соглашение о третейском разбирательстве является недействительным, утратило силу или не может быть исполнено, отказывает в удовлетворении заявления стороны третейского соглашения о содействии в назначении арбитра. Наличие такого определения дает возможность заинтересованной стороне обратиться за защитой нарушенного права в государственный суд.

На наш взгляд, осуществление функции содействия к назначению арбитра для рассмотрения спора в процедуре арбитража (*ad hoc*) в качестве модели минимального контроля не следует дополнять другой контрольной функцией государственного суда, предусматривающей проверку постановления третейского судьи о его компетенции.

Порядок оказания государственным судом содействия третейским судам в получении доказательств регулируется ст. 63.1 ГПК РФ и 74.1 АПК РФ. Основанием для реализации указанной функции служит запрос арбитра, рассматривающего спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

И.В. Решетникова отмечает, что своевременное получение доказательств по делу определяет правильное рассмотрение и разрешение дела. Под сбором доказательств понимается их выявление, получение лично субъектом

или с помощью суда<sup>1</sup>. Таким образом, содействие государственного суда третейскому суду в получении доказательств является важным элементом своевременного рассмотрения и разрешения дела в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

Нормы ГПК РФ и АПК РФ, регулирующие содействие в получении доказательств, содержат следующие элементы: субъект запроса — третейский суд, рассматривающий спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением; объект — письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, подлежащие истребованию государственным судом на основании запроса третейского суда; результат рассмотрения — определение об удовлетворении ходатайства или определение об отказе в удовлетворении ходатайства, которое обжалованию не подлежит.

Е.И. Носырева предлагает добавить к субъектам права обращения в государственный суд за содействием в получении доказательств стороны третейского разбирательства, а в определенных случаях и третьих лиц, если они выступают субъектами арбитражного соглашения<sup>2</sup>.

На наш взгляд, расширение списка лиц, обладающих правом направить в государственный суд запрос о получении доказательств, является нецелесообразным. Такой запрос по своей форме должен содержать обстоятельства, подлежащие выяснению, а также доказательства, которые необходимо получить через государственный суд.

Очевидно, что доказательства должны быть соотносимыми с предметом доказывания. Стороны третейского разбирательства могут не обладать знаниями о видах и свойствах доказательств и их относимости к рассматриваемому спору. Кроме того, предлагаемые «дополнительные лица» могут использовать доказательства вопреки интересам третейского разбирательства.

---

<sup>1</sup> См.: Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие. М., 2011. С. 105.

<sup>2</sup> См.: Носырева Е.И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 81–82.

Порядок исполнения запроса третейского суда о получении доказательств определен ГПК РФ и АПК РФ. Государственный суд исполняет запрос в судебном заседании в срок не позднее 30 дней с момента его получения судом, стороны третейского разбирательства извещаются о времени и месте судебного заседания (ст. 63.1 ГПК РФ).

Заметим, что стороны уже сделали свой выбор в пользу третейского суда, рассматривающего дело в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением. Возможно, их выбор обусловлен возможностью сократить срок разбирательства, по сравнению со сроками, установленными нормами ГПК РФ и АПК РФ, а также избежать некоторых действий судопроизводства в государственных судах (например, проведения предварительного судебного заседания).

Между тем законодатель предписывает, что для получения доказательств по запросу третейского суда государственному суду требуется известить стороны к судебному заседанию. На наш взгляд, такое действие является излишним и влечет увеличение срока рассмотрения ходатайства третейского суда.

Исполнение запроса об истребовании доказательств, необходимых для разрешения дела в государственном суде в силу ч. 3 ст. 57 ГПК РФ ограничивается 5-ю днями, тогда как время исполнения запроса государственного суда об истребовании доказательств для нужд арбитража составляет 30 дней. Заметим, что запрос третейского суда о получении доказательств может быть рассмотрен в отсутствие надлежащим образом извещенных участников арбитража, но независимо от их присутствия в судебном заседании, стороны арбитража не вправе обжаловать определение государственного суда об отказе в исполнении запроса.

Различный подход законодателя к регулированию схожего вопроса, как представляется, подрывает эффект ожидаемого преимущества процедуры арбитража в части сокращения срока рассмотрения дела по отношению к процедурам, предусмотренным АПК РФ и ГПК РФ.

Полагаем уместным в данном случае привести высказывание Ю.К. Осипова, справедливо отметившего, что «...в условиях динамично развивающихся гражданских правоотношений и отставания от них законодательства использование аналогий является не только допустимым, но и подчас весьма необходимым действием»<sup>1</sup>.

По нашему мнению, внесение изменений в ГПК РФ и АПК РФ в части сокращения сроков исполнения запроса о получении доказательств для нужд третейского суда с одного месяца до пяти дней, разрешения такого запроса без извещения сторон третейского разбирательства о дате проведения судебного заседания, предоставления сторонам права на обжалование определения суда об отказе в исполнении запроса третейского суда, будут способствовать достижению истинного назначения функции содействия, то есть оказывать действенную помощь третейскому суду по сбору доказательств.

Предложенная модель допустима к применению, если субъектом запроса о получении доказательств останется только третейский суд, рассматривающий спор в процедуре арбитража, администрируемый арбитражным учреждением, без наделения таким правом сторон третейского разбирательства, дополнительных сторон и третьих лиц.

Помимо запроса о получении доказательств, третейский суд взаимодействует с государственными судами по вопросу обеспечения иска, подлежащего разрешению в процедуре арбитража (ч.3 ст. 139 ГПК РФ и ч.3 ст. 90 АПК РФ).

В юридической литературе встречаются положения о целесообразности отнесения вопроса о принятии мер по обеспечению иска к функциям содействия государственного суда по отношению к третейским судам. Такое взаимодействие двух юрисдикционных органов призвано повысить эффектив-

---

<sup>1</sup> См.: *Осипов Ю.К.* Элементы и стадии применения норм гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: сборник научных трудов. Вып. 48. Свердловск, 1976. С. 38–39.

ность принудительного исполнения действий, указанных в определении суда в целях обеспечения иска, поступившего на рассмотрение в третейский суд.

Д.И. Кобахидзе отмечает, что судебные меры, направленные на обеспечение исполнения решения третейского суда, являются более привлекательными и эффективными, чем обеспечительные меры, которые может принять третейский суд, исходя из своей компетенции<sup>1</sup>. Заметим, что обращение стороны третейского разбирательства в государственный суд обеспечивает возможность принудительного исполнения определения суда о принятии обеспечительных мер.

Указанный автор обращает внимание на английский и китайский опыт обеспечения иска по делам, находящимся в производстве третейских судов. Государственные суды в Англии оказывают содействие третейским судам, не попирая их независимость. Одной из форм такого содействия является приведение судом в исполнение обеспечительных мер третейского суда. Механизм приведения в исполнение приказов третейских судов об обеспечительных мерах сочетает элементы экзекватурной модели и модели судебной субсидиарности (вспомогательной роли суда). С одной стороны, Закон об арбитраже разграничивает промежуточные приказы (provisional orders) и решения (awards), предусматривая для каждого из указанных актов третейского суда свой механизм принудительного исполнения. С другой стороны, английские суды в случае обращения к ним за исполнением сами не принимают обеспечительные меры, а наделяют приказы третейских судов обязательной юридической силой<sup>2</sup>. Полагаем не совсем правильным применение термина «юридическая сила» к актам третейских судов в России, так как данный термин у нас привычно характеризует закон или иной акт, распространяющий свое действие по кругу лиц. Термин же «законная сила» означает в правовой тео-

---

<sup>1</sup> См.: Кобахидзе Д.И. Регулирование обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже: сравнительный анализ законодательства Англии, Китая и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 87–92.

<sup>2</sup> См.: Там же.

рии особое свойство постановленного государственным судом именем Российской Федерации решения, характеризующегося неизменяемостью, неопровержимостью и другими качествами<sup>1</sup>.

Для обращения в суд необходимо обеспечить наличие двойного отказа стороны арбитража от исполнения изначального арбитражного приказа, а затем более строгого обязательного приказа. Суд не должен вмешиваться до тех пор, пока не убедиться, что заявитель исчерпал все возможные арбитражные средства в связи с неисполнением арбитражного приказа, что истекли сроки, установленные третейским судом для исполнения приказа<sup>2</sup>.

В соответствии с китайским законодательством сторона может обратиться к третейскому суду с ходатайством о принятии обеспечительных мер, направленных на сохранение имущества и доказательств (ст. 28, 46, 68 Закона об арбитраже)<sup>3</sup>. Ходатайство направляется в государственный суд, являющийся единственным органом, уполномоченным принимать решение об обеспечении иска.

На наш взгляд, взаимодействие двух юрисдикций следует считать полезным, если требуются для обеспечения исполнения решения третейского суда такие обеспечительные меры, которые не могут быть приняты третейским судом. В таком случае целесообразно инициировать получение судебного акта государственного суда.

В юридической литературе существует иная точка зрения относительно использования процессуального механизма, реализуемого государственными судами в отношении обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства.

---

<sup>1</sup> См.: *Осокина Г.Л.* Законная сила судебного решения по гражданским административным делам // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4(18). С. 124.

<sup>2</sup> *Mohmeded S.A.* Critical Analysis of Arbitral Provisional Measures in England and Wales. Brunel University, 2014. P. 45.

<sup>3</sup> *Liu X., Yang L.* Redemption of Chinese Arbitration - Comments on the Civil Procedure Law and Free Trade Zone Arbitration Rules // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13, iss. 4. P. 656.

Лю Сяохун и Ян Линг отмечают, что роль судебной системы по отношению к арбитражу является, скорее, контрольной, нежели вспомогательной. Судебная власть испытывает системное недоверие к третейским судам, поэтому последним крайне сложно получить властное содействие от суда<sup>1</sup>.

В России взаимоотношения государственного суда и третейского суда по состоянию на 2012 г. складывались по принципу китайской модели, отражая в большей степени контрольную функцию одной юрисдикции по отношению к другой.

Е.В. Кабатова отмечает, что «ключевым словом во взаимоотношениях государственного арбитража с международным коммерческим арбитражем и иными третейскими судами является слово «контроль» — контроль за деятельностью третейских судов. ... Это не способствует созданию комфортной, разумной и целесообразной ситуации для развития третейского разбирательства в России»<sup>2</sup>.

П.Д. Гринев предлагает использовать механизм принятия государственными судами обеспечительных мер по ходатайству стороны третейского суда как форму предварительного судебного контроля за деятельностью арбитража<sup>3</sup>.

На наш взгляд, подобные позиции подрывают авторитет арбитража как действенного механизма для разрешения гражданско-правовых споров.

Современное законодательство, предусматривающее право стороны арбитража ходатайствовать перед государственным судом о принятии обес-

---

<sup>1</sup> *Liu X., Yang L.* Redemption of Chinese Arbitration - Comments on the Civil Procedure Law and Free Trade Zone Arbitration Rules // *Chinese Journal of International Law*. 2014. Vol. 13, iss. 4. P. 656.

<sup>2</sup> *Кабатова Е.В.* Изменения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и их имплементация в российское законодательство // *Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сборник статей к 80-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации* /под ред. А.А. Костина. М., 2012. С. 152–167.

<sup>3</sup> См.: *Гринев П.Д.* Обеспечительные меры как форма предварительного судебного контроля за деятельностью международных коммерческих арбитражей // *Российский юридический журнал*. 2014. № 2. С. 131–137.

печительных мер в целях исполнения решения третейского суда, не позволяет определить принадлежность спора третейскому суду, которому надлежит разрешить спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

Заметим, что сторона третейского соглашения подает иск в арбитражное учреждение прежде, чем комитет по назначениям определит состав третейского суда.

На наш взгляд, не следует использовать компетенцию государственного суда о принятии обеспечительных мер по ходатайству стороны третейского соглашения в целях осуществления контрольной функции. Для этих целей существуют иные процессуальные механизмы, в частности, при разрешении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда либо при оспаривании решения третейского суда.

Приходится констатировать, что изменения законодательства, несмотря на очевидный прогресс в части наделения государственных судов функциями содействия третейскому производству, не коснулись норм ГПК РФ и АПК РФ (ч. 3 ст. 139 ГПК РФ и ч.3 ст. 90 АПК РФ), регламентирующих обеспечение иска, заявленного стороной третейского соглашения. Мы разделяем позицию А.Н. Чумановой, которая справедливо отмечает, что разрешение вопросов, связанных с ходатайством стороны арбитража о принятии обеспечительных мер, следует рассматривать как функцию содействия<sup>1</sup>. Но к сожалению, законодатель не отнес разрешение вопросов об обеспечении иска по ходатайству стороны третейского соглашения к функциям содействия разрешению споров в порядке арбитража.

Правительство Российской Федерации предпринимало попытки уточнить юридический механизм обеспечения иска. Проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О международном

---

<sup>1</sup> См.: Чуманова А.Н. Содействие государственного суда арбитражу (третейскому суду) в Российской Федерации и в Великобритании: сравнительно-правовое исследование // Science Time 2016. № 12 (36). С. 744–748.

коммерческом арбитраже»» содержал дополнительные правила принятия обеспечительных мер, определяющие особый режим предварительных постановлений, имеющих обязательную силу лишь для сторон разбирательства (ст. 17.4)<sup>1</sup>. Однако Государственная Дума РФ Постановлением от 21 октября 2016 г. № 82-7ГД данный проект закона отклонила<sup>2</sup>.

Полагаем нецелесообразным указывать в законе виды обеспечительных мер, принятие которых входит в компетенцию третейского суда. На наш взгляд, следует руководствоваться положением, позволяющим принимать обеспечительные меры третейским судом, если стороны арбитража могут их исполнить самостоятельно без обращения к государственным органам, в чью компетенцию входит принудительное исполнение обеспечительных мер<sup>3</sup>.

Законодатель не предусмотрел для судов общей юрисдикции четкого порядка принятия обеспечительных мер предварительного характера, когда имеется ходатайство стороны третейского соглашения об обеспечении иска, но состав третейского суда еще не сформирован. В целях защиты прав сторон и исполнения решения третейского суда такое ходатайство все же может быть направлено в государственный суд. Применительно к арбитражным судам С.А. Курочкин отмечает, что такое обращение к государственному суду позволяет защитить имущественные интересы истца до того, как будет

---

<sup>1</sup> См.: Проект Федерального закона № 583004-5 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О международном коммерческом арбитраже»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 октября 2016 г. № 82-7 ГД // СЗ РФ. 2016. № 44. Ст. 6117.

<sup>3</sup> Согласно постановлению Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 октября 2011 г. в компетенцию третейского суда, не обладающего аппаратом для принудительного исполнения принимаемых им актов, не входит принятие таких обеспечительных мер, которые стороны арбитража не могут исполнить самостоятельно. В этом случае участники третейского разбирательства вправе обратиться непосредственно в государственный суд с ходатайством о принятии обеспечительных мер. См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 октября 2011 г. по делу № А56-13008/2011; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 мая 2003 г. по делу № А12-30011/03-С13. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

сформирован состав арбитража<sup>1</sup>, что вполне адаптируется и к гражданскому судопроизводству в судах общей юрисдикции.

В отличие от ГПК РФ положения ст. 90 АПК РФ позволяют арбитражным судам принять предварительные обеспечительные меры до принятия иска третейским судом в целях обеспечения имущественных интересов заявителя<sup>2</sup>. Для этого требуется представить в арбитражный суд документ, подтверждающий произведенное встречное обеспечение в объеме указанной в заявлении суммы обеспечения имущественных интересов. В противном случае арбитражный суд оставит заявление об обеспечении имущественных интересов без движения до представления документа, подтверждающего произведенное встречное обеспечение<sup>3</sup>.

В правоприменительной деятельности судей судов общей юрисдикции возникают сложности при применении норм ГПК РФ (ч. 3 ст. 139), регулирующих принятие мер по обеспечению иска, поскольку отсутствуют требования к реквизитам заявления, направляемого стороной арбитража до формирования третейского суда. Данный пробел правового регулирования нуждается в скорейшем исправлении.

Взаимодействие двух юрисдикций по вопросу обеспечения иска может осуществляться в порядке, определяемом в правилах арбитражного учреждения. Сторона третейского соглашения, направляя иск в арбитражное учреждение, подтверждает свое намерение разрешить спор в процедуре арбитража. В этом случае истец вправе ходатайствовать перед арбитражным учреждением или государственным судом о принятии мер по обеспечению иска. На наш взгляд, целесообразно дополнить существующие нормы процессуального закона указанием на наличие обязательных реквизитов для идентификации

---

<sup>1</sup> См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. С. 288.

<sup>2</sup> См. пп. 2, 23 Обзора практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер Информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июля 2004 г. № 78 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2004. № 8.

<sup>3</sup> См.: Там же. П. 7.

принадлежности поступившего заявления об обеспечении иска к конкретному арбитражному учреждению. В этом случае государственному суду следует проверить реквизиты заявления, в частности, дату поступления искового заявления в арбитражное учреждение, регистрационный номер и оттиск печати арбитражного учреждения.

Заявление о принятии мер по обеспечению иска арбитражное учреждение направляет в компетентный суд не позднее следующего рабочего дня с момента его поступления. Суд в день поступления заявления о принятии мер по обеспечению иска обязан его рассмотреть и принять определение об удовлетворении или отказе в удовлетворении заявления. В случае отсутствия обязательных реквизитов суд оставляет ходатайство без движения и уведомляет об этом арбитражное учреждение.

В целях соблюдения интересов сторон третейского соглашения истцу предлагается одновременно с заявлением об обеспечении иска подтвердить встречное обеспечение. Такой подход позволит избежать злоупотребления правом вследствие *dolus malus*.

Заметим, что указанный механизм разработан исключительно для нужд сторон третейского соглашения, которые намерены разрешить спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением.

Для третейского суда (*ad hoc*) целесообразно вопросы обеспечения иска и их виды предусмотреть в соглашении, а их исполнение сторона обеспечивает на добровольной основе без обращения в государственный суд. Последствия неисполнения сторонами актов о принятии обеспечительных мер третейский суд может возложить на одну из сторон возмещение издержек и (или) ущерба, возникших в результате неисполнения ею принятой обеспечительной меры<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Ерпылева Н.Ю., Лопатина Д.А. Обеспечительные меры в международном коммерческом арбитраже // Международный коммерческий арбитраж. 2008. № 4. С. 68–69.

Третейский суд (*ad hoc*) позволяет сторонам в полной мере реализовать все условия третейского соглашения и разрешить спор в процедуре третейского разбирательства без содействия со стороны государственного суда.

Третейский суд, разрешающий спор в процедуре арбитража, администрируемого арбитражным учреждением, ориентирован на взаимодействие с государственным судом по вопросам оказания содействия в получении доказательств и обеспечения иска до формирования состава третейского суда или при отсутствии компетенции третейского суда на принятие испрашиваемых мер по обеспечению иска.

Заметим, что законодатель вменил в обязанность некоммерческой организации получение одобрения со стороны властей на администрирование арбитража ее структурным подразделением. На наш взгляд, такой подход может быть оправдан, если арбитраж будет рассматриваться как обязательная досудебная процедура разрешения споров, отнесенных к компетенции арбитражных судов.

Опыт применения такого подхода исторически известен и заслуживает краткого напоминания.

В XIX в. большинство дел, подведомственных Коммерческому Суду (прообразу ныне действующих арбитражных судов в субъектах Российской Федерации), рассматривались Третейским судом. А.И. Вицын отмечал, что «Коммерческий Суд по делам своего ведомства есть первая инстанция, которая заменяется, по общему правилу, Третейским Судом, если прежде не было еще по делу судебного производства»<sup>1</sup>.

Очевидно, что использовать третейский суд в условиях современного правового регламентирования в качестве суда первой инстанции в структуре арбитражных судов не получится. Между тем полагаем заслуживающим внимания законодателя вопрос о дополнении АПК РФ и ГПК РФ положениями, предписывающими сторонам разрешение спора в процедуре арбит-

---

<sup>1</sup> Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 50.

ража, администрируемого арбитражным учреждением до обращения в государственный суд.

В целях повышения статуса альтернативных способов разрешения правовых споров представляется целесообразным организовать единую всероссийскую некоммерческую организацию, которая сможет принимать участие в развитии правовой системы и в целом российского гражданского общества, в том числе: определять концепцию внедрения альтернативных способов разрешения правовых споров; выдавать разрешения некоммерческим организациям, позволяющим их структурным подразделениям администрировать арбитраж; обеспечивать условия для депонирования правил ведения арбитража; предоставлять гранты некоммерческим организациям для покрытия их расходов на организацию арбитражных учреждений; прекращать деятельность некоммерческих организаций в случае установления нарушений их структурными подразделениями.

Предложенная модель образования арбитражных учреждений в регионах предполагает наделение третейских судей, назначенных комитетом по назначениям с учетом мнения сторон третейского соглашения, правом составления запросов, разрешение которых входит в полномочия государственных судов (обеспечительные меры, запрос о содействии в получении доказательств).

Итак, обобщая изложенное, можно вывести общее положение о том, что взаимодействие государственного суда и третейского суда, администрируемого арбитражным учреждением, является эффективным, если содействие государственного суда не ограничивает правоспособность арбитражного учреждения на скорое рассмотрение спора. Для исполнения запроса третейского суда о получении доказательств предлагается применять аналогию норм АПК РФ и ГПК РФ, регулирующих сходные правоотношения, что позволит сократить срок исполнения запроса с одного месяца до пяти дней без вызова участников третейского разбирательства в судебное заседание.

В качестве *de lege ferenda* предлагается исключить из направлений деятельности государственного суда функции содействия по вопросам, отнесенным к компетенции комитета по назначениям арбитражного учреждения, наличие которой в настоящее время позволяет произвольно ограничивать компетенцию третейского суда. За государственным судом при этом предполагается достаточной контрольная функция по осуществлению проверки постановления третейского суда предварительного характера о наличии у него компетенции.

## **2.2. Иницилирующая роль государственного суда в урегулировании спора в процедуре медиации**

Без сомнения, процедуру медиации допускается использовать как самостоятельно, так и путем ее сочетания с другими процедурами, входящими в альтернативную подсистему, а также по гражданским делам, находящимся в производстве судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Однако в последнем случае применить медиацию возможно, если этому будут способствовать, прежде всего, судьи и аппарат суда.

С.К. Загайнова отмечает, что медиация может существовать наряду с судебным порядком, но, не подменяя собой уже существующие институты, а дополняя их, предоставляя участникам новые возможности в мирном урегулировании возникших разногласий, а государство признает результат процедуры — медиативное соглашение<sup>1</sup>. Напомним позицию Е.И. Носыревой, согласно которой медиация как комплексный правовой институт, регулирующий отношения, полностью еще не сложившиеся в обществе как фактиче-

---

<sup>1</sup> См.: Загайнова С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. Кн. 4. С. 14.

ские, может являться вспомогательным элементом для правосудия<sup>1</sup>. В теории гражданского процессуального права применяется термин «правовая модель примирения сторон в цивилистическом процессе»<sup>2</sup>.

Без сомнения, государственные суды выполняют важную социальную функцию по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов, но их предназначение состоит в том числе и в оказании содействия альтернативным формам разрешения правовых споров. Исторически сложилось, что общество в целом доверяет судебной системе. В этой связи иницилирующую роль государственного суда, направленную на мотивацию сторон судебного разбирательства урегулировать спор в процедуре медиации, сложно переоценить.

Е.Ю. Пальцева полагает, что медиативное соглашение, заключенное в том виде, в котором оно предусмотрено Законом о медиации, представляет собой обычную сделку, для принудительного исполнения которой следует обратиться в суд, тогда как, если такому соглашению придать силу мирового соглашения, утвержденного судом, в связи с чем возникает право на получение исполнительного листа, авторитет процедуры медиации существенно возрастет<sup>3</sup>. Получается, досудебную медиацию следует во многом отнести к предмету науки гражданского права<sup>4</sup>, а уже медиацию, начатую после обращения в суд, рассматривать как предмет гражданского процесса, принимая во внимание, что медиативное соглашение, утвержденное судом по правилам

---

<sup>1</sup> См.: Носырева Е.И. Становление института медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012.

<sup>2</sup> См.: Кузбагаров А.Н., Кузбагарова В.А. Правовая модель примирения сторон в цивилистическом процессе // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров: сборник статей / под ред. Ю.А. Поповой. Краснодар, 2015. С. 70.

<sup>3</sup> См.: Пальцева Е.Ю. Факторы, сдерживающие развитие медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 85.

<sup>4</sup> В современных диссертационных исследованиях по специальности 12.00.03 институт медиации рассматривается как «явление гражданско-правового характера, а медиативное соглашение – как гражданско-правовой договор» (Владимирова М.О. Медиативное соглашение в системе гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 9).

ГПК РФ или АПК РФ, получает процессуальный эффект. После утверждения медиативного соглашения судом заинтересованная сторона вправе обратиться в суд и получить исполнительный лист на принудительное исполнение.

Следует отметить, что сложность определения отраслевой принадлежности института медиации во многом производна от лежащей в его основе характеристики примирения сторон по конфликтам частноправового характера, которая, по мнению А.Н. Кузбагарова, «имеет признаки явления межотраслевого (института права) и родовой природы»<sup>1</sup>.

Авторы концепции развития до 2020 года сети служб медиации справедливо отмечают, что в условиях, когда количество обращений в суд превышает 25 млн в год, именно судебная система может и должна стать основным элементом, содействующим формированию культуры мирного разрешения споров<sup>2</sup>.

Институт медиации, как верно отметила О.В. Исаенкова, проходит в настоящее время период активного формирования и апробации<sup>3</sup>. При формировании модели медиации целесообразно в первую очередь учитывать особенности судопроизводства в государственных судах. На наш взгляд, наиболее подходящими для формирования модели судебной медиации являются стадии подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства.

Заметим, что истец уже сделал выбор в пользу государственного суда, которому надлежит рассмотреть дело и разрешить спор. Е.А. Трещева справедливо отмечает, что «сам факт наличия судебного процесса, где одна из сторон — истец, является субъектом, по чьей инициативе возникло дело в

---

<sup>1</sup> Кузбагаров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 6.

<sup>2</sup> См.: Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4557.

<sup>3</sup> См.: Исаенкова О.В. Задачи и основные положения законодательства о медиации в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 3.

суде и по чьему указанию в процесс привлечен ответчик (не по своей воле) означает отсутствие добровольности и сотрудничества сторон»<sup>1</sup>.

Организация судебной медиации на этой стадии гражданского судопроизводства зависит от судьи и его отношения к рассматриваемому альтернативному механизму, от его личного авторитета, а также последовательной и целенаправленной разъяснительной работы.

Нормы ГПК РФ и АПК РФ предписывают суду разъяснить сторонам возможность урегулировать спор в процедуре медиации, а все остальные действия, направленные на ее популяризацию, остаются на усмотрение судьи.

Например, предположим, что истец и ответчик при подготовке дела к судебному разбирательству предпочли разрешить спор посредством медиации, заявив об этом судье. Между тем ГПК РФ и АПК РФ не вменяют в обязанность выполнение процессуальных действий в отношении заявленного ходатайства. Судья вправе удовлетворить ходатайства сторон и отложить рассмотрение дела (ч. 1 ст. 169 ГПК РФ), а может этого не делать, тогда медиация, несмотря на наличие воли сторон, не состоится.

Е.А. Трещева применительно к арбитражному процессу отмечает, что регламентирующие действия арбитражного суда по принятию мер по содействию сторонам в урегулировании спора абсолютно не конкретны и закон не регулирует ни содержание, ни форму такой деятельности.

С.В. Николюкин подчеркивает, что подготовка к процедуре медиации требует реализации определенных действий: консультирования, побуждения сторон к разрешению спора посредством медиатора, выбора медиатора,

---

<sup>1</sup> См.: *Трещева Е.А.* Судебные примирительные процедуры: право на существование // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 109.

оценки правовых свойств конфликта, наличие которых позволяет урегулировать спор в процедуре медиации<sup>1</sup>.

Нынешнее состояние применения процедуры медиации можно охарактеризовать статистикой, приведенной Верховным Судом РФ, согласно которой за период с 2011 г. по 2017 г. примирительные процедуры с участием медиаторов использовались крайне редко. В процентном соотношении этот показатель составляет примерно 0,008% от общего количества дел, поступивших в отчетном году в суды общей юрисдикции и около 0,002% от общего количества дел, поступивших в арбитражные суды<sup>2</sup>. Очевидно, что при таком законодательном положении усилий судейского корпуса для инициирования процедуры медиации недостаточно, необходимо встречное активное участие самих медиаторов.

Медиаторы могут быть представлены сторонам судебного разбирательства на второй стадии гражданского судопроизводства, именуемой подготовкой дела к судебному разбирательству.

Рассмотрим ситуацию, при которой стороны процесса понимают назначение медиации в урегулировании конфликта, но к услугам медиатора обращаться не желают. В другом случае стороны не понимают роль независимого переговорщика, в связи с чем предпочитают действовать в уже привычной для них процессуальной форме.

Опираясь на проведенный в Кировском районном суде г. Саратова эксперимент, можно сделать вывод, согласно которому при подготовке дела к судебному разбирательству медиатору довольно редко удастся склонить стороны к переговорам. Такая реакция сторон и (или) их представителей на предложение судьи обратиться к медиатору закономерна. К.М. Ортлофф справедливо отмечает, что при подготовке дела к судебному разбирательству

---

<sup>1</sup> См.: *Николюкин С.В.* Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации: научно-практическое пособие. М., 2013.

<sup>2</sup> См.: *Шестакова М.* Верховный Суд взялся за примирительные процедуры: появятся судебные примирители и медиация по административным делам // *ЭЖ-Юрист*. 2018. № 5. С. 1–2.

судья действует интуитивно<sup>1</sup>, но при этом учитывая, что характерными признаками для рассматриваемого процессуального этапа являются противостояние истца и ответчика как противников в судебном процессе; незаинтересованность представителей сторон окончить дело миром; отсутствие должной подготовки судьи, способного распознать свойства спора, в отношении которого процедура урегулирования спора может быть результативной.

Заметим, что судье на указанной процессуальной стадии, помимо решения прочих задач, надлежит принять меры к примирению сторон. Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судьям принять к сведению, что каждая из задач подготовки дела к судебному разбирательству, перечисленных в ст. 148 ГПК РФ, служит обязательным элементом данной стадии процесса. Невыполнение любой из задач может привести к необоснованному затягиванию судебного разбирательства и к судебной ошибке<sup>2</sup>.

Как правило, стороны исполняют подготовительные распоряжения суда за пределами стадии подготовки дела к судебному разбирательству, если только суд не усмотрит целесообразность назначить повторную подготовку или предварительное судебное заседание.

Кроме того, при подготовке дела к судебному разбирательству представители сторон, в частности адвокаты, как правило, не заинтересованы в участии медиаторов при разрешении споров.

К.Д. Кавелин отмечает, что уже со второй половины XIX в. с появлением юристов значение примирения отошло на второй план, поскольку по своему характеру (внутренней юридической стороне) судебный процесс по гра-

---

<sup>1</sup> См.: *Ортлофф К.М.* Новые методы ведения судебного процесса: О влиянии медиации на административный процесс // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 275.

<sup>2</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Российская газета. 2008. 2 июля; 2012. 17 февр.

жданским делам приобретает форму чисто обвинительного, гражданского процесса<sup>1</sup>.

Думается, что участие представителей сторон в гражданском процессе служит фактором, сдерживающим применение медиации при подготовке дела к судебному разбирательству.

На наш взгляд, при отсутствии заинтересованности представителей сторон использовать медиацию для урегулирования спора стадия гражданского судопроизводства, именуемая подготовкой дела к судебному разбирательству, менее результативна в плане примирения, чем рассмотрение дела по существу.

Рассмотрим иную ситуацию, при которой истец до обращения в суд не знал о процедуре медиации, а впоследствии проявил заинтересованность в использовании альтернативного механизма, а другая сторона в этом ему не возражала. В таком случае подготовка дела к судебному разбирательству является наиболее подходящей стадией гражданского судопроизводства для урегулирования спора в процедуре медиации.

Р.А. Шаманова в качестве одного из вариантов решения проблем реализации медиации в России предложила на стадии подготовки дела к судебному разбирательству наделить суд полномочиями направлять участников спора к профессиональному медиатору для проведения информационной встречи<sup>2</sup>.

Предложение указанного автора вызывает интерес, но вряд ли стороны гражданского процесса предпочтут встречаться с медиатором за пределами помещений суда. В большинстве случаев стороны и их представители не проявляют заинтересованности в применении альтернативного механизма урегулирования спора на указанной стадии гражданского процесса. Пред-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Кавелин К.Д.* Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях: хрестоматия / под ред. М.К. Треушникова. М., 2005. С. 92.

<sup>2</sup> См.: *Шаманова Р.А.* Некоторые проблемы реализации медиации в России // Вопросы российского и международного права. 2014. № 8–9. С. 59–66.

ставляется целесообразным приглашать медиатора для проведения информационной встречи в суд. Совместные усилия суда и медиатора, направленные на вовлечение сторон разбирательства к переговорному процессу, способствуют увеличению степени вероятности применения процедуры медиации для урегулирования спора.

Заметим, что соглашение о проведении процедуры медиации может содержать положения о конфиденциальности. Принцип конфиденциальности предполагает, что все, о чем говорится или обсуждается в процессе медиации, остается внутри этого процесса<sup>1</sup>.

Вместе с тем И.Г. Фильченко допускает ограничение конфиденциальности в судебной медиации, но только при наличии соответствующего договора, который может быть составлен как самостоятельный документ или как часть соглашения о проведении процедуры медиации или медиативного соглашения<sup>2</sup>. На наш взгляд, ограничение принципа конфиденциальности при проведении судебной медиации оправдано только в том случае, если сами стороны в этом заинтересованы.

Руководствуясь ст. 5 Закона о медиации стороны в соглашении могут определить условия раскрытия суду информации, в частности, об инициаторе вопроса о применении процедуры медиации, о готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры; мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора; признаниях, сделанных сторонами в ходе проведения процедуры медиации; готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

На наш взгляд, условия к мотивации сторон гражданского или арбитражного процесса к урегулированию спора в процедуре арбитража могут

---

<sup>1</sup> См.: Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация — переговоры в ситуации конфликта: учебно-методическое пособие. СПб., 2010. С. 61.

<sup>2</sup> См.: Фильченко И.Г. Влияние принципа конфиденциальности процедуры медиации на доказывание в гражданском процессе // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 139.

быть созданы путем проведения специальных экспериментов. Необходимость организации экспериментальных условий обусловлена отсутствием в процессуальных кодексах особых требований к соглашению о примирении сторон и разработкой этого вопроса занимались ученые-правоведы<sup>1</sup>.

Эксперименты по применению медиации проводились в разных регионах России. Например, специалисты Центра медиации Уральской государственной юридической академии разработали процессуальный механизм передачи спора на медиацию со стадии подготовки дела к судебному разбирательству; сформировали сопровождающие этот механизм документы (образцы форм медиативного соглашения, позволяющие суду прекратить производство по делу в связи с утверждением мирового соглашения и заявления об отказе истца от иска); подготовили программы обучения судей методикам разъяснения участникам процесса права на урегулирование спора в рамках процедуры медиации. С.К. Загайнова отмечает важную роль судейского сообщества в информационной работе по популяризации медиации. Задача судей, по ее мнению, состоит в том, чтобы убедить стороны пойти на информационную встречу (предварительную консультацию) к медиатору<sup>2</sup>. В рамках данного эксперимента ею были сделаны важные практические выводы о мерах прямого и косвенного экономического принуждения, а также экономических (в частности, полная или частичная оплата труда медиаторов в рамках оказания бесплатной юридической помощи, страхование на случай правового спора) и репутационных стимулов (например, информирование о положительном опыте в средствах массовой информации) для самих медиаторов<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Кузбагарова В.А. Соглашение о примирении сторон в административном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2. С. 73–77.

<sup>2</sup> См.: Загайнова С.К. Уральская модель медиации по правовым спорам: практика экспериментального подхода // Актуальные вопросы развития практики медиации: опыт Республики Беларусь и России: материалы Международного круглого стола (Минск, 19 апреля 2018 г.) / под ред. О.Н. Здрок. Минск, 2018. С. 11–19.

<sup>3</sup> См.: Загайнова С.К. Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве:

Представляется, что указанные ею репутационные стимулы, по крайней мере, касающиеся положительного информирования, могут быть перенесены и на деятельность судей, содействующих медиативному урегулированию споров, находящихся в их производстве.

Эксперимент по внедрению процедуры медиации в гражданское судопроизводство проводился в Кировском районном суде г. Саратова в период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г. На стадии подготовки дела к судебному заседанию судьи указанного суда разъясняли сторонам возможность разрешения спора с участием медиатора. Дежурный в суде медиатор по заявке судьи или секретаря судебного заседания пребывал в зал судебного заседания, агитировал стороны принять участие в переговорном процессе. Их согласие на проведение медиации оформлялось ходатайством либо фиксировалось в протоколе судебного заседания, после чего судья назначал дату судебного заседания с учетом времени, необходимого для проведения переговоров при участии профессионального медиатора. В качестве гарантии исполнения условий медиативного соглашения суд по заявлению сторон утверждал медиативные соглашения по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законом для утверждения мировых соглашений. По пяти гражданским делам прекращены производства в связи с утверждением мировых соглашений, условия которых прорабатывались сторонами с участием медиатора. Дежурные в суде медиаторы оказывали содействие сторонам в рамках эксперимента на безвозмездной основе. В рамках эксперимента предполагалось, что все дела по искам родителей об определении места жительства детей или порядка общения с ними будут рассматриваться с участием медиатора, но этого не произошло. В 2014 г. в суд поступило 24 дела указанной кате-

гории, но только по одному гражданскому делу стороны смогли заключить медиативное соглашение<sup>1</sup>.

Проанализируем обстоятельства данного дела. Истец в исковом заявлении указал, что после расторжения брака мать чинила препятствия в его общении с ребенком. В ходе судебного разбирательства суд предложил сторонам воспользоваться услугами дежурного медиатора. Стороны в течение двух дней выработали условия медиативного соглашения, в том числе возможность возобновить процедуру медиации при содействии медиаторов в случае возникновения разногласий или трудностей по реализации или толкованию достигнутых договоренностей. Определением Кировского районного суда г. Саратова от 14 ноября 2014 г. медиативное и мировое соглашения сторон по делу утверждены судом. 27 апреля 2016 г. истец вновь обратился в суд с требованием к бывшей супруге об определении порядка общения с ребенком. В обоснование заявления он сослался на истечение срока действия медиативного соглашения. Стороны повторно урегулировали спор в процедуре медиации. Истец назвал причину повторного обращения в суд — возможность урегулировать спор с помощью медиатора, который оказывал услуги на безвозмездной основе.

В результате проведенного эксперимента, направленного на организацию процедуры медиации, судьи обрели навыки, позволяющие выявить в споре признаки, свидетельствующие о возможности урегулировать спор в процедуре медиации<sup>2</sup>.

Следующая стадия гражданского судопроизводства — судебное разбирательство дела в суде первой инстанции — представляет повышенный ин-

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: *Бондаренко В.Е.* Практика применения процедуры медиации по отдельным категориям споров // *Правовая культура.* 2015. № 1 (20). С. 80–86.

<sup>2</sup> См., подробно о результатах проведенного автором настоящей диссертации эксперимента по организации процедуры медиации в Кировском районном суде г. Саратова: *Бондаренко В.Е.* К вопросу о судебной медиации // *Правовая культура.* 2017. №1 (28). С. 118-124.

терес как для юридической науки, так и для судебной практики, так как является основной стадией гражданского судопроизводства.

Если при подготовке дела к судебному разбирательству стороны не определили преимущества медиации, то на данной стадии более чем целесообразно суду еще раз напомнить о возможности урегулировать спор посредством процедуры медиации<sup>1</sup>.

Рассматриваемая стадия гражданского судопроизводства сопровождается активными действиями сторон по собиранию и представлению необходимых для разрешения спора доказательств, в том числе заявления ходатайства о назначении судебной экспертизы, осмотра вещественных доказательств, представления письменных и иных доказательств. Между тем, чем больше будет представлено доказательств в ходе судебного разбирательства, тем больше вероятности возникновения ситуации неопределенности в вопросах, требующих разрешения.

А.В. Юдин справедливо отмечает, что неопределенность оказывает влияние на выбор процессуального поведения участника судебного разбирательства. Такую зависимость он определяет через понятие «процессуальный риск». Процессуальный риск, по его мнению, это не просто выбор формы процессуального поведения, а выбор в условиях имеющейся неопределенности<sup>2</sup>.

В ситуации, когда сам факт удовлетворения требований истца или возражений ответчика носит вероятностный характер, сторона определяет для себя необходимость дальнейшего сбора доказательств в обоснование своей позиции или делает выбор в пользу процедуры медиации.

---

<sup>1</sup> См., подробно: *Бондаренко В.Е.* Интеграция медиации в существующие юрисдикционные механизмы через принцип диспозитивности // Перспективы становления и развития медиации в регионах: сб. ст. по матер. I междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 04 декабря 2015 г.). Саратов: ИД «Наука», 2016. С. 28–31.

<sup>2</sup> См.: *Юдин А.В.* Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 11–53.

В.А. Ойгензихт отмечает, что «особое значение выбору регуляции поведения придается в ситуации неопределенности или относительной определенности, когда перед субъектом возникает несколько альтернатив, вероятность наступления которых, возможные последствия нужно определить и оценить»<sup>1</sup>. Особая роль для поддержания условий неопределенности отводится судье, которому надлежит сохранять беспристрастность на всем протяжении судебного разбирательства. Реализация принципа беспристрастности в полной мере содействует проявлению принципа состязательности сторон. В свою очередь столкновение противоположных позиций сторон обеспечивает состояние относительной определенности или неопределенности по отношению к результату рассмотрения дела.

Полагаем, что В.А. Ойгензихт неслучайно состояние относительной определенности и неопределенности относительно результата рассмотрения дела характеризует как необходимое условие для регуляции поведения.

Представляется, что для определения степени вероятности вынесения судом решения в пользу соответствующей стороны оценке подлежат следующие обстоятельства: обеспечение судом принципа беспристрастности; создание условий состязательности сторон и др. Состязательность процесса служит основополагающим принципом, сдерживающим судью от преждевременного принятия решения суда.

Уильям Бернам определяет принцип состязательности через «равенство судебного инструментария сторон» (equality of forensic arms). Он высказывается в пользу изъятия у судьи функции расследования фактов по делу и передачи ее сторонам процесса<sup>2</sup>. Роль судьи сводится к наблюдению за действиями сторон по представлению доказательств в обоснование своих позиций, но при условии, что установление обстоятельств по делу происходит непосредственно в судебном заседании и в присутствии всех участников процесса.

---

<sup>1</sup> Ойгензихт В.А. Воля и риск // Правоведение. 1984. № 4. С. 41.

<sup>2</sup> См.: Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 169–171.

Так, с высокой степенью вероятности можно ожидать явку участника процесса в суд, если в уведомлении будет указана информация об обстоятельствах, которые требуется установить в судебном заседании, роли, которая отводится участнику процесса по представлению доказательств, имеющихся у стороны, предупреждение о последствиях удержания доказательств.

Такие элементы, как концентрированность, непосредственность и обязательность, обеспечивают столкновение противоположных позиций.

В качестве примера обеспечения судом названных элементов для столкновения противоположных позиций предлагается обратиться к фабуле гражданского дела по иску К. к обществу с ограниченной ответственностью «С.-К.» об истребовании трудовой книжки, изменении формулировки увольнения, взыскании невыплаченной заработной платы, компенсации за неиспользованный отпуск и моральный вред<sup>1</sup>. Свои требования истец мотивировал тем, что с 2007 г. по 2014 г. он непрерывно работал в организации в должности маляра, своевременно и качественно выполнял свою работу, но работодатель выплату заработной платы периодически задерживал. Работник после очередного нарушения его трудовых прав направил работодателю заявление об увольнении по собственному желанию, но работодатель уволил его за прогул. С такой формулировкой К. не согласился и обратился в суд.

Ответчик представил суду возражения на иск и указал, что работодатель процедуру увольнения не нарушил, трудовую книжку работника своевременно отправил по почте, выплату заработной платы произвел своевременно. В свою очередь истец подтвердил получение заказной корреспонденции, но трудовая книжка в ней отсутствовала. После ознакомления с письменными доказательствами ему стало известно о наличии приказов о приеме и увольнении, изданных в разные годы его трудовой деятельности и свидетельствующие о временном характере его работы. Он сослался на подложность доказательств, поскольку их не подписывал. Для проверки позиции

---

<sup>1</sup> См.: Дело 2-1420/14 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

истца по делу была назначена судебная экспертиза. Эксперт пришел к выводу о том, что подпись от имени К. в приказе о приеме на работу от 2 июля 2012 г., вероятно, выполнена К., но установить принадлежность подписи истца в трудовом договоре от 2 июля 2012 г. не представилось возможным по причине отсутствия совокупности признаков, достаточных для идентификации исполнителя. Документ в месте расположения начальной части подписи поврежден. Между тем в трудовом договоре от 1 ноября 2013 г. подпись от имени К., вероятно, выполнена не К., а иным лицом.

Подробное описание обстоятельств спора и результатов экспертизы потребовалось для иллюстрации возникновения условий неопределенности после ознакомления с заключением судебного эксперта. Если предположить, что истец действительно работал в организации непрерывно с 2007 г., то оказывается сомнительным то обстоятельство, что в приказе о приеме, датированном 2012 г., эксперт установил подпись истца, но не усмотрел их в трудовом договоре от того же числа; с другой стороны, если принять экспертное заключение в качестве обоснования позиции работодателя, а, значит, согласиться с тем, что работник осуществлял свою деятельность по срочному трудовому договору, то в удовлетворении требования истца следовало бы отказать по основанию пропуска срока, предусмотренного для защиты нарушенного права.

Суд обеспечил явку сторон процесса, их представителей, судебного эксперта и опросил каждого участника процесса. Таким образом, суду удалось организовать столкновение противоположных позиций. Оказавшись в условиях неопределенности по отношению к результату рассмотрения дела, стороны сделали выбор в пользу урегулирования спора в процедуре медиации. Медиаторы смогли в течение четырех дней подготовить условия медиативного соглашения. Стороны исполнили условия медиативного соглашения

добровольно в день его подписания<sup>1</sup>. Работодатель и работник в сложившейся ситуации с помощью медиации избежали неблагоприятных последствий рассмотрения спора по правилам ГПК РФ.

А.А. Арямов указывает, что риск в качестве юридической категории характеризуется как сознательно волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата с неоднозначными перспективами развития, предполагающего вероятное наступление неблагоприятных последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда<sup>2</sup>.

Процедура медиации по отношению к гражданскому процессу позволяет сторонам избежать условий неопределенности или относительной определенности по отношению к результату рассмотрения спора по правилам ГПК РФ или АПК РФ, поскольку с помощью переговоров стороны берут за основу соглашения взаимовыгодные условия. Таким образом, если стороны процесса допускают несколько вариантов разрешения спора, отличных от того результата, на который рассчитывали истец и ответчик, медиацию следует рассматривать как эффективный правовой инструментарий для урегулирования спора.

Л.Н. Бокова и А.А. Рождествина отмечают, что характер спора, который допускает несколько вариантов его решения, является одним из основных признаков возможного разрешения спора в альтернативной процедуре<sup>3</sup>. В приведенном примере по материально-правовому характеру спор являлся трудовым. В отношении трудового спора названные авторы указывают на то, что оценке на возможность урегулирования спора в процедуре медиации

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: *Бондаренко В.Е.* К вопросу о «медиабельности» споров, вытекающих из трудовых правоотношений // *Правовая культура.* 2016. № 3(26). С. 131–138.

<sup>2</sup> См.: *Арямов А.А.* Общая теория риска: юридический, экономический, психологический анализ. М., 2010. С. 25.

<sup>3</sup> См.: *Бокова Л.Н., Рождествина А.А.* Медиация: практическое пособие. Саратов, 2016. С. 7.

подлежат следующие обстоятельства: наличие или отсутствие трудового договора, длительность трудовых отношений, степень трудовых разногласий<sup>1</sup>.

П.С. Барышников считает, что основной формой разрешения трудовых споров является гражданское судопроизводство, но альтернативой ему может выступать медиация, в процедуре которой может быть урегулирован индивидуально-трудовой спор<sup>2</sup>.

Напротив, весьма сложно будет организовать процедуру медиации при отсутствии хотя бы одного из элементов, характерных для столкновения противоположных позиций по делу. Кроме того, характер спора должен содержать признаки, указывающие на возможность его разрешения в процедуре медиации.

С.И. Калашникова полагает, что медиация наиболее эффективна в тех случаях, когда в ней участвуют непосредственно носители интереса<sup>3</sup>.

О.А. Толкачева отмечает необходимость выяснения истинных интересов и целей конфликтующих сторон применительно к избранному альтернативному способу разрешения правовых споров<sup>4</sup>. Заметим, что истинные интересы и цели сторон конфликта должны совпадать с предметом спора и избранным способом защиты.

В качестве примера предлагается обратиться к нижеприведенной фабуле гражданского дела.

Истцы обратились с исками к работодателю об установлении факта трудовых отношений. В обоснование требований они сослались на трудовые отношения, сложившиеся с работодателем после фактического допуска к выполнению трудовых обязанностей. 25 декабря 2015 г. истец при работе с ап-

---

<sup>1</sup> См.: Там же. С. 7.

<sup>2</sup> См.: *Барышников П.С.* Гражданское судопроизводство по трудовым спорам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

<sup>3</sup> См.: *Калашникова С.И.* Применение медиации при урегулировании коммерческих споров // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 129.

<sup>4</sup> См.: *Толкачева О.А.* Понятие медиабельности спора // Уральский судебный вестник. 2014. № 2(40). С. 16–17.

паратом для отсадки теста повредил руку. В качестве доказательства осуществления трудовых обязанностей истец представил аудиозапись и ее содержание на бумаге, а также ходатайствовал о вызове в суд в качестве свидетелей управляющую кондитерским цехом и других работников. Работодатель в суд не явился, не обеспечил явку в суд свидетелей и уклонился от представления других доказательств по делу. Суд первой инстанции удовлетворил требования истца в связи с тем, что ответчик не представил доказательства в опровержение доводов истца. В апелляционной жалобе ответчик сослался на факт отсутствия согласия работодателя допустить работника к трудовой деятельности. Этого заявления оказалось достаточно для того, чтобы отменить решение суда первой инстанции и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований<sup>1</sup>.

Работодатели, как правило, по искам о признании факта трудовых отношений занимают пассивную позицию, полагая, что бремя доказывания обстоятельств фактического осуществления трудовых отношений надлежит доказать истцам. Зная об отсутствии у работников трудового договора и приказа о приеме на работу, работодатель рассчитывает на отрицательный для истцов результат разрешения дела. Не усматривая для себя риска наступления неблагоприятных правовых последствий, работодатель не заинтересован в урегулировании трудового спора в альтернативных процедурах, включая медиацию.

Заметим, если сторона конфликта предпочла обратиться в суд, то, как правило, она уже фактически прекратила трудовые отношения с работодателем, работник не заинтересован в поддержании конструктивного диалога, ему зачастую нужно привлечь внимание общественности к спору, чтобы склонить работодателя удовлетворить требования.

---

<sup>1</sup> См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 6 октября 2016 г. № 33-6119. URL: [http://sudact.ru/regular/doc/hUxZBjVpWuge/?regulartxt=%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85&regular-case\\_doc=33-6119%2F16&regular-lawch](http://sudact.ru/regular/doc/hUxZBjVpWuge/?regulartxt=%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85&regular-case_doc=33-6119%2F16&regular-lawch) (дата обращения: 06.07.2018).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что иницилирующая роль суда, побуждающая сторон обратиться к процедуре медиации, выражается в том, чтобы обеспечить условия столкновения противоположных позиций сторон и тем самым достичь ситуации относительной определенности, когда перед субъектом возникает несколько альтернатив разрешения спора.

Между тем полагаем, что для перехода от условий относительной определенности к условиям неопределенности касательно перспективы рассмотрения спора помимо вышеперечисленных элементов суду потребуются применить отдельные положения ГПК РФ, АПК РФ и иных федеральных законов, чтобы и далее поддержать столкновение противоположных точек зрения по делу.

На наш взгляд, возникновение у сторон мотивации к урегулированию спора в процедуре медиации напрямую зависит от активной роли суда, в производстве которого находится гражданское дело. Подготовленный судья способен правильно оценить складывающиеся в ходе судебного разбирательства обстоятельства и создать условия, наиболее подходящие к иницированию возможности урегулирования спора в процедуре медиации.

Н.И. Минкина справедливо отмечает, что основным субъектом, которому надлежит провести оценку правового спора на предмет применимости к нему медиации, должен являться судья, которому следует учесть сопутствующие такой деятельности факторы — объективный (категория правового спора) и субъективный (желание сторон обратиться к медиатору)<sup>1</sup>.

При подаче иска в суд истец, как уже было указано, априори не заинтересован в урегулировании спора с помощью альтернативной процедуры, учитывая, что он уже сделал выбор в пользу суда, которому надлежит разрешить спор по правилам ГПК РФ или АПК РФ.

Вероятно, такой выбор обусловлен наличием в распоряжении истца необходимых доказательств, которые, по его мнению, позволяют прогнози-

---

<sup>1</sup> См.: *Минкина Н.И.* К вопросу о применении медиации и медиабельности споров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4. С. 122–123.

вать положительную перспективу разрешения дела. В таком случае искать пути компромисса, а тем более обращаться к медиатору и оплачивать ему гонорар истец вряд ли захочет.

Ответчик, осведомленный об отрицательном отношении истца к урегулированию спора, постарается представить иные доказательства в опровержение позиции истца. В этом случае наблюдается противостояние сторон по существу спора.

Увеличение количества доказательств, представленных сторонами по отношению к доказательствам, приложенным к исковому заявлению, может как усугубить это противостояние, так, напротив, его нивелировать.

Нередко судам приходится назначать экспертизы по вопросам, требующим специальных знаний. При обсуждении данных вопросов целесообразно их сформулировать таким образом, чтобы создать ситуацию неопределенности по отношению к перспективе рассмотрения спора. Судья вправе предоставить стороне дополнительное время для ознакомления с вопросами противоположной стороны. Другая сторона предложит собственные вопросы, совокупность которых повлияет на перспективу вынесения решения в пользу истца или ответчика.

Согласно ч. 2 ст. 79 ГПК РФ каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать. Схожие положения содержатся в ст. 82 АПК РФ.

Анализ гражданских дел в части назначения судебных экспертиз свидетельствует о том, что суды редко используют предоставленную ГПК РФ

возможность формулировать по собственному усмотрению окончательный перечень вопросов<sup>1</sup>.

В качестве примера можно привести фабулу гражданского дела<sup>2</sup>. Истец обратился в суд с иском, полагая, что некомпетентность врачей частной клиники явилась причиной ухудшения состояния ее здоровья.

С целью повышения достаточности доказательственной базы в обоснование заявленных требований представитель истца представил суду следующие вопросы для судебного эксперта: правильно ли выбрана специалистами клиники методика диагностики и лечения; правильно ли поставлен диагноз; нарушены ли стандарты оказания медицинской помощи; имеется ли причинная связь между недостатками в оказанных медицинских услугах? Обращает на себя внимание то обстоятельство, что характер поставленных вопросов напрямую отражает негативное отношение истца к клинике, персонал которой не оказал квалифицированную медицинскую помощь.

Ответчик представил собственные вопросы: соответствовала ли симптоматика на момент обращения пациентки диагнозу, установленному позднее в другом лечебном учреждении; была ли возможность оказать пациенту соответствующую помощь в амбулаторных условиях?

Суд полагал, что ответы на поставленные сторонами вопросы не в полной мере способствуют выяснению всех обстоятельств по делу, в связи с чем им были сформулированы дополнительные вопросы: имеется ли причинная связь между несвоевременным направлением пациента в стационар и наступившими последствиями; насколько отличается объем оперативного вмешательства при плановой госпитализации от выполненной пациентке операции в экстренном порядке? Такой подход при назначении экспертизы способен изменить представление сторон о перспективе разрешения спора.

---

<sup>1</sup> См.: Гражданские дела 2-1096/19, 2-923/19, 2-825/19 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

<sup>2</sup> См.: Гражданское дело 2-2151/18 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

С.Ж. Соловых справедливо отмечает, что признание факта существования процессуального риска позволяет воздействовать на него путем изучения его свойств, что в последующем уменьшает степень неопределенности, которая сопутствует процессуальной активности<sup>1</sup>. Полагаем, что процедура назначения экспертизы, реализуемая на стадии рассмотрения дела по существу, является вполне подходящим моментом для мотивации сторон к урегулированию спора в процедуре медиации.

Адвокат также под влиянием возникшей ситуации может способствовать примирению и достижению сторонами соглашения в процедуре медиации<sup>2</sup>. Между тем адвокат, представляющий одну сторону, не может являться медиатором. А.М. Панасюк справедливо отмечает, что адвокат-медиатор не вправе одновременно совмещать медиацию с деятельностью по оказанию юридических услуг одной из сторон спора или третьему лицу с противоположными интересами. Адвокат, выступающий представителем стороны гражданского судопроизводства, действует в интересах одной стороны и независимо от меняющейся ситуации по ходу судебного разбирательства не сможет принять участие в качестве посредника, но может быть инициатором урегулирования спора в процедуре медиации с привлечением независимого переговорщика<sup>3</sup>. Учитывая иницирующую роль суда, а впоследствии представителей сторон, вероятно, что стороны предпочтут процедуру медиации для урегулирования спора.

Если стороны не пожелали обратиться к медиатору до направления определения о назначении экспертизы в экспертное учреждение, то в последующем вряд ли им удастся урегулировать спор.

---

<sup>1</sup> См.: Соловых С.Ж. Риск как процессуальная категория // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (22 мая 2015 г., г.Санкт-Петербург) / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г., Сварчевского. СПб., 2015. С. 22–24.

<sup>2</sup> См.: Адвокат: навыки профессионального мастерства: учебно-практическое пособие / под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М., 2008. С. 380.

<sup>3</sup> См.: Панасюк А.М. Адвокатская деятельность в качестве медиатора: актуальные вопросы правового регулирования // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 53–55.

После ознакомления с заключением эксперта и сопоставления его с другими доказательствами стороны получают возможность определить степень вероятности вынесения судом решения в их пользу. Это означает изменение ситуации, при которой неопределенность переходит в состояние предсказуемости относительно перспективы удовлетворения исковых требований для истца и, напротив, об отказе в удовлетворении исковых требований для ответчика. Кроме того, после представления суду заключения судебного эксперта судебные издержки увеличиваются на размер стоимости экспертизы. А ведь именно экономическое стимулирование С.К. Загайнова справедливо называет способствующими в первую очередь успехам российской медиации<sup>1</sup>.

Представляется, что по мере увеличения судебных издержек, уменьшается степень возможности последующего переговорного процесса с участием медиатора. Оба фактора (увеличение судебных издержек и возможность оценить степень успеха) сдерживают применение медиации.

Заметим, что порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется, помимо ГПК РФ, иными федеральными законами. Такие нормы можно встретить в Семейном кодексе РФ (далее — СК РФ)<sup>2</sup>. Например, наиболее часто в судах общей юрисдикции рассматриваются споры о разделе совместно нажитого имущества, определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, порядка общения с ребенком. В юридической литературе можно встретить позиции, указывающие на отсутствие законных оснований для урегулирования споров в процедуре медиации, если в конфликт вовлечены дети. На наш взгляд, участие детей в таких спорах не следует отождествлять с третьими лицами, на-

---

<sup>1</sup> См.: Загайнова С.К. Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., г. Санкт-Петербург). Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб., 2019. С. 71–74.

<sup>2</sup> См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 янв.

личие которых в силу Закона о медиации препятствует разрешению спора в процедуре медиации.

О.И. Величкова, С.С. Сафронова, О.Ю. Ситникова справедливо полагают, что дети не могут являться третьими лицами, поскольку отношения возникают между ребенком и его родителями, и они находятся за пределами понятия «третьи лица», сформулированного в ГПК РФ<sup>1</sup>. Существует позиция, согласно которой правоспособность ребенка поглощается правоспособностью его родителей, которые, находясь в состоянии конфликта, исходят не столько из интересов ребенка, сколько из своих собственных<sup>2</sup>.

Очевидно, что споры, связанные с воспитанием детей, целесообразно урегулировать в процедуре медиации. Между тем условия организации и проведения медиации до обращения в суд и после возбуждения гражданского дела к производству суда различны.

Допускается урегулирование семейного конфликта между родителями без участия ребенка, если сама процедура инициирована до обращения в суд. Досудебная медиация является менее психотравмирующим фактором для детей, следовательно, родители должны быть заинтересованы в урегулировании конфликта до его перехода в категорию правового спора, то есть до поступления искового заявления в суд.

Заметим, что при переходе конфликта в стадию правового спора у суда возникает обязанность заслушать мнение ребенка в возрасте от 10 лет и старше. К сожалению, родители редко используют возможность урегулировать спор в досудебном порядке, полагаясь на суд, который, по их мнению, должен разрешить их семейные проблемы. Они не проявляют должной осмотрительности, не учитывают процессуальные и иные, в частности психо-

---

<sup>1</sup> См.: Величкова О.И. Медиация при разрешении семейных споров: некоторые теоретические проблемы // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 216.

<sup>2</sup> См.: Сафронова С.С. Право ребенка на общение с родителями: значение семейной медиации // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 230.

логические, риски, подобно тем, которые влекут участие ребенка в судебном разбирательстве, чья психика еще находится в стадии становления, не учитывают изменчивость обстоятельств во времени.

Представляется правильным учитывать дополнительные процессуальные гарантии, установленные СК РФ для детей, достигших возраста 10 лет при урегулировании спора в процедуре судебной медиации, и принимать во внимание то обстоятельство, что согласно ст. 57 СК РФ лицо, достигшее возраста 10 лет, вправе выражать в суде свое мнение по вопросам, затрагивающим его права.

В качестве примера предлагаем обратиться к обстоятельствам гражданского дела<sup>1</sup> по иску отца об установлении порядка общения с ребенком. После расторжения брака родителей ребенок остался проживать с матерью. Отец (истец) длительное время не видел ребенка. Последняя их встреча состоялась, когда ребенку исполнилось 12 лет. На просьбу сына купить телефон отец ответил отказом. Спустя 4 года отец хотел возобновить общение, но сын отказался от этого, после чего отец обратился в суд с требованием об установлении порядка общения с ребенком. Суд выслушал мнение юноши и пришел к выводу об отказе истцу в удовлетворении его искового требования, поскольку не установил нарушение прав заявителя со стороны ответчика. В основу решения суд заложил позицию ребенка, который более не нуждался в общении с отцом.

Л.Н. Бардин справедливо отмечает, что традиционный способ разрешения споров — обращение в государственный суд — не всегда гарантирует успех, даже если на первый взгляд справедливость и закон на стороне истца. Зачастую найти взаимоприемлемый выход без победителей и побежденных, сэкономить время, силы помогает внесудебное решение правового спора<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Гражданское дело 2-1782/16 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

<sup>2</sup> См.: Бардин Л.Н. Минимизация рисков и внесудебное разрешение конфликтов в предпринимательской деятельности // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 62–64.

В качестве примера обратимся к гражданскому делу № 2-3219/16<sup>1</sup>. Отец обратился в суд с иском об установлении порядка общения с ребенком. Истец отказался участвовать в процедуре медиации, несмотря на желание другой стороны урегулировать спор с помощью посредника. Суд с учетом выводов судебной экспертизы (малолетний ребенок в возрасте трех лет являлся подэкспертным лицом), состояния здоровья ребенка определил порядок общения отца с ребенком, который по своему содержанию отличался от предложенного истцом варианта. Решение суда было обжаловано, но апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения. Затем суд рассмотрел несколько заявлений о порядке исполнения решения суда, поскольку ответчик с ребенком переехал на постоянное место жительства в другой город, включая разъяснение способа и порядка общения в части осуществления телефонной связи, поскольку возникла разница во времени между двумя городами. Несмотря на положительный результат для заявителя в виде указания в определении суда саратовского времени, по сути оно является неисполнимым в другой его части — в личном общении отца с ребенком.

Ответы ребенка, данные им в судебном заседании, отражают характер взаимоотношений ребенка и родителей и родителей между собой. Чаще всего ответы ребенка являются спонтанными и от этого непредсказуемыми. В связи с этим может возникнуть ситуация неопределенности в перспективе благоприятного результата для стороны.

На наш взгляд, суд имеет возможность мотивировать стороны урегулировать спор в процедуре медиации путем разъяснения сторонам последствий участия ребенка в споре.

---

<sup>1</sup> См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 13 сентября 2016 г. № 33-6893 // Архив Кировского районного суда г. Саратова, дело № 2-3219/16.

О.В. Величкова справедливо отмечает, что по спорам об определении места жительства ребенка заинтересованный родитель стремится создать негативный образ другого родителя, в том числе путем запугивания или подкупа<sup>1</sup>.

В целях недопущения возникновения в отношении ребенка психотравмирующей ситуации А.В. Чекмарева полагает целесообразным привлекать для организации процедуры медиации специально подготовленных переговорщиков в области педагогики, детской психологии<sup>2</sup>.

Заметим, что подписание медиативного соглашения способствует урегулированию спора по справедливости, поэтому такие соглашения, как правило, исполняются добровольно<sup>3</sup>.

Г.Н. Комкова отмечает, что «справедливость предполагает не сопоставление социального положения индивидов при распределении благ между ними, а предоставление каждому из них, взятого в отдельности, того, что он заслужил»<sup>4</sup>.

Мотивация сторон обратиться к урегулированию спора в процедуре арбитража, как правило, обусловлена оценкой доказательств, указывающих на вероятностное наступление неблагоприятных последствий в случае если, разрешение спора завершится по правилам ГПК РФ. Для определения процессуального риска следует руководствоваться правилами оценки доказательств, предусмотренных ГПК РФ.

---

<sup>1</sup> См.: *Величкова О.И.* Современные реалии рассмотрения споров о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей: сборник статей / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. СПб., 2015. С. 34–37.

<sup>2</sup> См.: *Чекмарева А.В.* Примирение сторон на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в целях защиты семейных правоотношений // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (22 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург) / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. СПб., 2015. С. 161–162.

<sup>3</sup> См.: *Веркерк Р.* Влияние справедливости процедуры разрешения спора на исполнение решений // Исполнительное производство: традиции и реформы; правоприменение / пер. с англ.; под ред. Р. Ван Рее [и др.]. М., 2011. С. 297–298.

<sup>4</sup> *Комкова Г.Н.* Равенство и справедливость как феномены правовой культуры россиян // Правовая культура: ценности классической науки, образования и искусства. Саратов, 2010. С. 279.

Письменное доказательство, полученное в иностранном государстве, признается таковым в суде, если не опровергается его подлинность и он легализован в установленном порядке. Поверхностная оценка доказательств лишает сторону своевременно оценить вероятность наступления неблагоприятных последствий относительно перспективы рассмотрения спора.

В качестве примера предлагаем обратиться к обстоятельствам гражданского дела 2-4/18 Кировского районного суда г. Саратова<sup>1</sup>. Гражданка РФ, проживая за пределами России, поручила специалисту по недвижимости подобрать квартиры, денежные средства на их приобретение поступали периодическими платежами, в том числе путем снятия с банковской карты, которую заказчик передала исполнителю. Впоследствии возникли споры относительно стоимости услуг риэлтора и качества выполненной работы. Споры находились на разрешении двух судов, несмотря на то, что предметы споров являлись взаимосвязанными. Соответственно одно дело было приостановлено до рассмотрения другого дела. Изменив решение Ленинского районного суда г. Саратова, апелляционная инстанция указала, что представленные ксерокопии выписок с банковского счета, открытого на имя истца, содержат сведения на иностранном языке без перевода на русский язык, не заверены надлежащим образом. Более того, доказательства, подтверждающие передачу ответчику банковской карты, привязанной к данному банковскому счету, не представлены<sup>2</sup>. Другими словами, истец не подчинила фактические обстоятельства спора критериям оценки, сформулированным в ГПК РФ, и не учла, что бремя получения доказательств, необходимых для разрешения спора, лежит на сторонах, оценку процессуального риска не произвела.

После возобновления Кировским районным судом г. Саратова производства по делу сторонам было предложено внимательно ознакомиться с

---

<sup>1</sup> См.: Гражданское дело 2-4/18 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

<sup>2</sup> См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда № 33-1135/18. URL: [https://obljudsar.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=1050987&delo\\_id=5&new=5&text\\_number=1&case\\_id=688239](https://obljudsar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1050987&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=688239) (дата обращения: 23.08.2018).

апелляционным определением, с целью минимизировать риски дальнейшего судебного разбирательства по первоначальному и встречному искам, а также обращено их внимание на возможность разрешения спора путем заключения мирового соглашения. Стороны заключили мировое соглашение, определением суда производство по делу было прекращено.

Изложенные факты свидетельствуют о необходимости создания условий, направленных на мотивацию сторон урегулировать спор в процедуре медиации. Иницирующая роль в такой мотивации должна принадлежать именно суду. Нормы, содержащиеся в ГПК РФ и АПК РФ, позволяют суду мотивировать стороны явиться в суд, непосредственно в зале судебного заседания исследовать имеющиеся в деле доказательства, сформулировать дополнительные значимые обстоятельства для рассмотрения и разрешения дела и напомнить сторонам правила оценки имеющихся в деле доказательств.

Стороны, их представители после оценки доказательств смогут определить степень вероятности вынесения решения в их пользу. Если вероятность наступления неблагоприятных последствий выше вероятности ожидаемого результата при подаче искового заявления или на момент подготовки возражений на исковое заявление, то с высокой степенью вероятности стороны предпочтут урегулировать спор посредством процедуры медиации в целях минимизировать материальные потери.

Установленные обстоятельства, способствующие мотивации сторон к урегулированию спора посредством процедуры медиации, позволяют сформулировать дополненное понятие судебной медиации. Судебная медиация — это альтернативная процедура урегулирования спора, применение которой обуславливается иницирующей *ролью* судьи через процессуальный механизм столкновения противоположных позиций сторон, реализация которого способствует достижению сторонами состояния неопределенности относительно степени вероятности вынесения судом решения в их пользу.

Основная роль судьи в гражданском процессе, как известно, состоит в решении задач и достижении цели гражданского судопроизводства, обозна-

ченных в ст. 2 ГПК РФ, где о примирении сторон напрямую не говорится. Примирение сторон законодатель считает задачей лишь одной стадии процесса — подготовки дела к судебному разбирательству, о чем прямо свидетельствует ст. 148 ГПК РФ. Исходя из того, что задачей гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, работа судебной системы признается эффективной, если судьи своевременно и правильно рассматривают и разрешают гражданские дела. Вместе с тем увеличение количества гражданских дел, поступающих в суды, усложняет решение указанной задачи. Упрощение гражданского судопроизводства при этом далеко не всегда вызывает поддержку у ученых-правоведов и практиков, часто подвергаясь критике<sup>1</sup>.

Развитые страны реформируют действующие процессуальные механизмы, чтобы сделать судебное разбирательство более эффективным<sup>2</sup>. Главная целевая установка реформирования действующего процессуального законодательства должна быть напрямую связана с идеей обеспечить каждому возможность защитить свои права в суде.

Между тем В.О. Аболонин справедливо отмечает, что всеобъемлющий доступ к правосудию и его эффективность зачастую оказываются плохо совместимыми элементами. Чем шире открываются двери в суд и чем больше дел туда поступает, тем меньше дел можно разрешить по всем предписанным законом правилам с соблюдением установленной процессуальной формы и в требуемые сроки. В этом заключается парадокс современного гражданского

---

<sup>1</sup> В качестве таковой следует привести уже достаточно известную (судя по ее распространению процессуалистами) цитату из выступлений А.Т. Боннера, который относительно направленности законопроекта, позднее ставшего Федеральным законом от 28 ноября 2018 г., сказал следующее: «Направлен исключительно на то, чтобы облегчить и в самом деле не слишком легкую жизнь приблизительно 30 000 действующих в России судей», «об интересах более чем 146 миллионов граждан Российской Федерации, очевидно, никто подумать не хотел» (Туманов Д.А. и др. Законопроект: оптимизация судопроизводства или отказ от правосудия? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 66–67).

<sup>2</sup> См.: Люпой М.А. О недавних изменениях в гражданском процессуальном праве Италии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 11. С. 36.

процесса, который выражается простой формулой «Чем больше доступ для всех, тем меньше он для каждого»<sup>1</sup>.

В сложившейся ситуации законодатель продолжает предпринимать различные попытки оптимизации действующих институтов процессуального права. В рамках процессов оптимизации усиливается интерес к альтернативному разрешению споров и внедрению его отдельных элементов в традиционное судебное разбирательство, которое рассматривается в качестве обязательной составляющей движения доступа к правосудию, а также активно заимствуются различные процессуальные конструкции из права других стран, благодаря чему происходит процесс сближения правовых систем<sup>2</sup>.

Белорусский ученый О.Н. Здрок допускает применение медиации не только параллельно с судебной системой, но и внутри ее самой как альтернативы полномасштабному гражданскому и арбитражному процессу<sup>3</sup>. Между тем О.В. Исаенкова справедливо отмечает, что закрепление в национальном праве идей общечеловеческого характера, заимствованных из зарубежной теории и практики, требуют осмысления с позиции российского менталитета, современного состояния гражданского общества<sup>4</sup>.

Процедура медиации является актуальным способом урегулирования спора, но она используется обществом, как уже отмечалось, не в полной мере. Сложившаяся практика проведения реформ исключительно "сверху", слабость институтов гражданского общества, отсутствие системной финансовой поддержки этих инноваций и упомянутых нами ранее экономических стиму-

---

<sup>1</sup> Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. Кн. 6. М., 2014. С. 48.

<sup>2</sup> См.: Малешин Д.Я. О системах гражданского процесса: Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 55.

<sup>3</sup> См.: Здрок О.Н. Примириительные процедуры в гражданском судопроизводстве: понятие, классификация, тенденции развития (на примере Республики Беларусь) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 183.

<sup>4</sup> См.: Исаенкова О.В. Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права // *Matters of Russian and International Law*. 2013. № 3. С. 83–89.

лов, разработанных, в частности С.К. Загайновой, замедляют ее становление и развитие<sup>1</sup>.

Имеющиеся в судебной практике случаи обращения сторон к процедуре медиации чаще всего являются целенаправленным результатом инициативы судей.

Несмотря на то, что стороны правового спора после оценки доказательств и определения перспективы разрешения спора делают осознанный выбор в пользу урегулирования спора в процедуре медиации, нами не в коей мере не отрицается ключевая роль медиатора в достижении сторонами медиативного соглашения. В возникшей ситуации инициативная роль суда в мотивации сторон урегулировать спор в альтернативной процедуре переходит к медиатору, которому следует проявить свои профессиональные навыки и подготовить стороны к заключению медиативного соглашения. При этом медиатор сохраняет за сторонами спора всю полноту влияния на процесс выработки и принятия решения по спору, а также на содержание этого решения.

Медиатор, который приглашается в суд для урегулирования спора, должен обладать знаниями о научных методах анализа конфликта и на его основе определить приемы и техники; знать правила юридического доказывания обстоятельств; уметь прогнозировать последствия переговорного процесса.

Эффективность переговорного процесса с участием медиатора во многом определяется наличием у него полезной информации, то есть такой информации, которая позволяет сторонам из нескольких вариантов урегулирования спора выбрать наиболее успешный.

---

<sup>1</sup> См.: *Загайнова С.К.* Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам // *Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., г. Санкт-Петербург).* Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очерedyко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. СПб., 2019. С. 73–74.

На наш взгляд, качественную информацию медиатор может получить после ознакомления с материалами дела. Между тем действующее правовое регулирование не наделяет медиатора правом на ознакомление с делом, находящимся в производстве суда. Поэтому представляется правильным предоставить медиатору право на ознакомление с материалами дела после того, как стороны процесса подпишут соглашение о проведении процедуры медиации. В этом случае право медиатора является производным от права самих сторон знакомиться с материалами гражданского дела, установленного ст. 39 ГПК РФ.

Руководствуясь принципом диспозитивности, стороны вправе по собственному усмотрению организовывать и осуществлять защиту своих прав и интересов, используя не запрещенные законом процессуальные средства и способы защиты<sup>1</sup>, в том числе медиацию. В то же время отсутствие прямого указания в законе процессуального положения медиатора не должно служить основанием к отказу в реализации права на ознакомление с материалами дела.

В.О. Аболонин отмечает, что если медиация проводится в рамках интегрированной модели, то судебный медиатор может получить общее представление о споре не только непосредственно от его сторон, но и из переданных ему материалов дела<sup>2</sup>. Такая позиция, с нашей точки зрения, является обоснованной, но оговоримся, что только в том случае, если под интегрированной моделью медиации, о которой упоминает В.О. Аболонин, понимать процедуру, альтернативную гражданскому и арбитражному процессу.

Условие о проведении медиации следует указывать в соглашении о проведении процедуры медиации, в том числе оговорку о наделении медиатора правом на ознакомление с материалами дела, находящегося в производстве суда.

---

<sup>1</sup> См.: Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 389.

<sup>2</sup> См.: Аболонин В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М., 2014. С. 208.

Стороны могут наделить медиатора правом на ознакомление с материалами дела в судебном заседании. В этом случае позиция сторон отражается в протоколе судебного заседания. Подобный механизм используется при наделении процессуального представителя соответствующими полномочиями<sup>1</sup>.

Безусловно, медиатор, который допускается с согласия сторон в судебное заседание, должен понимать собственную роль в урегулировании конфликта, использовать подходящие медиативные техники и соблюдать базовые принципы, положенные в основу медиации.

Безусловно, стороны, которые сделали осознанный выбор в пользу урегулирования спора в процедуре судебной медиации, смогут подписать медиативное соглашение. Вместе с тем действующее правовое регулирование не в полной мере позволяет сторонам реализовать диспозитивные начала при определении условий заключения медиативного соглашения, достигнутого в процедуре судебной медиации.

При выборе вариантов урегулирования спора стороны действуют исходя из предмета заявленных исков, а наиболее удобный для них вариант может выходить за пределы заявленных требований. Такое положение объясняется тем, что в процедуре медиации стороны стремятся урегулировать спор исходя из существа самого конфликта, а не только одного из его фрагментов, проявившегося в результате усугубления противостояния сторон.

С.К. Загайнова справедливо отмечает, что для развития практической медиации в России следует проработать конструкции, регулирующие механизмы взаимодействия результатов примирительной процедуры (медиации) и судебного процесса. Медиативные соглашения в некоторых случаях не охватываются процессуальной конструкцией мирового соглашения, поскольку

---

<sup>1</sup> См.: *Ракитина Л.Н.* Прекращение доверенности путем отмены выдавшим ее лицом // *Нотариус*. 2015. № 8. С. 39–43.

выходят за рамки предмета и основания иска, а зачастую, и за рамки подведомственности спора <sup>1</sup>.

О.Н. Шеменева указывает на то обстоятельство, что медиативное соглашение значительно шире по сфере своего действия, правовой природе и по отраслевой принадлежности регулируемых им отношений, следовательно, суд не вправе утверждать такое медиативное соглашение по правилам, предусмотренным АПК РФ и ГПК РФ для утверждения мировых соглашений <sup>2</sup>.

Например, согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям. Выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами. По заявленным требованиям суд может и утвердить мировое соглашение.

Верховный Суд признал практику нижестоящих судов, которые привлекали для урегулирования споров медиаторов, а результат процедуры утверждали по правилам, предусмотренным для утверждения мировых соглашений, положительной <sup>3</sup>.

Согласно ст. 39 ГПК РФ суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц. Однако если рассматривать судебную медиацию как особый вид переговоров сторон с участием нейтрального посредника и при этом стороны предусмотрели условия урегулирования спора, выходящие за пределы заявленных тре-

---

<sup>1</sup> См.: Загайнова С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. Кн. 4. С. 14–24.

<sup>2</sup> См.: Шеменева О.Н. Расширение диспозитивных полномочий сторон в гражданском и арбитражном процессе в связи с развитием медиации // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 129.

<sup>3</sup> См.: Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

бований, но не нарушающие права и законные интересы других лиц, то о нарушениях норм закона речи не идет.

Согласно Закону о медиации медиативное соглашение — соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме (ст. 2). Каких-либо ограничений касательно условий медиативного соглашения специальный закон не содержит.

Выбор сторон в пользу судебной медиации во многом определен возможностью урегулировать спор с иным результатом по отношению к результату, который достигается через судебное разбирательство (полное или частичное удовлетворение исковых требований либо отказ в их удовлетворении). Кроме того, представляется целесообразным при урегулировании спора руководствоваться не только законом, действующим на момент возникновения конфликта или на момент поступления иска в суд и далее к медиатору, но и учитывать правовое регулирование в историческом развитии, в конкретной сфере отношений.

В качестве примера предлагается обратиться к нескольким фактам гражданских дел о разделе имущества супругов, рассмотренных Кировским районным судом г. Саратова в разные периоды времени<sup>1</sup>.

Материально-правовым основанием по таким делам служит несколько норм СК РФ, а именно: согласно ст. 34 имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью; при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами согласно ст. 39 СК РФ; имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов) является его собственностью (ст. 36 СК РФ).

---

<sup>1</sup> См.: Гражданское дело 2-1780/17; 2-644/19 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

Обязательным обстоятельством, которое требуется установить в судебном заседании для надлежащего рассмотрения и разрешения дела, является дата регистрации брака в органах Загса. Если имущество было приобретено до момента регистрации брака, то в удовлетворении исковых требований о разделе такого имущества суды отказывают.

В первом случае истец обратился в суд с иском к ответчику и просил признать за ним право собственности на  $\frac{1}{2}$  доли в квартире. Указанная квартира была приобретена на имя ответчика с использованием кредитных средств несколькими днями ранее, чем состоялась регистрация брака. На момент ее приобретения квартира нуждалась в ремонте. Договор подряда на выполнение ремонтных работ был подписан до регистрации брака. В период брака оплачена стоимость выполненных работ, которая, по мнению истца, значительно увеличивает стоимость этого имущества. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, поскольку указанное имущество было приобретено до регистрации брака и не доказано, что истец за счет собственных средств произвел значительные вложения в квартиру, увеличивающие ее рыночную стоимость.

Таким образом, законодательно установленная норма, определяющая режим совместной собственности супругов с момента регистрации брака (ст. 34 СК РФ), препятствует одному из супругов в признании его собственником на  $\frac{1}{2}$  доли в имуществе, если имущество было приобретено до регистрации брака, а стоимость вложений в эту квартиру не является значительной.

Полагаем, что в указанной ситуации истец имел возможность предвидеть результат рассмотрения дела, но не предпринял иных мер, направленных на урегулирование спора, в том числе с помощью процедуры медиации.

Медиатор имеет возможность поставить на разрешение сторонам иные обстоятельства, отличные от обстоятельств, которые устанавливает суд, в частности: совместное проживание мужчины и женщины до регистрации брака в одном жилом помещении, личные отношения между ними, указывающие на определенную степень доверия и позволяющие обсуждать вопросы буду-

щего устройства семьи, в том числе приобретение квартиры. Исходя из факта приведенного гражданского дела, супруги в период брака за счет совместных средств исполняли обязательства перед кредитным учреждением, за счет средств которого ответчик за несколько дней до заключения брака приобрел квартиру.

В юридической литературе можно встретить суждения представителей науки и практиков относительно законодательного ограничения понятия «совместное имущество супругов» периодом с момента регистрации брака и его прекращением<sup>1</sup>.

Заметим, что высказанная представителями науки и практики точка зрения, возможно, основана на историческом подходе к разрешению подобной категории дел. Так, Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР (далее — КоБС РСФСР) 1926 г.<sup>2</sup> позволял признавать совместным имущество супругов независимо от регистрации брака. В случае отсутствия регистрации брака суду надлежало устанавливать фактические брачные отношения. Имущество, приобретенное во время нахождения в фактических брачных отношениях<sup>3</sup>, являлось совместной собственностью лиц, состоящих в этих отношениях.

Таким образом, в период с 1926 г. по 1944 г. за лицами, фактически состоявшими в брачных отношениях, не зарегистрированных в органах ЗАГС, признавались все имущественные права, принадлежащие законным супругам.

---

<sup>1</sup> См.: *Левушкин А.Н.* История возникновения и развития института брачного договора в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 5. С. 34.

<sup>2</sup> См.: Ведомости ВЦИК. 1926. 19 нояб.

<sup>3</sup> Для признания фактических брачных отношений судам необходимо было установить следующие обстоятельства: совместное проживание, то есть проживание в одном жилом помещении; личные отношения между мужчиной и женщиной, что свидетельствовало, в частности, об определенной степени доверия в части распоряжения имуществом; пользование, владение и распоряжение большей частью имущества (исключая недвижимость и иные ценные вещи) по взаимному согласию; пользование, владение и распоряжение большей частью имущества в интересах обоих лиц, ведущих совместное хозяйство.

Признание за лицами, состоявшими в фактических брачных отношениях, осуществлялось в соответствии с ст. 10–12 КоБС РСФСР 1926 г.: «Если эти лица взаимно признают друг друга супругами, или же если брачные отношения между ними установлены судом по признакам фактической обстановки жизни».

В дальнейшем в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания „Мать-героиня” и учреждении ордена „Материнская слава” и медали „Медаль материнства”»<sup>1</sup> фактические брачные отношения утратили правовую защиту, поскольку юридическое признание получили только браки, зарегистрированные в установленном порядке. При этом лица, фактически состоявшие в брачных отношениях, могли оформить их путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни.

Предлагается обратиться к архивному гражданскому делу, рассмотренному в 1938 г., о разделе имущества между женщиной и мужчиной, которые совместно проживали, поддерживали личные отношения, пользовались личным имуществом по взаимному согласию, но брак в органах ЗАГС не регистрировали<sup>2</sup>. 9 августа 1938 г. истец обратился в народный суд 3-го участка Кировского района г.Саратова с иском к ответчику о разделе совместно нажитого имущества, в обосновании указав, что проживала с ответчиком и пользовалась, владела имуществом по взаимному согласию в интересах обоих лиц. Указанные лица в период фактических брачных отношений приобрели домовладение. После ухудшения отношений истец просил разделить домовладение. Решением суда от 21 марта 1939 г. исковые требования истца удовлетворены, произведен раздел домовладения по варианту, представленному экспертом-инженером.

---

<sup>1</sup> См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

<sup>2</sup> См.: Гражданское дело 2-644/19 // Архив Кировского районного суда г. Саратова.

Заметим, что раздел имущества в данном случае был произведен судом независимо от наличия регистрации брака. Изложенное свидетельствует, что современное законодательство, регулирующее порядок раздела имущества супругов, не в полной мере отвечает категории справедливости, поскольку не учитывает ситуаций в их многообразии, возникающих в личном, доверительном общении мужчины и женщины до регистрации брака.

Между тем медиатор и стороны вправе определять условия соглашения, в том числе ориентируясь на подходы, использовавшиеся при применении норм КоБС РСФСР 1926 г. Стороны при подготовке условий медиативного соглашения вправе учесть все обстоятельства, включая совместное проживание мужчины и женщины до регистрации брака в одном жилом помещении, личные отношения между ними, характер которых может свидетельствовать об определенной степени доверия, позволяющей обсуждать вопросы будущего устройства семьи.

На наш взгляд, такое медиативное соглашение, несмотря на то, что его условия шире заявленных требований, подлежит утверждению судом, если оно не нарушает права и законные интересы других лиц. После утверждения соглашения судом заинтересованная сторона вправе обратиться к принудительному исполнению. Заметим, что страны по-разному регулируют процессуальные вопросы исполнения медиативного соглашения. Заслуживает внимания модель Эквадора. В этом государстве документ о медиации (*acta de mediación*), содержащий соглашение сторон, рассматривается в качестве судебного решения, вступившего в законную силу, и приводится в исполнение на основании судебного приказа в порядке ускоренного производства. Власти страны заинтересованы в том, чтобы придать юридическую силу медиативным соглашениям, заключенным в других государствах и признанным в Эквадоре<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Гайдаенко Шер Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран) / отв. ред. Н.Г. Семилютина. М., 2016. С. 248.

Формируемые модели исполнения медиативного соглашения, как правило, базируются на Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре<sup>1</sup>.

В России сведения о принудительном исполнении медиативного соглашения в открытых источниках отсутствуют.

О.Н. Рубан отмечает, что основным преимуществом применения процедуры медиации является исполнимость медиативного соглашения его участниками добровольно. Судебная практика фактически не знает случаев предъявления исков о принудительном исполнении медиативных соглашений. Единичные обращения оканчиваются отказом от иска либо его признанием. Взаимовыгодный характер медиативного соглашения служит залогом его исполнимости и чувства удовлетворенности участников урегулированного конфликта<sup>2</sup>.

Объективно судебный медиатор должен обладать знаниями, позволяющими анализировать большой объем информации, предлагать к обсуждению варианты урегулирования спора с привязкой к историческим фактам, владеть специальными приемами коммуникации, психологии. Но, к сожалению, участие медиаторов в судебной медиации все еще является редкостью, да и правовое регулирование порядка организации именно судебной медиации в Законе о медиации отсутствует. Слабость институтов гражданского общества, отсутствие системной финансовой поддержки этих инноваций замедляют их становление и развитие.

Представляется, что судебная медиация будет востребована участниками судебного разбирательства, а сами медиаторы смогут на оплачиваемой основе оказывать услуги, если законодатель пересмотрит подходы к организации привлечения медиаторов к урегулированию споров по делам, находя-

---

<sup>1</sup> См.: A/CN.9/846/ Add. 3, p. 8. URL: [http:// www.uncitral. org/uncitral/ en/ commis- sion/working\\_groups/2Arbitration.html](http://www.uncitral.org/uncitral/en/mission/working_groups/2Arbitration.html) (дата обращения: 13.09.2018).

<sup>2</sup> См.: Рубан О.Н. Роль суда в развитии института медиации // Судья. 2018. № 8. С. 28–31.

щимся в суде, и дополнит ГПК РФ нормами, регулирующими порядок возмещения судебных издержек. Заметим, что арбитражный процесс в этом направлении более прогрессивен, так как подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ предусматривает возможность возврата половины от уплаченной за подачу искового заявления государственной пошлины при заключении мирового соглашения. Российские ученые указывают на положительный опыт Италии, где сторонам по итогам медиативного соглашения предоставляется налоговый вычет в размере пятиста евро<sup>1</sup>, что вполне заслуживает внимания российского законодателя в области налоговых правоотношений. Представляется, такой вычет должен быть для российских участников гражданского судопроизводства не фиксированным, а пропорциональным уплаченной государственной пошлине и уже понесенным по делу судебным издержкам и производиться налоговым органом на основании выписки из определения суда о заключении мирового соглашения по результатам процедуры медиации. В таком определении, помимо условий мирового соглашения, предлагается указывать все понесенные по делу сторонами судебные расходы, подтвержденные документально на момент начала процедуры медиации (а не ее окончания во избежание злоупотреблений со стороны недобросовестных участников уже налоговых правоотношений).

Источником оплаты услуг медиатора могла бы быть и часть государственной пошлины, оплаченной при подаче иска в суд, если стороны смогли урегулировать спор в процедуре судебной медиации.

Согласно нормам ГПК РФ и АПК РФ истцу при подаче иска надлежит представить квитанцию об оплате государственной пошлины, размер которой определяется на основании НК РФ и зависит от характера требования (исковое заявление: имущественного характера; исковое заявление имущественного характера, не подлежащего оценке; исковое заявление неимуществ-

---

<sup>1</sup> См.: Загайнова С.К., Чудиновская Н.А., Шереметова Г.С. Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 60.

венного характера) и цены иска. Размер цены иска определяется по правилам ст. 91 ГПК РФ и ст. 103 АПК РФ соответственно. Вместе с тем нормы процессуального законодательства не содержат положений, позволяющих определить размер вознаграждения медиатора, участвующего в процедуре медиации, начатой в рамках гражданского или арбитражного процессов.

Профессиональный медиатор предпочитает оказывать услуги на возмездной основе. В этой связи сторонам конфликта, помимо государственной пошлины, следует оплатить гонорар медиатору. Судебная практика свидетельствует о том, что стороны не желают брать на себя дополнительные расходы, помимо тех, что предусмотрены процессуальным и налоговым законодательством, тем более, что услуги медиатора, как правило, значительно превышают стоимость государственной пошлины, подлежащей оплате при обращении в суд общей юрисдикции и арбитражные суды.

В качестве примера можно привести Положение о сборах и расходах Центра примирительных процедур (медиации) при Торгово-промышленной палате Саратовской области. Стороны конфликта оплачивают регистрационный сбор 6000 руб. и медиативный сбор, размер которого зависит от характера спора и имеет минимальную и максимальную величину от 5000 руб. до 300000 руб.<sup>1</sup>

Размер государственной пошлины для подачи иска в суд общей юрисдикции по имущественным спорам составляет от 400 руб. до 60000 руб., при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера: для физических лиц — 300 руб.; для организаций — 6 000 руб.<sup>2</sup>

Заметим, что при подаче иска в суд с требованиями о восстановлении трудовых прав истец освобождается от уплаты государственной пошлины и

---

<sup>1</sup> См.: Сайт ТПП Саратовской области. URL: [www.sartpp.ru](http://www.sartpp.ru) (дата обращения: 12.08.2016).

<sup>2</sup> См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 авг.

иных сопутствующих расходов, в частности на экспертизу. Подавляющее количество споров, связанных с применением норм СК РФ, носит нематериальный характер, размер государственной пошлины при подаче иска указанной категории составляет 300 руб.

Очевидно, что стоимость услуг медиатора, оплата которого производится по условиям, утвержденным руководством общественной организации, многократно превосходит размер государственной пошлины, подлежащей оплате при подаче иска в суд.

Таким образом, родителям при обращении в государственный суд необходимо оплатить 300 руб. и дополнительное вознаграждение организации, которая обеспечивает участие посредника в переговорном процессе — 11000 руб., это минимальное значение, определяемое по правилам, установленным Торгово-промышленной палатой Саратовской области.

По нашему мнению, целесообразно производить сторонам возврат государственной пошлины пропорционально достигнутому результату в судебной медиации.

Стороны определяют в соглашении об участии в процедуре судебной медиации размер гонорара медиатора, формируемый денежными средствами самих сторон, которые подлежат зачислению на счет управления Судебного департамента в субъекте РФ (далее — управление) или арбитражный суд, и государственной пошлины (ее размер которой определяется исходя из характера спора). Основанием для зачисления государственной пошлины на депозит управления или арбитражного суда является определение суда об утверждении медиативного соглашения. Предлагается определить к выплате медиатору гонорар в следующих размерах: 100% от суммы, зачисленной на депозит учреждения, если стороны заключили медиативное соглашение и его условия исполнены добровольно и незамедлительно; 80%, если условия медиативного соглашения не были исполнены в день подписания медиативного соглашения, но стороны взяли на себя обязательства исполнить их добровольно в срок, не превышающий 30 дней. Если стороны отказались подпи-

сать медиативное соглашение, то государственная пошлина подлежит перечислению в бюджет муниципального образования, остальная сумма подлежит возврату сторонам в равных долях за вычетом 10%, подлежащих выплате медиатору.

По социально ориентированным спорам (трудовые, семейные, за исключением споров о разделе имущества супругов, лишении либо ограничении родительских прав, взыскании алиментов) оплату услуг медиатора целесообразно производить из бюджета или посредством распределения грантов социально ориентированным некоммерческим организациям, имеющим положительную репутацию в сфере урегулирования споров посредством процедуры медиации. Учет деятельности таких организаций предлагается возложить на саморегулируемые организации. О.Н. Рубан справедливо отмечает, что создание саморегулируемой организации медиаторов, выработка критериев для их аттестации, создание квалификационной комиссии медиаторов позволит гражданам убедиться в надежности процедуры медиации<sup>1</sup>.

Порядок и размер вознаграждения медиатора предлагается определить Постановлением Правительства Российской Федерации (по аналогии с порядком, предусмотренным для возмещения гонорара адвокатам за счет бюджета<sup>2</sup>) или положением о вознаграждении медиатора, утвержденным некоммерческой организацией.

Представляется целесообразным дополнить систему оценки качества работы судьи количественным показателем применения процедур медиации по делам, находящимся в производстве судьи, с заключением сторонами медиативного соглашения, допускающего процессуальное оформление результата медиации через определение об отказе истца от иска; оставлении заявления без рассмотрения; утверждении медиативного соглашения. Такие стимулирующие меры позволят мотивировать организации, обеспечивающие

---

<sup>1</sup> См.: Рубан О.Н. Указ. раб. С. 28–31.

<sup>2</sup> См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 нояб.

проведение процедуры медиации. Медиаторы смогут приобрести практический опыт. Судьи получают дополнительную мотивацию для создания подходящих условий для вовлечения медиатора в переговорный процесс, если будут понимать, что такая деятельность подлежит оценке наряду с оценкой качества их работы по рассмотрению гражданских дел для замещения вышестоящей судейской должности.

В случае принятия сторонами решения о проведении процедуры медиации суд, в производстве которого находится медиабельное дело, предварительно получив согласие сторон на участие в процедуре медиации, выносит определение. Указанное определение должно содержать данные о медиаторе, членстве его в саморегулируемой организации (или иная форма образования), выборе сторонами конкретного медиатора или организации, предоставляющей услуги медиатора, сроке, в течение которого следует провести процедуру медиации.

Стороны гражданского дела имеют право просить суд назначить проведение процедуры медиации в конкретной организации или поручить ее конкретному медиатору. В случае представления сторонами соглашения о проведении процедуры медиации с указанием конкретного медиатора суд не вправе назначить иного медиатора.

На наш взгляд, срок проведения процедуры медиации следует соотносить с тем процессуальным сроком, который указан в ч. 1 ст. 169 ГПК РФ, следовательно, процедура судебной медиации не может превышать 60 дней. Медиаторы вправе знакомиться с материалами дела (условия такого ознакомления нами уже анализировались), задавать сторонам вопросы касательно предмета спора.

Медиативное соглашение, заключенное сторонами процесса в письменной форме по результатам проведения процедуры медиации, в отношении дела, находящегося в производстве суда, утверждается судом в форме определения на согласованных условиях с прекращением производства по

делу. Повторное обращение в суд по тому же основанию, предмету и к тем же лицам не допускается.

В случае уклонения стороны медиативного соглашения от исполнения определения суда об утверждении медиативного соглашения заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение. Это выгодно отличает результат судебной медиации от несудебной.

В заключение отметим, что процедура медиации, помимо ее использования в сочетании с другими процедурами, входящими в состав альтернативной подсистемы в системе разрешения правовых споров, может эффективно применяться и в судебной подсистеме указанной системы, но при наличии концентрированности судебного разбирательства, проходящего в присутствии в судебном заседании всех участников процесса, которые занимают активную позицию в исследовании доказательств, предварительно оценивая в условиях состязательного процесса степень вероятности вынесения судом решения в их пользу, при иницилирующей роли суда в стимулировании начала данной процедуры.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В любом обществе существуют конфликты. Если их своевременно не урегулировать, то они могут трансформироваться в правовые споры. Существуют различные способы урегулирования и разрешения конфликтов и споров. В различных государствах особым образом организуются системы защиты прав, в том числе с учетом исторических аспектов, менталитета населения. Российская национальная система защиты права включает в себя процедуры, применяемые государственными судами, административными органами, некоммерческими организациями, физическими лицами. С помощью процедур, применяемых государственными судами и третейским судом, спор разрешается, а применение других процедур, например, с помощью процедуры медиации или иных примирительных процедур, спор может быть урегулирован. Однако по своей правовой природе перечисленные процедуры имеют собственные отличительные признаки. Исходя из этого, система разрешения правовых споров подверглась условному разделению на три подсистемы: судебную, административную и альтернативную. Судебная подсистема как механизм государственной защиты нарушенных или оспариваемых прав имеет большое значение в любом правовом государстве. Выполняя свою основную функцию, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Другие процедуры служат дополнительными правовыми механизмами, направленными на формирование в стране развитого гражданского общества с устойчивой системой защиты прав человека.

Административная подсистема представляет собой составную часть системы разрешения правовых споров и включает в себя процедуры, применение которых в силу закона является обязательным и предшествует обращению в государственный суд, когда одним из участников выступает государственный орган (не входящий в судебную систему) или должностное лицо.

Название альтернативной подсистемы обусловлено ее местом в системе разрешения правовых споров, поскольку применение медиации, переговоров и арбитража основано на добровольном волеизъявлении сторон в качестве альтернативы к судебным и административным процедурам.

Основными элементами альтернативной подсистемы являются медиация и арбитраж, поскольку исторически доказана их эффективность при урегулировании конфликтов и разрешении правовых споров. Между тем определены две модели, которые подходят для использования в современном обществе с учетом национального менталитета и правового регулирования.

Для формирования первой модели применялась директивная форма организации медиации, поскольку она соответствует условиям формирующегося правосознания граждан к пониманию преимуществ альтернативных процедур. Эффективность первой модели защиты нарушенного права обусловлена сочетанием двух альтернативных процедур — медиации и арбитража (*ad hoc*). Для ее применения стороны в соглашении о проведении процедуры наделяют медиатора дополнительными директивными функциями и определяют условия перехода из процедуры медиации в процедуру арбитража, поручив разрешение спора тому же посреднику. Иными словами, соглашение сторон допускает участие одного и того же лица в двух последовательных процедурах, которому надлежит в одной процедуре принять участие в качестве медиатора, а в другой процедуре — в качестве третейского суда, образованного по правилам (*ad hoc*).

Эффективность второй модели определена через последовательное применение переговоров и процедуры арбитража, администрируемого арбитражным учреждением. Системное применение обеих процедур дает сторонам возможность сначала урегулировать спор, а в случае недостижения соглашения разрешить его по существу.

Третейский суд, сформированный арбитражным учреждением, обладает большим объемом компетенции, по сравнению с третейским судом (*ad hoc*), что позволяет рассматривать все категории арбитрабельных дел, вклю-

чая корпоративные споры. Правила арбитража, определенные арбитражным учреждением, могут учитывать условия, основанные на разрешении споров, для которых законом предусмотрены специальные правила или характер споров, определяемый принадлежностью к определенному сектору промышленности. Кроме того, стороны арбитража имеют возможность получить доказательства, необходимые для разрешения спора в процедуре арбитража через взаимодействие с государственными судами. Исходя из расширенного объема компетенции третейского суда, сформированного арбитражным учреждением, стороны спора имеют возможность выбрать модель, предусматривающую использование арбитража для разрешения спора, если стороны не смогли подписать соглашение по завершении переговоров.

Процедура арбитража является важным элементом альтернативной подсистемы, поскольку ее применение осуществляется в обеих изложенных моделях и позволяет разрешить спор. Между тем для всестороннего рассмотрения спора третейский суд, сформированный арбитражным учреждением, обладает правом направить в государственный суд запрос о получении доказательств.

Содействие государственного суда третейским судам осуществляется в части назначения, отвода, прекращения полномочий арбитра, получение доказательств, обеспечения искового заявления стороны арбитража. Взаимодействие двух юрисдикций признано полезным, если процессуальный механизм получения доказательств для нужд третейского суда будет соответствовать порядку исполнения запроса по делу, возбужденному государственным судом. Действующее правовое регулирование позволяет получить документы по запросу третейского суда через государственный суд в течение одного месяца вместо пяти дней, предусмотренных для исполнения запроса суда по делу, находящемуся в его производстве. Срок рассмотрения ходатайства третейского суда о получении доказательств может быть сокращен при условии внесения изменений в ГПК РФ и АПК РФ, исключающих вызов сторон третейского разбирательства в судебное заседание.

Арбитражное учреждение, которому надлежит администрировать арбитраж, осуществляет регистрацию искового заявления до формирования третейского суда. В данном случае истец на основании ст. 139 ГПК РФ вправе обратиться в государственный суд с ходатайством об обеспечении иска. Между тем, названная норма не содержит требований к поступившему в суд от участника третейского соглашения заявлению об обеспечении иска. В связи с этим предложено законодательно определить требования к содержанию заявления об обеспечении иска с указанием следующих реквизитов: даты поступления искового заявления в арбитражное учреждение, регистрационного номера и оттиска печати арбитражного учреждения. Отсутствие реквизитов влечет возврат ходатайства заявителю.

Функции государственного суда о содействии сторонам третейского разбирательства в части назначения, отвода и прекращения полномочий третейского суда аналогичны функциям, возложенным Законом об арбитраже на комитет по назначениям арбитражного учреждения. В связи с этим предложено исключить применение указанной функции, если состав третейского суда сформирован комитетом по назначениям арбитражного учреждения. Соблюдение порядка назначения, отвода, прекращения полномочий третейского суда может быть реализовано государственным судом на стадии рассмотрения заявления стороны арбитражного учреждения об отмене постановления третейского суда предварительного характера о его компетенции.

В отличие от арбитража, использование которого допускается только в альтернативной подсистеме общей системы разрешения правовых споров, медиацию можно применять наряду с альтернативной подсистемой в судебной подсистеме указанной системы. Наиболее подходящей стадией гражданского и арбитражного процесса для использования судебной медиации определена стадия судебного разбирательства при условии наличия иницилирующей роли суда к мотивации сторон процесса урегулировать спор в процедуре медиации. Установлена необходимость создания условий концентрированности судебного разбирательства, то есть присутствия всех участников процес-

са в судебном заседании, непосредственности исследования доказательств, что обеспечивает столкновение противоположных позиций. Существует высокая вероятность обратиться к медиатору именно после оценки сторонами степени вероятности вынесения судом решения в их пользу. Таким образом, неопределенность относительно результата рассмотрения спора служит условием для мотивации сторон к урегулированию спора посредством процедуры медиации.

Организация судебной медиации требует процессуального оформления. В диссертационной работе содержатся варианты требований к форме и содержанию определения суда, на основании которого судебный медиатор может приступить к урегулированию спора в процедуре медиации по делу, находящемуся в его производстве. Расходы медиатора оплачивают стороны в равных долях или по соглашению путем зачисления на депозит Управления судебного департамента в субъекте РФ или арбитражного суда, но размер вознаграждения посредника зависит от результата процедуры. Обоснована необходимость производить возврат стороне государственной пошлины, которую он уплатил при подаче иска в суд в случае утверждения судом медиативного соглашения. Другим способом финансового стимулирования медиативного урегулирования спора видится установленный налоговым законодательством, рассчитанный пропорционально уплаченной государственной пошлине и уже понесенным по делу судебным издержкам вычет, который мог бы производиться налоговым органом на основании выписки из определения суда о заключении мирового соглашения по результатам процедуры медиации. В таком определении, помимо условий мирового соглашения, предлагается указывать все понесенные по делу сторонами судебные расходы, подтвержденные документально на момент начала процедуры медиации (а не ее окончания во избежание злоупотреблений со стороны недобросовестных участников уже налоговых правоотношений).

Эффективность разрешения правовых споров обусловлена последовательным применением альтернативных процедур, позволяющим сначала уре-

гулировать конфликт, а затем разрешить правовой спор, если стороны не смогли договориться. В данном случае сторона оплачивает только стоимость одной процедуры. Медиация в этом отношении является универсальной процедурой, поскольку может быть использована в альтернативной и судебной подсистемах системы разрешения правовых споров.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

### 1. Нормативно-правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
2. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
3. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 г. № R (84) 5 «О принципах гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы» // Российская юстиция. – 1997. – № 7.
4. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 7 февраля 1995 г. № R(95)5 «О введении в действие и улучшении функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам» // Российская юстиция. – 1997. – № 10.
5. Директива ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 21 мая 2008 г. № 2008/52 «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах». URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.01.2017).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2019. № 30. Ст. 4099.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Российская газета. – 1994. – № 238-239; 2019. – № 29. – Ч. I. – Ст. 3844.

9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2018. – № 27. – Ст. 3941.
11. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2005. – № 1. – Ч. I. – Ст. 14; 2019. – № 30. – Ст. 4116.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 29 сентября 2019 г.) // Парламентская газета. – 2000. – № 151-152; СЗ РФ. – 2019. – № 39. Ст. 5375.
13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 19 мая 2019 г.) // Российская газета. 1996. № 17; СЗ РФ. – 2019. – № 22. – Ст. 2671.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 5 февраля 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 3; 2018. – № 7. – Ст. 968.
15. Федеральный Конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2018 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2018. – № 31. – Ст. 4811.
16. Федеральный Конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Российская газета. – 1997. – № 3; СЗ РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6823.
17. Федеральный Конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2019 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898; 2019. – № 10. – Ст. 883.
18. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных

средств» (в ред. от 1 мая 2019 г.) // Российская газета. – 2002. – № 80; СЗ РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2212.

19. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 28 ноября 2018 г.) // Российская газета. – 2002. – № 137; СЗ РФ. – 2018. – № 49. – Ч. I. – Ст. 7523.

20. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 3 июля 2019 г.) // Российская газета. – 2002. – № 209-210; СЗ РФ. – 2019. – № 27. – Ст. 3538.

21. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Российская газета. – 2006. – № 162; СЗ РФ. – 2019. – № 29. – Ч. I. – Ст. 3854.

22. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Российская газета. – 2010. – № 168; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4099.

23. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Российская газета. – 2011. – 23 нояб.; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4134..

24. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Российская газета. – 2015. – № 297; СЗ РФ. – 2018. – № 53. – Ч. I. – Ст. 8457.

25. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Российская газета. – 2015. – № 297; СЗ РФ. – 2016. – № 27. – Ч. II. – Ст. 4294.

26. Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – 4 июля.

27. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Российская газета. – 2018. – 6 июня.

28. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 17 октября 2019 г.) // Российская газета. – 2018. – № 272; СЗ РФ. – 2019. – № 42. – Ч. II. – Ст. 5808.

29. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Российская юстиция. – 1995. – № 11; СЗ РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4444.

30. Проект Федерального закона № 583004-5 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О международном коммерческом арбитраже”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Российская газета. – 1993. – № 49; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4155.

32. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2016 г. № 577 «Об утверждении Положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения» // СЗ РФ. – 2016. – № 27. – Ч. 3. – Ст. 4478.

33. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. – 2012. – № 40. – Ст. 5474.

34. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 143 «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе

совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» // СЗ РФ. – 2014. – № 32. – Ст. 4557.

35. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 октября 2016 г. № 82-7 ГД // СЗ РФ. – 2016. – № 44. – Ст. 6117.

36. Приказ Министерства юстиции РФ от 13 июля 2016 г. № 165 «О Совете по совершенствованию третейского разбирательства» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 33 (утратил силу).

37. Приказ Министерства юстиции РФ от 20 марта 2019 г. № 45 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2019).

38. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания „Мать-героиня” и учреждении ордена „Материнская слава” и медали „Медаль материнства”» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37 (утратил силу).

## **2. Материалы правоприменительной практики**

40. Постановление Конституционного Суда РФ № 10-П от 26 мая 2011 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28

Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2011. – № 4.

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона „О некоммерческих организациях», в связи с жалобой открытого акционерного общества „Сбербанк России»,» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.

42. Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. – 2017. – № 1.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 1995. – № 247.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. – 2003. – № 260.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Российская газета. – 2008. – 2 июля; 2012. – 7 февр.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совер-

шенствованием примирительных процедур»». URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/26360/> (дата обращения: 20.12.2018).

47. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 154-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества „СЭВЭНТ” на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 165, пункта 3 статьи 433 и пункта 3 статьи 607 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2002. – № 1.

48. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

49. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2006. – № 3.

50. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2004. – № 8.

51. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 октября 2011г. по делу № А56-13008/2011. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

52. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 мая 2003 г. по делу № А12-30011/03-С13. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

53. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 13 сентября 2016 г. № 33-6893. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

54. Апелляционное определение Саратовского областного суда № 33-1135/18. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

55. Апелляционное определение Саратовского областного суда № 33-6119 от 6 октября . URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2019).

56. Решение по делу *Ferguson v. Writers Guild of America. West, Inc.*, 277 Cal. Rptr. 450 (Cal.APP.1991). URL: <https://www.loc.gov/> (дата обращения: 19.04.2018).

57. Решение Кировского районного суда г.Саратова от 20 февраля 2019 г. по делу №2-28/2018. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

58. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 24 февраля 2014 г. об утверждении медиативного соглашения по делу № 2-615/2014. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

59. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 14 ноября 2014 г. по делу № 2-6285/2014. Гражданское дело находится на хранении в архиве Кировского районного суда г. Саратова.

60. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 4 сентября 2014 г. об утверждении медиативного соглашения по делу № 2-1710/2014. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2019).

61. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 27 апреля 2016 г. об утверждении медиативного соглашения по делу № 2-3524/2016. Гражданское дело находится на хранении в архиве Кировского районного суда г. Саратова.

62. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 27 апреля 2016 г. об утверждении медиативного соглашения по делу № 2-4867/2017. Гражданское дело находится на хранении в архиве Кировского районного суда г. Саратова.

63. Определение Кировского районного суда г. Саратова от 27 апреля 2016 г. об утверждении медиативного соглашения по делу № 2-5921/2018.

Гражданское дело находится на хранении в архиве Кировского районного суда г. Саратова.

64. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 6 октября 2016 г. № 33-6119. URL: [http://sudact.ru/regular/doc/hUxZBjVpWuge/?regulartxt= %D0%BC% D0%B0% D1%81% D0%BB% D0%BE% D0%B2% D1%81% D0%BA% D0%B8% D1%85 &regular-case\\_doc=33-6119%2F16&regular-lawch](http://sudact.ru/regular/doc/hUxZBjVpWuge/?regulartxt=%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85&regular-case_doc=33-6119%2F16&regular-lawch) (дата обращения: 06.07.2018).

### 3. Научные издания

65. *Аболонин, Г.О.* Гражданское процессуальное право США [Текст] / Г.О. Аболонин. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 423 с.

66. *Аболонин, В.О.* Судебная медиация: теория, практика, перспективы [Текст] / В.О. Аболонин. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 408 с.

67. *Абушенко, Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе [Текст] / Д.Б. Абушенко. – М.: Норма, 2002. – 176 с.

68. *Арямов, А.А.* Общая теория риска: юридический, экономический, психологический анализ [Текст] / А.А. Арямов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 202 с.

69. *Вицын, А.И.* Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение [Текст] / А.И. Вицын. – М.: Типография В. Готье, 1856. – 144 с.

70. *Волков, А.Ф.* Торговые третейские суды [Текст] / А.Ф. Волков. – СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. – 302 с.

71. *Гайдаенко Шер, Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран) / отв. ред. Н.Г. Семилютина [Текст] / Н.И. Гайдаенко Шер. – М.: Инфра-М, 2016. 248 с.

72. *Гришин, Д.А.* Неустойка: теория, практика, законодательство [Текст] / Д.А. Гришин. – М.: Статут, 2005. – 172 с.

73. *Еременко, А.А.* Невский нотариат: люди, судьбы, исторические параллели [Текст] / А.А. Еременко. – СПб.: Нотариальная палата Санкт-Петербурга, 2017. – 544 с.
74. *Жилин, Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции [Текст] / Г.А. Жилин. – М.: Городец, 2000. – 326 с.
75. *Демичев, А.А., Исаенкова, О.В., Соловьева, Т.В.* и др. Иск в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова, Т.В. Соловьева [и др.]; под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 216 с.
76. *Курочкин, С.А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже [Текст] / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 296 с.
77. *Курочкин, С.А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж [Текст] / С.А. Курочкин. – М.: Статут, 2017. – 288 с.
78. *Лазарев, Б.М.* Государственное управление на этапе перестройки [Текст] / Б.М. Лазарев. – М.: Юридическая литература, 1988. – 320 с.
79. *Лазарев, С.В.* Управление делами в гражданском процессе за рубежом [Текст] / С.В. Лазарев. – М.: Норма, 2018. – 400 с.
80. *Малешин, Д.Я.* О системах гражданского процесса: Гражданская процессуальная система России [Текст] / Д.Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 496 с.
81. *Мурадян, Э.М.* Судебное право [Текст] / Э.М. Мурадян. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 293 с.
82. *Носырева, Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США [Текст] / Е.И. Носырева. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. – 320 с.
83. *Погосян, Е.В.* Формы разрешения спортивных споров: научное исследование [Текст] / Е.В. Погосян. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 144 с.

84. *Севастьянов, Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) [Текст] / Г.В. Севастьянов. – М.: Статут, 2015. – 464 с.

85. *Фролова, Е.А.* Проблемы теории и философии права [Текст] / Е.А. Фролова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 303 с.

86. *Яковлев, В.Ф.* Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие [Текст] / В.Ф. Яковлев. – М.: Статут, 2013. – 749 с.

#### 4. Учебные издания

87. *Абгаджав, Д.А., Абдуллаев, Н.В., Алейников, А.В.* и др. Конфликты в условиях формирования современного российского общества [Текст] / Д.А. Абгаджав, Н.В. Абдуллаев, А.В. Алейников и др.: курс лекций; под ред. А.В. Алейникова, А.И. Стребкова. – СПб.: БХВ-Петербург, 2015. – 496 с.

88. *Абсалямов, А.В., Абушенко, Д.Б., Брановицкий, К.Л.* и др. Арбитражный процесс [Текст] / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017.

89. Адвокат: навыки профессионального мастерства: учебно-практическое пособие / под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – М.: Волтерс Клувер, 2006 – 341 с.

90. *Аллахвердова, О.В., Карпенко, А.Д.* Медиация – переговоры в ситуации конфликта [Текст] / О.В. Аллахвердова, А.Д. Карпенко: учебно-методическое пособие. – СПб.: Издательский центр «Академия», 2010. – 178 с.

91. *Алексеева, Н.В., Аргунов, А.В., Ариффулин, А.А.* и др. Арбитражный процесс [Текст] / Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов, А.А. Ариффулин и др.: учебник; под ред. С.В. Никитина. – М.: РГУП, 2017. – 328 с.

92. *Беспалов, Ю.Ф., Егорова, О.А.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / Ю.Ф. Беспалов, О.А. Егорова; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2017. – 736 с.

93. *Бернам, У.* Правовая система США. – Вып. 3-й [Текст] / Уильям Бернам. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
94. *Бокова, Л.Н., Рождествина, А.А.* Медиация: практическое пособие [Текст] / Л.Н. Бокова, А.А. Рождествина. – Саратов: Тип. Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – 20 с.
95. *Борисов, А.Н.* Споры с налоговыми органами при осуществлении налогового контроля и взыскании налогов и сборов: практические рекомендации [Текст] / А.Н. Борисов. – М.: Юстицинформ, 2015. – 264 с.
96. *Брунцева, Е.В.* Международный коммерческий арбитраж [Текст] / Е.В. Брунцева: учебное пособие. – СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 365 с.
97. *Васьковский, Е.В.* Курс гражданского процесса (том 1) [Текст] / Е.В. Васьковский. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
98. *Викут, М.А., Зайцев, И.М.* Гражданский процесс [Текст] / М.А. Викут, И.М. Зайцева: курс лекций. – Саратов: СГАП, 1998. – 336 с.
99. *Гайденоко Шер, Н.И., Семилютина, Н.Г.* Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров [Текст] / Н.И. Гайденоко Шер. Н.Г. Семилютина: научно-практическое пособие; отв. ред. Н.Г. Семилютина. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 176 с.
100. *Гольмстен, А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст] / А.Х. Гольмстен. – СПб.: Типография Чичинадзе, 1899. – 411 с.
101. Гражданский, арбитражный и административный процесс в схемах с комментариями [Текст]: учебник / С.И. Князькин, И.А. Юрлов. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 440 с.
102. Гражданский процесс России [Текст] / М.А. Викут [и др.]; под ред. М.А. Викут. – М.: Юристъ, 2005. – 480 с.
103. Гражданский процесс [Текст]: учебник / В.А. Мусин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот; под ред. В.А. Мусина. – М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2000. – 544 с.

104. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин [и др.]; отв. ред. В.В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 752 с.

105. Гражданский процесс [Текст]: учебник / Е.А. Борисова, С.А. Иванова, М.К. Треушников [и др.]; под ред. М.К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 784 с.

106. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др. / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014.

107. Гражданский процесс [Текст]: учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015. – 960 с.

108. *Кавелин, К.Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях: хрестоматия [Текст] / К.Д. Кавелин; под ред. М.К. Треушникова. – М.: ЛексЭст, 2005. – 171 с.

109. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий [и др.]; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. – М.: Статут, 2016. – 352 с.

110. *Кутафин, О.Е., Шеремет, К.Ф.* Компетенция местных советов [Текст] / О.Е. Кутафин, К.Ф. Шеремет: учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1986. – 224 с.

111. Научно-практический комментарий к Конституции РФ [Текст] / М.П. Авдеенкова [и др.]; под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: Юрист, 1997. – 716 с.

112. *Николюкин, С.В.* Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации [Текст] / С.В. Николюкин: научно-практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2013. – 241 с.

113. *Ралько, В.В., Репин, Н.В., Дударев, А.В., Фомин, В.А.* Нотариат [Текст] / В.В. Ралько, Н.В. Репин, А.В. Дударев, В.А. Фомин: учебник. – М.: Юстиция, 2016. – 214 с.

114. *Решетникова, И.В.* Доказывание в гражданском процессе [Текст] / И.В. Решетникова: учебно-практическое пособие. – М.: Юрайт, 2011. – 503 с.

115. *Артемьева, Ю.А., Борисова, Е.А., Ермакова Е.П.* и др. Способы разрешения споров в разносистемных правопорядках [Текст] / Ю.А. Артемьева, Е.А. Борисова, Е.П. Ермакова [и др.]: учебное пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 424 с.

116. *Фурсов, Д.А.* Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса [Текст] / Д.А. Фурсов: учебное пособие. – М.: Статут, 2009. – 80 с.

## 5. Справочные издания

117. *Губский, Е.А.* Философский энциклопедический словарь [Текст] / Е.А. Губский. – М.: Инфа-М, 1999. – 576 с.

118. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.

119. Кодекс Юстиниана (Фрагменты). – М.: Директ-Медиа, 2008. – 12 с.

120. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа Прогресс – Энциклопедия, 1994. – 576 с.

121. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: А Темп, 2006. – 944 с.

122. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1987. – 752 с.

123. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / отв. ред. А.Я. Сухарев. – М., 2003. – 976 с.

**6. Статьи в научных журналах и сборниках**

124. *Абова, Т.А., Ярков, В.В., Брайг Б.* и др. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? [Текст] / Т.А. Абова, В.В. Ярков, Б. Брайг // Закон. – 2017. – № 10. – С. 20–35.
125. *Аболонин, В.О.* Судебная медиация: теория, практика, перспективы [Текст] / В.О. Аболонин // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М., 2014. – Кн. 6. –
126. *Аллахвердова, О.В.* Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте [Текст] / О.В. Аллахвердова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 37–48.
127. *Аллахвердова, О.В.* Школа посредничества (медиации) [Текст] / О.В. Аллахвердова // Третейский суд. – 2006. – № 2. – С. 133–143.
128. *Алексеева, Т.В.* Некоторые аспекты интеграции институтов альтернативного разрешения споров в правовую среду современной России [Текст] / Т.В. Алексеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 12. – С. 43–47.
129. *Антипов, А.Н., Антипов, В.А.* История возникновения и развития медиации [Текст] / А.Н. Антипов, В.В. Антипов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 4. – С. 23–25.
130. *Ануров, В.Н.* Допустимость третейского соглашения [Текст] / В.Н. Ануров // Третейский суд. – 2005. – № 3. – С. 46–67.
131. *Бараданченкова, Н.Е.* Новеллы института подведомственности [Текст] / Н.Е. Бараданченкова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 12. – С. 24–25.
132. *Бардин, Л.Н.* Минимизация рисков и внесудебное разрешение конфликтов в предпринимательской деятельности [Текст] / Л.Н. Бардин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 12. – С. 62–64.

133. *Бахрах, Д.Н.* Подведомственность юридических дел и ее уровни [Текст] / Д.Н. Бахрах // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 46–60.

134. *Беликова, К.М.* Порядок досудебного (в том числе квазисудебного) урегулирования споров в странах БРИКС: общие подходы и вехи развития [Текст] / К.М. Беликова // Законодательство и экономика. – 2016. – № 4. – С. 49–61.

135. *Белова, А.В.* Вопросы правового регулирования установления гражданско-правовой ответственности [Текст] / А.В. Белова // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. – Ростов н/Д: 2009.

136. *Бондаренко, В.Е.* Практика применения процедуры медиации по отдельным категориям споров [Текст] / В.Е. Бондаренко // Правовая культура. – 2015. – № 1 (20). – С. 80–86.

137. *Бочарова, Н.С.* Разрешение споров в России: на грани формальных процедур [Текст] / Н.С. Бочарова // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференция Международной ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 18–21.

138. *Валеев, Д.Х., Зайцев, А.И., Фетюхин, М.В.* Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» [Текст] / Д.Х. Валеев, А.И. Зайцев, М.В. Фетюхин // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 3. – С. 165–221.

139. *Василишина, П.Ю.* Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации как акт недобросовестной конкуренции: анализ правоприменения [Текст] / П.Ю. Василишина // Конкурентное право. – 2017. – № 2. – С. 41–44.

140. *Величкова, О.И.* Медиация при разрешении семейных споров: некоторые теоретические проблемы [Текст] / О.И. Величкова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 216–229.

141. *Величкова, О.И.* Современные реалии рассмотрения споров о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей [Текст] / О.И. Величкова // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.) / под ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб.: ИД «Петрополис», 2015. – С. 34–37.

142. *Веркерк, Р.* Влияние справедливости процедуры разрешения спора на исполнение решений [Текст] / Р. Веркерк // Исполнительное производство: традиции и реформы; правоприменение / пер. с англ.; под ред. Р. Ван Рее [и др.]. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 295–317.

143. *Виноградова, Е.А.* Третейские суды: законодательное регулирование и перспективы развития [Текст] / Е.А. Виноградова // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 63–67.

144. *Гавриленко, В.А.* Вопросы истории третейского разбирательства споров (Древний мир и средние века) [Текст] / В.В. Гавриленко // История государства и права. – 2010. – № 5. – С. 6–8.

145. *Гомула, И.* Правовые последствия решений Апелляционного органа в системе разрешения споров ВТО [Текст] / И. Гомула // Международное правосудие. – 2016. – № 3. – С. 78–87.

146. *Горбик, К.Е.* Актуальные проблемы участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, в гражданском процессе [Текст] / К.Е. Горбик // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 9. – С. 49–53.

147. *Гринев, П.Д.* Обеспечительные меры как форма предварительного судебного контроля за деятельностью международных коммерческих ар-

битражей [Текст] / П.Д. Гринев // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 131–137.

148. *Гурьев, В.В., Рождествина, А.А.* Социально-трудовые противоречия: возникновение, разрешение, медиабельность [Текст] / В.В. Гурьев, А.А. Рождествина // Правовая культура. – 2016. – № 3. – С. 57–63.

149. *Давыденко, Д.Л.* Вопросы юридической терминологии в сфере альтернативного разрешения споров [Текст] / Д.Л. Давыденко // Третейский суд. – 2009. – № 1 – С. 40–53.

150. *Демичев, А.А.* О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [Текст] / А.А. Демичев // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сборник научных трудов / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: КиТиздат; НФ МГЭИ, 2010. – С. 6–11.

151. *Демичев, А.А.* Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации [Текст] / А.А. Демичев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 7. – С. 6–10.

152. *Долинская, В.В.* Проблемы правового статуса третейского суда и постоянно действующих арбитражных учреждений [Текст] / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 4. – С. 7–18.

153. *Дыбов, Е.А.* Соотношение медиативной и третейской оговорок [Текст] / Е.А. Дыбов // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 209–215.

154. *Ерпылева, Н.Ю., Лопатина, Д.А.* Обеспечительные меры в международном коммерческом арбитраже [Текст] / Н.Ю. Ерпылева, Д.А. Лопатина // Международный коммерческий арбитраж. – 2008. – № 4. – С. 52–77.

155. *Загайнова, С.К., Чудиновская, Н.А., Шереметова, Г.С.* Обязательная медиация в Италии: проблемы реализации [Текст] / С.К. Загайнова,

Н.А. Чудиновская, Г.С. Шереметова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 6. – С. 56–62.

156. *Загайнова, С.К.* Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России [Текст] / С.К. Загайнова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – Кн. 4. – С. 14–24.

157. *Загайнова, С.К.* Способы стимулирования участников медиации по правовым спорам [Текст] / С.К. Загайнова // Примириительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., Санкт-Петербург). – Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 70–75.

158. *Загайнова, С.К.* Уральская модель медиации по правовым спорам: практика экспериментального подхода [Текст] / С.К. Загайнова // Актуальные вопросы развития практики медиации: опыт Республики Беларусь и России: материалы Международного круглого стола (Минск, 19 апреля 2018 г.) / под ред. О. Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2018. – С. 11–19.

159. *Зайцев, И.М.* Целевые установки гражданского судопроизводства [Текст] / И.М. Зайцев // Проблемы реформы гражданского процессуального права и практики его применения: сборник трудов. – Свердловск: СЮИ, 1990. – С. 13–18.

160. *Зейдер, Н.Б.* Предмет и система советского гражданского процессуального права [Текст] / Н.Б. Зейдер // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.

161. *Здрок, О.Н.* Примириительные процедуры в гражданском судопроизводстве: понятие, классификация, тенденции развития (на примере Республики Беларусь) [Текст] / О.Н. Здрок // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 1.

162. *Иванова, С.А.* Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГПК РФ и АПК РФ [Текст] / С.А. Иванова // Актуальные

проблемы гражданского процесса: сборник статей / под ред. В.А. Мусина. – СПб.: – 2002. – С. 16–22.

163. *Ибрагимов, А.* Медиация как способ разрешения коммерческих споров [Текст] / А. Ибрагимов // Судебная защита прав инвесторов: сборник научных статей. – СПб: Юрид. центр «Пресс», 2010. – С. 143–145.

164. *Ивановская, Н.В.* Оказание услуг по альтернативному разрешению споров общественными организациями в зарубежных странах [Текст] / Н.В. Ивановская // Черные дыры в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 131–133.

165. *Исаенков, А.А.* Позитивизм как основа определения основных начал гражданского процессуального права [Текст] / А.А. Исаенков // Вопросы российского и международного права (Matters of Russian and International Law). – 2014. – № 8–9. – С. 70–80.

166. *Исаенкова, О.В.* Законопроект № 383208-7 о единстве подходов при отправлении правосудия и его упрощении: актуально или преждевременно? [Текст] / О.В. Исаенкова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 8. – С. 20–24.

167. *Исаенкова, О.В.* Задачи и основные положения законодательства о медиации в России [Текст] / О.В. Исаенкова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 8.

168. *Исаенкова, О.В.* Принципы и задачи медиации и гражданского судопроизводства: сравнительный анализ [Текст] / О.В. Исаенкова // Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: юбилейный сборник научных трудов, посвященных 20-летию со дня основания юридического фак-та КубГАУ и 90-летию Кубанского гос. аграрного ун-та. – Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2011. – С. 90–95.

169. *Исаенкова, О.В.* Критерии определения соответствия российского законодательства о медиации по гражданским делам международному

опыту ее развития [Текст] / О.В. Исаенкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3 – С. 117–126.

170. *Исаенкова, О.В.* Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы [Текст] / О.В. Исаенкова // Вопросы российского и международного права (Matters of Russian and International Law). – 2013. – № 3. – С. 83–89.

171. *Исаенкова, О.В.* Медиация в Проекте Концепции Кодекса гражданского судопроизводства [Текст] / О.В. Исаенкова // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4. – С. 99–100.

172. *Кабатова, Е.В.* Изменения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и их имплементация в российское законодательство [Текст] / Е.В. Кабатова // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сборник статей к 80-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации / под ред. А.А. Костина. – М.: Статут, 2012. – С. 165–177.

173. *Кажлаев, С.А.* Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах [Текст] / С.А. Кажлаев // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 119–124.

174. *Калашникова, С.И.* Применение медиации при урегулировании коммерческих споров [Текст] / С.И. Калашникова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 239–245.

175. *Кобахидзе, Д.И.* Регулирование обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже: сравнительный анализ законодательства Англии, Китая и России [Текст] / Д.И. Кобахидзе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 6. – С. 87–92.

176. *Колер, К.* (Christian Koller) Австрийский национальный доклад [Текст] / К. Колер // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евра-

зийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Международной Ассоц. проц. права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 151–164.

177. *Комкова, Г.Н.* Равенство и справедливость в обыденном и научном правосознании россиян [Текст] / Г.Н. Комкова // Правовая культура. – 2006. – № 1. – С. 10–16.

178. *Коннов, А.Ю.* Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров [Текст] / А.Ю. Коннов // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 120–131.

179. *Кузбагарова, Е.В.* Институт примирения сторон в уголовном процессе как альтернативный способ разрешения криминальных конфликтов [Текст] / Е.В. Кузбагарова // Третейский суд. – 2006. – № 5. – С. 157–160.

180. *Кузбагаров, А.Н., Кузбагарова, В.А.* Правовая модель примирения сторон в цивилистическом процессе // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (17 декабря 2014 г., г. Краснодар) / под ред. Ю.А. Поповой. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2015. – С. 70–78.

181. *Кузбагарова, В.А.* Соглашение о примирении сторон в административном судопроизводстве [Текст] / В.А. Кузбагарова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2. – С. 73–77.

182. *Левушкин, А.Н.* История возникновения и развития института брачного договора в России [Текст] / А.Н. Левушкин // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 5. – С. 34–38.

183. *Лисицын, В.В.* Помощник судьи — судебный примиритель [Текст] / В.В. Лисицын // Администратор суда. – 2016. – № 1. – С. 16–20.

184. *Лукин, Р.В.* Критический анализ итогов реформы третейских судов в свете использования не получившими разрешения Правительства Российской Федерации третейскими судами механизма *ad hoc* [Текст] / Р.В. Лукин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 9. – С. 57–61.

185. *Люпой, М.А.* О недавних изменениях в гражданском процессуальном праве Италии [Текст] / М.А. Люпой // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 11. – С. 36.

186. *Маковский, А.Л.* Заключение Исследовательского центра частного права при Президенте РФ на запрос Высшего Арбитражного Суда РФ в Конституционный Суд РФ [Текст] / А.Л. Маковский // Третейский суд. – 2011. – № 2. – С. 57–67.

187. *Маркунин, Р.С.* Система юридической ответственности судебной власти [Текст] / Р.С. Маркунин // Российская юстиция. – 2018. – № 7. – С. 50–52.

188. *Мажорина, М.В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? [Текст] / М.В. Мажорина // Lex russica. – 2019. – № 2. – С. 107–120.

189. *Минкина, Н.И.* К вопросу о применении медиации и медиабельности споров [Текст] / Н.И. Минкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 120–124.

190. *Минкина, Н.И.* Медиация в урегулировании трудовых споров: проблемы развития [Текст] / Н.И. Минкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 12–15.

191. *Михайлова, Е.В.* Медиация в России: проблемы определения правовой природы и законодательного регулирования [Текст] / Е.В. Михайлова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 70–78.

192. *Мордовцев, А.Ю., Агафонова, Т.П.* Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект [Текст] / А.Ю. Мордовцев, Т.П. Агафонова // История государства и права. – 2013. – № 24. – С. 29–34.

193. *Муромцев, С.А.* Право и справедливость [Текст] / С.А. Муромцев // Сборник правоведения и общественных знаний: в 2 т. – СПб., 1893. – Т. 2. – С. 1–11.

194. *Мусин, В.А.* Соглашения о третейском разбирательстве и медиации: сравнительный анализ [Текст] / В.А. Мусин // Арбитражные споры. – 2015. – № 3. – С. 139–144.

195. *Носырева, Е.И.* Перспективы развития в Российской Федерации отдельных примирительных процедур// Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2019 г., Санкт-Петербург). – Ч. 1 / под общ. ред. П.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой [Текст] / Е.И. Носырева. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 197–203.

196. *Носырева, Е.И.* Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов [Текст] / Е.И. Носырева // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 4. – С. 79–100.

197. *Носырева, Е.И.* Становление института медиации в России [Текст] / Е.И. Носырева // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 1–13.

198. *Нохрин, Д.Г.* Российский национальный доклад [Текст] / Д.Г. Нохрин // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Межд. Асс. проц. права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 259–260.

199. *Ойгензихт, В.А.* Воля и риск [Текст] / В.А. Ойгензихт // Правоведение. – 1984. – № 4. – С. 40–46.

200. О необходимости процессуальных правил // Бюллетень Госарбитража при СНК СССР. – 1934. – № 15. – С. 1.

201. *Орлов, В.Г.* Медиация в семейных конфликтах в Финляндии [Текст] / В.Г. Орлов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 1. – С. 47–53.

202. *Ортлофф, К.М.* Новые методы ведения судебного процесса: о влиянии медиации на административный процесс [Текст] / К.М. Ортлофф // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2004. – № 3. – С. 269–280.

203. *Осипов, Ю.К.* Элементы и стадии применения норм гражданского процессуального права [Текст] / Ю.К. Осипов // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: сборник научных трудов. – Вып. 48. – Свердловск, 1976. С. 38–39.

204. *Осокина, Г.Л.* Законная сила судебного решения по гражданским и административным делам [Текст] / Г.Л. Осокина // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – Право. – № 4(18). – С. 122–132.

205. *Пальцева, Е.Ю.* Факторы, сдерживающие развитие медиации в России // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко [Текст] / Е.Ю. Пальцева. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 82–87.

206. *Петрова, Н.Е.* Кризис традиционного правосудия и возникновение альтернативных форм разрешения правовых конфликтов [Текст] / Н.Е. Петрова // Третейский суд. – 2007. – № 6. – С. 109–115.

207. *Понасюк, А.М.* Адвокатская деятельность в качестве медиатора: актуальные вопросы правового регулирования [Текст] / А.М. Понасюк // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 53–56.

208. *Ракитина, Л.Н.* Прекращение доверенности путем отмены выдавшим ее лицом [Текст] / Л.Н. Ракитина // Нотариус. – 2015. – № 8. – С. 39–43.

209. *Решетникова, И.В.* Право встречного движения. Посредничество и российский арбитражный процесс [Текст] / И.В. Решетникова // Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2007. – № 2(4). – С. 52–56.

210. *Ригер, Г, Мим, К.* Нотариус в качестве медиатора // Медиация в нотариальной практике [Текст] / Г. Ригер, К. Мим / Петер Фар и др.; отв. ред.

К.Г.фон Шлиффен и Б.Вегман; пер. с нем. С.С. Трушников. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 21–62.

211. *Рожкова, М.А.* Разрешение и урегулирование коммерческих споров [Текст] / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2005. – № 1. – С. 140–145.

212. *Рубан, О.Н.* Роль суда в развитии института медиации [Текст] / О.Н. Рубан // Судья. – 2018. – № 8. – С. 28–31.

213. *Самойлова, Д.* Земельные споры в России и за рубежом [Текст] / Д. Самойлова // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 30. – С. 16.

214. *Сапфирова, А.А.* Медиация как альтернативный способ урегулирования индивидуальных трудовых споров: проблемы и перспективы развития [Текст] / А.А. Сапфирова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 99–101.

215. *Сафронова, С.С., Ситкова, О.Ю.* Право ребенка на общение с родителями: значение семейной медиации [Текст] / С.С. Сафронова, О.Ю. Ситкова // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 230–239.

216. *Сахнова, Т.В.* Судебные и несудебные процедуры: континентальный опыт [Текст] / Т.В. Сахнова // Медиация в условиях кризиса: теоретический и практический аспекты: сборник статей по материалам Региональной научно-практической конференции (Красноярск, 25–26 марта 2010 г.) / под ред. И.Н. Тоболкиной, Т.Б. Черепановой. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 17–32.

217. *Седелков, А.В.* Роль гипотез Ad hoc в современной науке [Текст] / А.В. Седелков // Наука и современность. – 2013. – № 2. – С. 85–87.

218. *Скворцов, О.Ю.* Подведомственность споров третейским судам [Текст] / О.Ю. Скворцов // Третейский суд. – 2005. – № 1. – С. 6–11.

219. *Скворцов, О.Ю.* Спор о закупках и вопросы арбитрабельности: правовая неопределенность не преодолена? [Текст] / О.Ю. Скворцов // Третейский суд. – 2018. – № 3/4. – С. 25–28.

220. *Соловых, С.Ж.* Риск как процессуальная категория [Текст] / С.Ж. Соловых // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, проводимой (Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.) / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб.: ИД «Петрополис», 2015. – С. 22–24.

221. *Соловьева, Т.В.* Принципы реализации постановлений высших судебных органов в гражданском судопроизводстве [Текст] / Т.В. Соловьева // Современное право. – 2013. – № 8. – С. 82–85.

222. *Трещева, Е.А.* Судебные примирительные процедуры: право на существование [Текст] / Е.А. Трещева // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 106–118.

223. *Толкачева, О.А.* Понятие медиабельности спора [Текст] / О.А. Толкачева // Уральский судебный вестник. – 2014. – № 2. – С. 14–18.

224. *Туманов, Д.А.* и др. Законопроект: оптимизация судопроизводства или отказ от правосудия? [Текст] / Д.А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 64–73.

225. *Узелац, А.* Основной доклад [Текст] / А. Узелац // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: сборник статей по материалам Всемирной конференции Межд. ассоц. проц. права (18–21 сентября 2012 г., г. Москва) / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 256–259.

226. *Федоренко, Н.В.* Медиация: экономические и правовые аспекты [Текст] / Н.В. Федоренко // Третейский суд. – 2007. – № 5. – С. 161–165.

227. *Фильченко, И.Г.* Влияние принципа конфиденциальности процедуры медиации на доказывание в гражданском процессе [Текст] /

И.Г. Фильченко // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 118–125.

228. *Шестакова, М.* Верховный Суд взялся за примирительные процедуры: появятся судебные примирители и медиация по административным делам [Текст] / М. Шестакова // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 5. – С. 1–2.

229. *Цветков, И.В.* Эффективность решений Конституционного Суда РФ [Текст] / И.В. Цветков // Налоговед. – 2007. – № 11 – С. 18–22.

230. *Чекмарева, А.В.* Предварительное судебное заседание в свете реформирования гражданского процессуального законодательства [Текст] / А.В. Чекмарева // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства: сборник статей по материалам / Международной научно-практической конференции (22 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург) / под общ. ред. А.Н. Кузбагарова, К.Г. Сварчевского. – СПб.: ИД «Петрополис», 2015. – С. 292–296.

231. *Чуманова, А.Н.* Содействие государственного суда арбитражу в Российской Федерации и в Великобритании: сравнительно-правовое исследование [Текст] / А.Н. Чуманова // Science Time. – 2016. – № 12. С. 38–42.

232. *Шаманова, Р.А.* Некоторые проблемы реализации медиации в России [Текст] / Р.А. Шаманова // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 8–9. – С. 59–69.

233. *Шеменева, О.Н.* Расширение диспозитивных полномочий сторон в гражданском и арбитражном процессе в связи с развитием медиации [Текст] / О.Н. Шеменева // Развитие медиации в России: сборник статей / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 126–137.

234. *Широкопояс, Ю.А., Иванова, О.Е.* Совершенствование законодательства, регулирующего порядок проведения примирительных процедур [Текст] / Ю.А. Широкопояс, О.Е. Иванова // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 5. – С. 68–70.

235. *Юдин, А.В.* Категория «риск» в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.В. Юдин // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 11–53.

236. *Ярков, В.В.* Новые формы исковой защиты в гражданском процессе (групповые и косвенные иски) [Текст] / В.В. Ярков // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 32–40.

### **7. Диссертации и авторефераты диссертаций**

237. *Ануров, В.Н.* Роль международных договоров в формировании современной концепции международного коммерческого арбитража [Текст] / В.Н. Ануров: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 186 с.

238. *Барышников, П.С.* Гражданское судопроизводство по трудовым спорам [Текст] / П.С. Барышников: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2017. – 19 с.

239. *Бенова, В.И.* Медиация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров [Текст] / В.И. Бенова: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 186 с.

240. *Владимирова, М.О.* Медиативное соглашение в системе гражданско-правового регулирования [Текст] / М.О. Владимирова: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – 199 с.

241. *Владимирова, С.А.* Правовая природа и значение третейского соглашения [Текст] / С.А. Владимирова: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 215 с.

242. *Виноградова, Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда [Текст] / Е.А. Виноградова: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – 263 с.

243. *Гвоздарева, М.В.* Посредничество как метод альтернативного разрешения корпоративных конфликтов [Текст] / М.В. Гвоздарева: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 23 с.

244. *Гимазов, Р.Н.* Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов [Текст] / Р.Н. Гимазов: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 172 с.

245. *Зайцев, А.И.* Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты) [Текст] / А.И. Зайцев: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 226 с.

246. *Гринев, П.Д.* Государственный контроль за оспариванием и принудительным исполнением решений международных коммерческих арбитражей [Текст] / П.Д. Гринев: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 217 с.

247. *Давыденко, Д.Л.* Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) [Текст] / Д.Л. Давыденко: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 257 с.

248. *Егоров, А.В.* Понятие посредничества в гражданском праве [Текст] / А.В. Егоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 25 с.

249. *Захарьяшева, И.Ю.* Примириительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации (концептуальные основы и перспективы развития) [Текст] / И.Ю. Захарьяшева: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 246 с.

250. *Зверева, Н.С.* Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции [Текст] / Н.С. Зверева: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016. – 235 с.

251. *Калашникова, С.И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции [Текст] / С.И. Калашникова: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 258 с.

252. *Колясникова, Ю.С.* Примириительные процедуры в арбитражном процессе [Текст] / Ю.С. Колясникова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 30 с.

253. *Кузбагаров, А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частного-правового характера [Текст] / А.Н. Кузбагаров: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – 359 с.

254. *Курочкин, С.А.* Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации [Текст] / С.А. Курочкин: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 216 с.

255. *Лебедев, М.Ю.* Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде [Текст] / М.Ю. Лебедев: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 218 с.

256. *Миронов, В.П.* Конституционно-правовые проблемы разграничения предметов ведения и полномочий в условиях РФ [Текст] / В.П. Миронов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 30 с.

257. *Нахов, М.С.* Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства [Текст] / М.С. Нахов: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 203 с.

258. *Носырева, Е.И.* Альтернативное разрешение гражданских правовых споров в США [Текст] / Е.И. Носырева: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2001. – 362 с.

259. *Понасюк, А.М.* Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации [Текст] / А.М. Понасюк: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 269 с.

260. *Севастьянов, Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости [Текст] / Г.В. Севастьянов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 240 с.

261. *Скворцов, О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России [Текст] / О.Ю. Скворцов: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – 775 с.

262. *Соловых, С.Ж.* Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров [Текст] / С.Ж. Соловых: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 192 с.

263. *Толмачева, О.Н.* Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О международном торговом арбитраже» и российское законодательство [Текст] / О.Н. Толмачева: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 213 с.
264. *Федина, А.С.* Реализация принципа законности в гражданском процессе [Текст] / А.С. Федина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 27 с.
265. *Фильченко, Д.Г.* Современные проблемы подготовки дел к судебному разбирательству в арбитражном процессе Российской Федерации [Текст] / Д.Г. Фильченко: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 233 с.
266. *Цихоцкий, А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам [Текст] / А.В. Цихоцкий: дис. ... д-ра юрид. наук. – Новосибирск, 1997. – 612 с.
267. *Чекмарева, А.В.* Подготовительные процедуры в гражданском процессе [Текст] / А.В. Чекмарева: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2015. – 38 с.
268. *Шумова, К.А.* Принципы медиации [Текст] / К.А. Шумова: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 199 с.

## 8. Иностранные источники

269. *Alexandr, N.M.* Global trends of mediation [Текст] / N.M. Alexandr // Kluwer Law International. – 2006. – P. 4.
270. *Backer, I.L.* The Norwegian Reform of Civil Procedure Reforms of Civil Procedure in Germany and Norway [Текст] / I.L. Backer / V. Lipp, H. Fpkuredriksen (eds.), 2011. – 452 p.
271. *Kreissl, S.* Mediation — von der Alternative zum Recht zur Integration in das Staatliche Konfliktlösungssystem. SchiedsVZ, 2012.
272. *Lebovits, G., Ramirez, L.* Alternative Dispute Resolution in Real Estate Matters: The New York Experience. Cardozo Journal of Conflict Resolution. Vol. 11.

273. *Liu, X., Yang, L.* Redemption of Chinese Arbitration? - Comments on the Civil Procedure Law (2012) and Free Trade Zone Arbitration Rules [Текст] / X. Liu, L. Yang // Chinese Journal of International Law. 2014. – Vol. 13, iss. 4.

274. *Mohmeded, S.A.* Critical Analysis of Arbitral Provisional Measures in England and Wales [Текст] / S.A. Mohmeded. – Brunel University, 2014. –347 p.

275. *Sander, F.* Dispute Resolution Within and Outside the Courts: an Overview of the U.S. Experience [Текст] / F. Sander // Attorneys General and New Methods of Dispute Resolution. – National Association of Attorneys General and ABA. 1990. – P. 13–28.

276. Types of Dispute Resolution Processes // American Bar Association. URL: [http://www.americanbar.org/groups/dispute\\_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm](http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm) (дата обращения: 03.01.2019).

## 9. Интернет-ресурсы

277. Types of Dispute Resolution Processes // American Bar Association. URL: [http://www.americanbar.org/groups/dispute\\_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm](http://www.americanbar.org/groups/dispute_resolution/resources/DisputeResolutionProcesses.htm) (дата обращения: 03.01.2019).

278. *Воронин, Д.В.* Становление и развитие органов государственного арбитража Западной Сибири в 1920–1940-е гг. [Текст] / Д.В. Воронин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-i-razvitie-organov-gosudarstvennogo-arbitrazha-zapadnoy-sibiri-v-1920-1940-e-gg> (дата обращения: 03.01.2019).

279. ЮНСИТРАЛ: типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре. URL: <http://www.uncitral.org/> (дата обращения: 26.08.2018).